

ISSN 2542-1514 (Print)

ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

2026

Том 10 № 1

Dostoevsky Omsk State University

LAW ENFORCEMENT REVIEW

2026

Vol. 10 no. 1

ISSN 2658-4050 (Online)

ПРАВOPРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 10, № 1 • 2026

Выходит четыре раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГАОУ ВО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»

Главный редактор – А.Н. Костюков, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.В. Маслов, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

Заместитель главного редактора – К.А. Пономарева, профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, доцент (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.А. Азаров – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Н. Бабурин – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, Президент Ассоциации юридических вузов России, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

А.В. Габов – член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, Заслуженный юрист Российской Федерации, научный руководитель юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Москва, Россия)

Е.В. Гриценко – профессор кафедры конституционного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Санкт-Петербург, Россия)

Л.В. Зайцева – заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин Тюменского государственного университета, д-р юрид. наук, доц. (г. Тюмень, Россия)

И.А. Исаев – заведующий кафедрой истории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Москва, Россия)

М.П. Клейменов – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Омск, Россия)

С.Д. Князев – профессор кафедры административного и финансового права Санкт-Петербургского государственного университета, судья Конституционного Суда Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

С.А. Авакьян – заведующий кафедрой конституционного и муниципального права МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Заслуженный юрист Российской Федерации, лауреат премии имени А.Ф. Кони Российской академии наук (г. Москва, Россия)

К.В. Арановский – судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке, д-р юрид. наук, доцент, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

А.В. Бутаков – профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Омск, Россия)

В.В. Векленко – профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия)

Ю.В. Голик – профессор кафедры юриспруденции Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина, д-р юрид. наук, проф., академик Международной Славянской Академии, академик Сербской академии наук и образования (г. Елец, Россия)

Г.А. Василевич – член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Республики Беларусь (г. Минск, Беларусь)

Стефания Карневале – ассоциированный профессор кафедры уголовного процесса Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Мария Карфикава – профессор кафедры финансового права и финансовой науки Карлова университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Прага, Чехия)

В.А. Малиновский – член Конституционного Совета Республики Казахстан, д-р юрид. наук, проф. (г. Астана, Казахстан)

Горазд Мешко – директор института уголовного правосудия и безопасности Университета Марибора, д-р юрид. наук, проф., Президент Европейского общества криминологов (г. Марибор, Словения)

Махеш Налла – профессор Школы уголовного правосудия Мичиганского государственного университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Лансинг, США)

Срето Ного – профессор факультета права, государственного управления и безопасности Университета Джона Несбитта, доктор права, президент Сербской королевской академии наук и искусств, генеральный секретарь Международной ассоциации международного уголовного права (г. Белград, Сербия)

М.В. Сенцова (Карасева) – заведующая кафедрой финансового права Воронежского государственного университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный работник высшей школы России (г. Воронеж, Россия)

В.Л. Слесарев – начальник отдела договорного права Исследовательского Центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Л.А. Терехова – заведующая кафедрой гражданского и арбитражного процесса Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшей школы (г. Омск, Россия)

С.Ю. Чуча – главный научный сотрудник сектора процессуального права Института государства и права РАН, руководитель междисциплинарного Центра правовых исследований в сфере трудового права и права социального обеспечения, председатель Арбитражного суда г. Москвы в отставке, д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

Е.Г. Шаболова – заведующая кафедрой правового регулирования экономической деятельности Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (г. Екатеринбург, Россия)

Т.Ф. Яцук – заведующая кафедрой теории и истории государства и права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации (г. Омск, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В.Б. Исаков – ординарный профессор Департамента теории права и сравнительного правоведения Высшей школы экономики, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный юрист Российской Федерации, академик МАН ИПТ (г. Москва, Россия)

А.Д. Керимов – главный научный сотрудник Института государства и права РАН, главный редактор научного журнала «Российский журнал правовых исследований», д-р юрид. наук, проф. (г. Москва, Россия)

А.И. Коробеев – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Дальневосточного федерального университета, д-р юрид. наук, проф., Заслуженный деятель науки Российской Федерации (г. Владивосток, Россия)

В.В. Сонин – научный сотрудник кафедры конституционного и административного права Дальневосточного федерального университета, канд. юрид. наук (г. Владивосток, Россия)

Е.С. Шугрина – профессор кафедры государственного и муниципального права Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, д-р юрид. наук, проф., член Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления (г. Москва, Россия)

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Славомир Преснарнович – судья Высшего административного суда, д-р юрид. наук, проф. (г. Варшава, Польша)

Элизабетта Сильвестри – профессор кафедры гражданского процессуального права Университета Павии, д-р юрид. наук, член Комитета Министерства юстиции Италии по реформе гражданского процесса (г. Павия, Италия)

Бронис Судавичюс – профессор кафедры публичного права Вильнюсского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Вильнюс, Литва)

Лю Сяньвэнь – заведующий Центром российского права Института права Чжэнчжоуского университета, д-р юрид. наук, проф. (г. Чжэнчжоу, Китай)

Серена Форлати – директор Центра европейских правовых исследований международной организованной преступности, профессор факультета права Университета Феррары, д-р юрид. наук (г. Феррара, Италия)

Лю Хунянь – заведующий Исследовательским центром экологического права Института права Академии общественных наук КНР, д-р юрид. наук, проф. (г. Пекин, Китай)

Андреас Штайнингер – профессор экономического права в Университете г. Висмара, д-р юрид. наук (г. Висмар, Германия)

Адрес редакции: 644099, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Фрунзе, 6, каб. 704. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77-73726 от 21 сентября 2018 года.

Журнал включен в перечень ВАК. Свободная цена.

Сайт журнала: <https://enforcement.omsu.ru>. Включает полнотекстовые версии статей на русском и английском языках.

Правила для авторов, этика публикаций, информация об индексации журнала в международных базах цитирования и иные сведения представлены на сайте журнала.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Рукописи, присланные в журнал, не возвращаются.

Перепечатка материалов журнала допускается только по согласию с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

Дата выхода: 18.03.2026. Ризографическая печать. Формат 60x84 1/8. Заказ 86. Тираж 25 экз.

Редактор Д.С. Нерозник. Технический редактор Е.В. Лозовая. Дизайн обложки З.Н. Образова.

Отпечатано в типографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Адрес издателя и типографии: 644077, Россия, Омская область, г. Омск, пр. Мира, д. 55-А

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 10, no. 1 • 2026

Published four times a year

FOUNDER AND PUBLISHER

Dostoevsky Omsk State University

Chief editor – Alexander N. Kostyukov, Head, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Kirill V. Maslov, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

Deputy chief editor – Karina A. Ponomareva, Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law (Omsk, Russia)

EDITORIAL BOARD

Vladimir A. Azarov – Head, Department of Criminal Process and Criminalistics, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey N. Baburin – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, President, Association of Law Universities of Russia, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Sergey Yu. Chucha – Chief Researcher, Sector of Procedural Law, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, retired President of Moscow Arbitration Court, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Andrey V. Gabov – Corresponding member, Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Academic Director, Law Institute of Belgorod State University, Doctor of Law, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Elena V. Gritsenko – Professor, Department of Constitutional Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)

Igor A. Isaev – Head, Department of History of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Mikhail P. Kleymenov – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Sergey D. Knyazev – Professor, Department of Administrative and Financial Law, St. Petersburg University, Judge, Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Marina V. Sentsova (Karaseva) – Head, Department of Finance Law, Voronezh State University, Professor, Honoured Worker of Higher School of Russia (Voronezh, Russia)

Elena G. Shablova – Head, Academic Department of Legal Regulation of Economic Activities, Ural Federal University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia)

Vladimir L. Slesarev – Head, Contract Law Department, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Lydia A. Terekhova – Head, Department of Civil and Arbitration Process, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher School (Omsk, Russia)

Tatyana F. Yashchuk – Head, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, member of Russian Higher Qualification Collegium of Judges, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Larisa V. Zaitseva – Head, Department of Civil Law Disciplines, University of Tyumen, Doctor of Law, Associate Professor (Tyumen, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Konstantin V. Aranovsky – Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation, Doctor of Law, Associate Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Suren A. Avakyan – Head, Department of Constitutional and Municipal Law, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Russian Academy of Science Award (Koni Prize) winner (Moscow, Russia)

Alexander V. Butakov – Professor, Department of Theory and History of State and Law, Dostoevsky Omsk State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Omsk, Russia)

Yuriy V. Golik – Professor, Department of Jurisprudence, Bunin Yelets State University, Doctor of Law, academician of International Slavic Academy, academician of Serbian Academy of Science and Education (Elets, Russia)

Vladimir B. Isakov – Distinguished Professor, Department of Theory of Law and Comparative Law, Higher School of Economics, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, academician of International Academy of Science, Information and Information Technologies (Moscow, Russia)

Alexander D. Kerimov – Chief Researcher, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, chief editor, scientific journal "Russian journal of legal studies", Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Alexander I. Korobeev – Head, Department of Criminal Law and Criminology, Far Eastern Federal University, Doctor of Law, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation (Vladivostok, Russia)

Ekaterina S. Shugrina – Professor, Department of State and Municipal Law, Dostoevsky Omsk State University; Doctor of Law, Professor, member of Presidential Council on Local Self-Government Development (Moscow, Russia)

Victor V. Sonin – Researcher, Department of Constitutional and Administrative Law, Far Eastern Federal University, PhD in Law (Vladivostok, Russia)

Vasily V. Veklenko – Professor, Department of Criminal Law, St. Petersburg University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

INTERNATIONAL MEMBERS OF EDITORIAL COUNCIL

Stefania Carnevale – Associate Professor, Department of Criminal Procedure, University of Ferrara, PhD (Ferrara, Italy)

Serena Forlatti – Director, Centre for European Legal Studies on Macro-Crime, Department of Law, University of Ferrara, Professor, PhD (Ferrara, Italy)

Liu Hongyan – Head, Environmental Law Research Center, Institute of Law, Chinese Academy of Social Sciences, Doctor of Law, Professor (Beijing, China)

Marie Karfikova – Professor, Department of Financial Law and Financial Science, Charles University in Prague, Doctor of Law, Professor (Prague, Czech Republic)

Victor A. Malinowsky – member of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan, Doctor of Law, Professor (Astana, Kazakhstan)

Gorazd Mesko – Director, Institute of Criminal Justice and Security, University of Maribor, Doctor of Law, Professor, President of the European Society of Criminology (Maribor, Slovenia)

Mahesh Nalla – Professor, School of Criminal Justice, Michigan State University, PhD, Professor (Lansing, USA)

Sreto Nogo – Professor, Faculty of Law, Public Administration and Security, John Naisbitt University, PhD (Belgrade, Serbia)

Slawomir Presnarowicz – Judge, Supreme Administrative Court, Doctor of Law, Professor (Warsaw, Poland)

Liu Xiangwen – Head, Centre of Russian Law, Law School, Zhengzhou University, Doctor of Law, Professor (Zhengzhou, China)

Elisabetta Silvestri – Professor, Department of Civil Procedural Law, University of Pavia, PhD, Professor, member of Italian Ministry of Justice Committee for the reform of Italian civil procedure (Pavia, Italy)

Andreas Steininger – Professor of business law, University of Wismar, Doctor of Law (Wismar, Germany)

Bronius Sudavičius – Professor, Department of Public Law, Vilnius University, Doctor of Law (Vilnius, Lithuania)

Grigoriy A. Vasilevich – Corresponding member, National Academy of Sciences of Belarus, Head, Department of Constitutional Law, Belarusian State University, Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus)

Address of editorial board: off. 704, 6, Frunze ul., Omsk, Omsk Oblast, 644099, Russia. E-mail: omsk.ler@gmail.com

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media.

Registration number ПИ № ФС 77-73726 of September 21, 2018.

Included in HAC list. Free price.

The journal's website: <https://enforcement.omsu.ru>. It includes full-text versions of articles in Russian and English.

The authors' guidelines, publication ethics, information about the journal's indexing in international citation databases and other information are available on the journal's website.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

Manuscripts are not returned to the authors.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

Copyright. All rights protected.

Date of publication: March 18, 2026. Risograph printing. Format 60×84 1/8. Order 86. Circulation of 25 copies.

Editor D.S. Neroznik. Technical editor E.V. Lozovaya. Design of cover Z.N. Obrazova.

Published by Dostoevsky Omsk State University.

Address of publisher and printing house: 55-A, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Основан в 2016 году

Т. 10, № 1 • 2026

Выходит четыре раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

<i>Денисенко В.В., Малышкин С.П.</i> Особенности классификации правовых систем Восточной Европы в контексте аксиологического подхода и легитимности правопорядков	5
<i>Виноградов С.В.</i> Валюта равенства: дискуссия о мере эгалитарной справедливости	15

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

<i>Дитятковский М.Ю.</i> Об определении компетенции местного самоуправления в новом Федеральном законе о местном самоуправлении	25
<i>Агапов А.Б.</i> Система административного права Германии	36
<i>Пешкова (Белогорцева) Х.В.</i> Государственные программы как средство обеспечения устойчивого развития российского государства	45
<i>Ветренко И.А.</i> Правовая эволюция выборов в Беларуси и их роль в изменении политической системы страны (на примере выборов Президента Республики Беларусь в 2025 г.)	55
<i>Цинделиани И.А., Васильева Е.Г.</i> Взыскание задолженности, не учитываемой в совокупной обязанности налогоплательщика – физического лица	64
<i>Батарин А.А.</i> Совершенствование правового регулирования фискализации расчетов в Республике Узбекистан как фактор повышения уровня налоговой дисциплины	74
<i>Васильев И.А., Сидорова Н.А., Лукьянова Е.Г.</i> Стандарты доказывания юрисдикционных органов общероссийских спортивных федераций в дисциплинарных спорах	84
<i>Алиев У.А., Пятков Д.В., Холоденко Ю.В.</i> Правовая модель виртуальной реальности в интернет-пространстве (на примере многопользовательских онлайн-игр)	94
<i>Кукушко М.В.</i> От краудсорсинга к гражданскому сотрудничеству: правовая природа, формы и особенности публичного участия в Российской Федерации	104

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

<i>Тишкович К.С.</i> Особенности установления порока воли работника в трудовых правоотношениях	114
--	-----

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ

<i>Дизер О.А., Максименко А.В., Архипцев И.Н.</i> Проблемы квалификации и расследования преступления, предусмотренного ст. 210 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации	124
---	-----

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

<i>Касьянов Р.А., Басова А.Д.</i> Правовое регулирование мер поддержки малого и среднего предпринимательства в рамках Шанхайской организации сотрудничества	134
<i>Пакерман Г.А.</i> Трансформация механизмов разрешения споров в государственно-частном партнерстве: от традиционной к цифровой адьюдикации	144

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Кожевников О.А., Костюков А.Н.</i> Российская конституционно-правовая модель местного самоуправления: теория, законодательство, практика (обзор докладов экспертной площадки в рамках XI Уральского форума конституционалистов, 2 октября 2025 г., Екатеринбург)	155
---	-----

LAW ENFORCEMENT REVIEW

Dostoevsky Omsk State University

Founded in 2016

Vol. 10, no. 1 • 2026

Published four times a year

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

- Denisenko V.V., Malyshkin S.P.* Features of the legal systems classification in Eastern Europe in the context of the axiological approach and the legal systems legitimacy 5
- Vinogradov S.V.* Currency of equality: a discussion on the measure of egalitarian justice 15

THE LAW ENFORCEMENT BY THE PUBLIC AUTHORITIES

- Dityatkovsky M.Y.* On the definition of the competence of local self-government in the new Federal Law on Local Self-Government 25
- Agapov A.B.* The system of administrative law of Germany 36
- Peshkova (Belogortseva) Kh.V.* Government programs as a means of ensuring the sustainable development of the Russian state 45
- Vetrenko I.A.* The legal evolution of elections in Belarus and their role in changing the country's political system (using the example of elections President of Belarus in 2025) 55
- Tsindeliani I.A., Vasilyeva E.G.* Collection of debts, not considered in the total obligation of a taxpayer – an individual 64
- Batarin A.A.* Improving the legal regulation of fiscalization of settlements in the Republic of Uzbekistan as a factor in increasing the level of tax discipline 74
- Vasilyev I.A., Sidorova N.A., Lukyanova E.G.* Standards of proof of the jurisdictional bodies of the All-Russian sports federations in disciplinary disputes 84
- Aliyev U.A., Pyatkov D.V., Kholodenko Yu.V.* The legal model of virtual reality in the Internet space (using the example of online multiplayer games) 94
- Kukushko M.V.* From crowdsourcing to civic collaboration: legal nature, forms and features of public participation in the Russian Federation 104

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

- Tishkovich K.S.* Features of the establishment of the vice of the employee's will in labor relations 114

THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY

- Dizer O.A., Maksimenko A.V., Arkhiptsev I.N.* Problems of qualification and investigation of the crime provided for in Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation 124

THE LAW ENFORCEMENT IN INTERNATIONAL LAW

- Kasyanov R.A., Basova A.D.* Legal regulation of measures to support small and medium-sized enterprises within the framework of the Shanghai Cooperation Organization 134
- Pakerman G.A.* Transformation of dispute resolution mechanisms in public-private partnership: from traditional to digital adjudication 144

SCIENTIFIC LIFE

- Kozhevnikov O.A., Kostyukov A.N.* The Russian constitutional model of local self-government: theory, legislation, practice (review of reports of the expert platform within the framework of the XI Ural Forum of Constitutionalists, October 2, 2025, Yekaterinburg) 155

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340.5

DOI 10.52468/2542-1514.2026.10(1).5-14

ОСОБЕННОСТИ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА И ЛЕГИТИМНОСТИ ПРАВОПОРЯДКОВ

В.В. Денисенко¹, С.П. Малышкин²

¹ *Одинцовский филиал МГИМО МИД России, г. Одинцово, Россия*

² *Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

20 января 2025 г.

Дата принятия в печать –

10 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Восточная Европа, вестернизация, сравнительное правоведение, правовая система, правовая семья, легитимация права, аксиология права

Методология сравнительно-правовых исследований в контексте разделения национальных правовых систем на отдельные семьи предполагает обращение к некоторым критериям. В последние годы в практических сравнительно-правовых исследованиях, выражающихся в подсчете индексов верховенства права, прав человека и свободы прессы, а также в теоретической сравнительно-правовой литературе наблюдается проблема некорректной универсализации таких критериев на основе одной лишь западной правовой традиции. Особенно отчетливо эта проблема проявляется в состоянии неопределенности отдельных регионов европейского правового пространства, в частности Восточной Европы. Для разрешения поставленной проблемы и внесения определенности в вопрос об идентификации правового пространства Восточной Европы авторы производят ревизию существующих критериев классификации правовых семей. Также рассматриваются критерии разделения правовых семей, как и сами классификации правовых семей, предлагаемые Р. Леже, К. Цвайгертом и Х. Кётцем, В.А. Лафитским. С позиций неклассической науки авторами предлагается механизм верификации правовой системы в контексте аксиологии права через оценку легитимности ценностно нагруженных норм, по которым корректно сделать вывод о принадлежности к той или иной правовой семье, определить место в системе либеральных и консервативных ценностей.

FEATURES OF THE LEGAL SYSTEMS CLASSIFICATION IN EASTERN EUROPE IN THE CONTEXT OF THE AXIOLOGICAL APPROACH AND THE LEGAL SYSTEMS LEGITIMACY

Vladislav V. Denisenko¹, Semyon P. Malyshkin²

¹ *Odintsovo Campus of MGIMO University, Odintsovo, Russia*

² *State Academic University for the Humanities, Moscow, Russia*

Article info

Received –

2025 January 20

Accepted –

2026 January 10

Available online –

2026 March 20

Keywords

Eastern Europe, westernization, comparative jurisprudence, legal system, legal family, legitimation of law, axiology of law

The subject of the research is the methodological problem of identification of some world regions as a legal systems and legal families. In recent years, in practical comparative legal studies (calculation of indices of the rule of law, human rights and freedom of the press), as well as in theoretical comparative legal literature, there has been a problem of incorrect universalization of legal system identification criteria based on the Western legal tradition alone. This problem is also particularly clearly manifested in the uncertainty of European legal space regions in the context of their attribution to a separate legal family. A striking example of such an uncertain region is Eastern Europe.

The purpose of the research is to substantiate the directions for improving legal comparative legal research in the context of postclassical methodology, namely the approach from the point of view of legal values and in the aspect of legitimacy of legal institutions in the investigated legal system.

Methodology. The interdisciplinary approach serves as the methodological basis of this research. It provides a synthesis of methodological tools of classical jurisprudence and methodological techniques and achievements of related socio-humanitarian fields of knowledge and post-classical jurisprudence. In our research we use sociological studies,

especially legal sociology, political science and legal axiology, which allows a comprehensive study of the legal systems and legal families on a real case of investigated countries.

Results and conclusions. The authors revised the existing criteria for classifying legal families, considered the criteria for the separation of legal families, as well as the classifications of legal families themselves, proposed by R. Leger, K. Zweigert and H. Ketz, V.A. Lafitsky. From the standpoint of non-classical science, authors propose a mechanism for verifying the legal system from the legal axiology point of view. This axiological approach can be applied through an assessment of the legitimacy of norms, according to its value basis. In a dependence of affiliation of these values as a western or eastern (liberal or conservative etc.) it is correct to conclude that one legal system belongs to a particular legal family.

The main results. The authors conclude that the prospects for the development of contemporary comparative law also lie in strengthening an interdisciplinary approach that allows combining the achievements of jurisprudence with sociology, philosophy, economics and cultural studies. The conducted integrative study of legal traditions opens up new possibilities for the analysis of legal systems. For example, it allows us to solve a specific research problem on the relevance of the legal systems of Eastern Europe to the Slavic legal family. The prerequisites for substantiating this conclusion were a shift in focus from the analysis of a not entirely universal criteria of legal ideology to the more basic criterion of legal axiology. It also allowed us to offer tools that opened up opportunities for a more differentiated definition of values relevant to the corresponding legal system through an analysis of the legitimacy of institutions and norms.

1. Введение

Сравнительное правоведение предполагает некоторую аксиому, заключающуюся в представлении об универсальном устройстве правовой системы, или, вернее, универсальных ценностях всех национальных правовых систем. В связи с этим актуализируется обращение к правовым ценностям как к отдельному предмету исследования, позволяющему открыть некоторые неявные особенности правовой системы и правовых норм [1, с. 9–10]. Рассмотрение ценностей в праве в качестве отдельного предмета исследования характерно для аксиологии права, которая разрабатывается в литературе и как самостоятельное направление [2], и как отдельное направление исследований юридической техники, например в части аксиологических конфликтов нормативных актов [3, с. 106].

С проблемой некритически принимаемого универсализма сравнительное правоведение сталкивается в контексте определения специфики отдельных правовых семей. В частности, по-прежнему популярна для компаративистских исследований тематика правового пространства Восточной Европы. В отношении отнесения восточноевропейских стран к той или иной правовой семье, а также определения их специфики отсутствует консенсус. Более того, по причине распространения концепта «смешанных» или «гибридных» правовых систем оказывается затруднительным подойти к определению специфики

такого правового пространства [4, с. 96–97; 5, р. 51–52], что, безусловно, требует выработки новых объяснительных и исследовательских моделей.

2. Методологические проблемы классификации правовых систем Восточной Европы в фундаментальной литературе по сравнительному правоведению

Предположение об универсальности правовых систем, описанное выше, проявляется в разных положениях компаративистики и встречается у разных авторов. Например, положением, которое в целом конвенционально принимается среди компаративистов, является требование сравнимости правовых систем [6, с. 90; 7, с. 13; 8, с. 51]. Из этой предпосылки проистекает следствие, что абсолютно любые системы права оказываются сравнимыми, что в исследовательской практике подтверждается далеко не всегда. Например, в двухтомнике К. Цвайгерта и Х. Кётца указывается на существование не попадающих в общую классификацию «остальных правовых семей», к которым они относят дальневосточную правовую семью, исламское право и индуистское право [8, с. 428].

Кроме того, компаративистика основывается на некоторых предполагаемых универсальными критериях для сравнения порядков. Такие критерии Р. Леже называет «техническими», поскольку они относятся к юридической технике [9, с. 104]. Однако если обратиться также к практике конкретных срав-

нительно-правовых исследований, можно обнаружить иные критерии, которые лишь признаются универсальными для всех существующих государств, но не являются таковыми. Например, права человека как один из таких критериев. Права человека являются достаточно новой юридической категорией в историческом обозрении и более релевантны по своему происхождению западной правовой традиции. В качестве примеров таких исследований, сравнивающих государства в зависимости от ценностей западной правовой традиции, можно привести авторитетный рейтинг верховенства права¹, индекс свободы человека², индекс свободы прессы³.

Как отмечает А.Х. Саидов, одной из основных проблем, с которой сталкиваются юристы-компаративисты, является европоцентризм в подходах к изучению правовых традиций. Большинство методологий, используемых в сравнительном правоведении, разрабатывались на основе западного юридического опыта, что часто приводит к недооценке или искажению значимости незападных правовых традиций [10, с. 15]. Для такой ситуации А.Н. Медушевский предлагает использовать понятие «фальшивого универсализма» [11, с. 9]. Цитируемый нами А.Х. Саидов, описывая эту проблему, апеллирует к сложившемуся направлению исследований стран «третьего мира», или *TWAIL (Third World approaches to International Law)* [12; 13].

Так или иначе, в контексте самих сравнительно-правовых исследований некоторые цитируемые нами юристы утверждают существование «единого» права с «едиными историческими корнями, едиными ценностями и общими инструментами регулирования отношений между людьми» [6, с. 96]. Помимо исторических аргументов, в цитируемой работе приводится также аргумент к общности цели различных систем права. Эта цель, по мнению В.А. Лафитского, – всеобщее благо [6, с. 98].

Качественно иную позицию в контексте тематики универсальности систем права мы можем увидеть в работах другого классика компаративистики – Р. Леже. В качестве «основных» правовых систем он выделял английское, французское и немецкое право

[9, с. 7–9]. Саму возможность универсального распределения правовых систем по семьям или группам он ставит под сомнение [9, с. 99–100]. Отдельного внимания заслуживают выделяемые им правовые системы государств, которые, как указывает Р. Леже, не являются правовыми государствами и не имеют правовой традиции [9, с. 234].

Леже отмечает, что в качестве критериев разделения правовых систем корректно выделить идеологический и исторический критерии. Идеологический критерий позволяет отличать правовые семьи в зависимости от общей концепции права, взаимоотношений между правом и государством, государством и личностью. Основываясь на историческом критерии, он предлагает различать системы права, имеющие давнюю историю, где право является ценностью, благодаря чему их можно обозначить как «правовые государства», и системы права новых государств или государств, в которых ценность права не стала преобладающей над ценностью идеологии или религии [9, с. 104].

Схожий дифференцированный подход к правовым семьям предлагается К. Цвайгертом и Х. Кётцом. Он основывается на анализе стилий правовых семей. Стили правовых семей предлагается различать по историческому, доктринальному, идеологическому, институциональному критериям, а также по критериям источников права и их толкования [8, с. 109], что у Р. Леже обозначалось технико-юридическим критерием. В своей работе авторы выделяют восемь правовых семей: романскую, германскую, скандинавскую, общего права, социалистического права, права стран Дальнего Востока, исламского права, индусского права [8, с. 118].

Ни один из представленных авторских подходов не позволяет однозначно отнести страны Восточной Европы к определенной правовой семье. Классификация Р. Леже открывает лишь перспективу изучения их самобытности, но не позволяет однозначно отнести ни к одной правовой семье. Хотя он и указывает, что к «правовым государствам» относятся некоторые государства Северной, Центральной и Южной Европы [9, с. 106], но однозначно он не

¹ WJP Rule of Law Index // World Justice Project website. URL: <https://worldjusticeproject.org/rule-of-law-index/global> (дата обращения: 09.12.2024).

² Human Freedom Index // CATO Institute website. URL: <https://www.cato.org/search/category/human-freedom-index> (дата обращения: 09.12.2024).

³ World Press Freedom Index // Reporters Without Borders (RSF) website. URL: <https://rsf.org/en/index> (дата обращения: 09.12.2024). Международная неправительственная организация *Reporters sans Frontières (RSF)* («Репортеры без границ»), Франция, внесена Минюстом России в Перечень иностранных и международных организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории Российской Федерации. – *Примеч. ред.*

подводит их под какую-либо из правовых семей и не делает выводов, касающихся правовых систем стран Восточной Европы [9, с. 186]. Еще более очевидно, что классификация К. Цвайгерта и Х. Кётца не подходит для идентификации правовых систем Восточной Европы, поскольку вовсе не содержит указания на «самобытные» правовые семьи со специфическим правовым стилем. Поэтому для достижения определенности в отношении места стран Восточной Европы обратимся к специфике таких правовых систем.

3. Особенности правовых систем Восточной Европы как отдельного предмета сравнительно-правового исследования

К странам Восточной Европы обычно относят государства Центральной и Северо-Восточной Европы, населенной преимущественно славянами, хотя безусловно можно назвать отдельные страны региона, в которых славянское население не является преобладающим – это Венгрия, Румыния, Молдова, Эстония, Литва, Латвия. Существующие подходы позволяют определить страны Восточной Европы как страны с социалистическим прошлым, в которых произошел переход к рыночной экономике и либеральной традиции конституционализма [14, с. 7]. В Общероссийском классификаторе стран мира (ОКСМ)⁴ к странам Восточной Европы отнесены Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия, Украина, а также такие члены Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), как Беларусь, Молдова⁵ и Россия. Такая классификация весьма условна, и о закрытом перечне восточноевропейских стран не может идти речи.

Выделение стран Восточной Европы и восточноевропейской юридической традиции в юридической и политической науках получило популярность в середине XX в. в контексте политической конфронтации социалистического блока с Западом [15, р. 45–46]. Однако термин «Восточная Европа» возникает еще в эпоху Просвещения для обозначения территории, отличной от Западной Европы тем, что находилась в той или иной мере под влиянием Востока: Византии, Османской империи, а в XX в. – коммунизма, пришедшего из СССР [16, р. 4]. Характерной особенностью восточных провинций Римской империи была меньшая степень романизации. Поэтому Во-

сток в период позднего Рима был более развит юридически, в отличие от западной части Империи, подвергшейся нашествию германских племен [17, с. 204–205].

В дальнейшем на формирование правового пространства стран Восточной Европы начинает оказывать значительное влияние христианство – оно упорядочило многие общественные, не подпадавшие под действие светского права. Также христианство привело к формированию новых правовых актов, связанных с религиозными догматами.

Помимо влияния религии на восточноевропейское правовое пространство большое влияние оказало германское право, что проявилось в кодификации законодательства в Новое время. Кроме того, в настоящее время в правовом пространстве Восточной Европы не сложилось принятия прецедента как источника права, что также обусловлено историческим развитием региона [18, с. 38–39].

Говоря о специфике политических систем Восточной Европы, политологи утверждают, что государства Восточной Европы с прошлого века по настоящий день прошли этапы складывания национальных государств, фашизации и советизации, а позднее – вестернизации и демократизации. Также политологи сходятся во мнении, что с 1980-х гг. страны Восточной Европы прошли три последовательные стадии демократического транзита: либерализацию, демократизацию и консолидацию [19, с. 18–19; 20, с. 9–10]. В эти годы были приняты новые конституции и сформулированы основные законы, а именно: Конституция Болгарии 1991 г., Конституция Чехии 1992 г., Конституция Литвы 1992 г., Конституция Эстонии 1992 г., Конституция Польши 1997 г., Конституция Венгрии 2011 г.

Большая часть стран Восточной Европы является членами Евросоюза. Это также обуславливает специфику правового пространства Восточной Европы, потому что Евросоюз – конфедерация, которая образует особую правовую систему, имеющую высшую юридическую силу по отношению к национальным правовым системам [21, с. 60–61]. Так, в соответствии со ст. I-33 Конституции Европейского Союза «европейский закон является обязательным во всех своих частях и подлежит прямому применению во

⁴ ОКСМ гармонизирован с Международным стандартом ИСО 3166-97 «Коды для представления наименований стран», разработанным Международной организацией по стандартизации (ИСО), и Межгосударственным классификатором стран мира МК (ИСО 3166) 004-97.

⁵ В 2023 г. был начат процесс выхода Молдовы из СНГ, в январе 2026 г. Молдова начала процедуру денонсации Устава СНГ, Соглашения о создании СНГ и соответствующих приложений. – *Примеч. ред.*

всех государствах-членах». Тем не менее многочисленная практика Суда Европейского Союза показывает, что правовые решения на национальном уровне зачастую расходятся с принципами и нормами Евросоюза⁶.

Несмотря на довольно существенное влияние правового пространства Евросоюза, было бы поспешным признавать тотальную вестернизацию восточноевропейских правовых систем. Например, в некоторых из стран Восточной Европы прослеживаются черты реставрации политических традиций, подавленных в период советского влияния. Так, 4 мая 1990 г. в Латвии была принята Декларация о восстановлении независимости, восстановившая действие Конституции 1922 г., которая сохраняет силу по настоящий момент [22, с. 79].

Если рассматривать Беларусь и Россию, то следует упомянуть также правовое пространство СНГ, которое отчасти влияет на правовое пространство входящих в него стран. Однако правовое пространство СНГ не обладает высшей юридической силой в сравнении с национальными системами права стран СНГ. В подтверждение этой позиции также можно привести в пример существование множества актов модельного характера, которые не обязывают стран-участниц принимать такие нормы, но создают условия для складывания единообразных норм путем добровольной имплементации таковых⁷. И если проводить *внутреннюю классификацию* правовых систем Восточной Европы, то одним из ее критериев может стать признак распространения на такую правовую систему определенных надгосударственных норм, вроде норм правовой системы Евросоюза или права СНГ.

В отношении либеральных ценностей правовая позиция государств Восточной Европы часто склоняется в сторону их непризнания. Например, в Меморандуме комиссара Совета Европы по правам человека о стигматизации ЛГБТ⁸ в Польше от 3 декабря 2020 г. указывается, что частично польское уголов-

ное законодательство (ст. 119, 256 и 257 Уголовного кодекса Польши) содержит указания на недопустимость дискриминации людей по признакам национальности, этнической принадлежности, расы или религиозных убеждений, но не по признакам сексуальной ориентации или гендерной идентичности⁹.

Таким образом, особенность национального менталитета в странах Восточной Европы состоит в принципиальной расщепленности между либеральными и традиционными ценностями, с которыми связана национальная идентичность и на которые опираются законодатели и правоприменители на уровне национальных правовых систем [23, с. 613–614].

Примером аксиологического противоречия между правом Европейского Союза и национальными восточноевропейскими системами права является спор в отношении принятого в 2021 г. венгерского законодательства, содержащего запреты на распространение среди несовершеннолетних информации, пропагандирующей или изображающей «отклонения от самоидентификации как мужчины или женщины, смену пола или гомосексуализм» и ряда других аналогичных решений. Европейская Комиссия обратилась в Суд Евросоюза для разрешения этого спора. Показательно, что только 16 из 27 стран присоединились к этому иску. Остальные страны Восточной Европы (Чехия, Литва, Латвия, Польша, Болгария, Румыния) отказались поддержать этот иск¹⁰.

Аксиологические коллизии в настоящее время также связываются с усилением римско-католической церкви после падения коммунистических режимов [23, с. 614]. Одним из самых известных примеров такого влияния на территории Восточной Европы является вопрос о запрете абортов в Польше. С начала 1990-х гг. католическая церковь и консервативные политические партии неоднократно выступали с инициативами полного запрета абортов. В 1993 г. парламент запретил аборты, сделав три исключения: опасность для здоровья или жизни матери, предшествовавшие зачатию плода изнасило-

⁶ Selection of major judgments. Year 2022 / Research and Documentation Directorate of Court of Justice of the European Union (CJEU). 2022. 300 p.

⁷ См.: Модельные законодательные акты и рекомендации Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств // Сайт МПА – государств участников СНГ. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_tra_sng (дата обращения: 09.11.2025).

⁸ Международное общественное движение ЛГБТ и его структурные подразделения внесены Росфинмониторин-

гом в перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму. – *Примеч. ред.*

⁹ Memorandum on the stigmatisation of LGBTI people in Poland (CommDH(2020)27). URL: <https://rm.coe.int/memorandum-on-the-stigmatisation-of-lgbti-people-in-poland/1680a08b8e> (дата обращения: 09.12.2024).

¹⁰ Sixteen EU countries denounce Hungary's new anti-LGBT law // Euronews. June 22, 2021. URL: <https://www.euronews.com/my-europe/2021/06/22/thirteen-eu-countries-denounce-hungary-s-new-anti-lgbt-law> (дата обращения: 09.12.2024).

вание или инцест и аномалия плода. 23 сентября 2016 г. депутаты польского Сейма приняли в первом чтении законопроект, который практически полностью запрещал аборт в стране и вводил уголовную ответственность до 5 лет лишения свободы для исполнителя данной манипуляции и для роженицы. Это вызвало волну массовых протестов, которые 3 октября 2016 г. переросли в общенациональную акцию, именуемую *Czarny Poniedziałek* («Черный понедельник»), что впоследствии привело к отклонению законопроекта¹¹. Однако 22 октября 2020 г. Конституционный Суд Польши признал незаконным право женщины на аборт в случае выявления у плода серьезного порока или неизлечимого заболевания¹², что составляет примерно 98 % от общего количества аборт в Польше.

В силу того, что правовые системы Восточной Европы находятся под влиянием как западных, так и восточных факторов, для такой классификации предлагается в качестве условных «полюсов» обозначить восточную и западную правовую культуру. Близость к определенному полюсу на этой шкале предлагается устанавливать по следующим критериям. Во-первых, критерий воздействия надгосударственной правовой системы. С одной стороны, правовая система Евросоюза будет оказывать достаточно сильное влияние и предопределять факторы, формирующие законодательство и специфику правоприменения. С другой стороны, правовое регулирование стран СНГ хотя и не оказывает предопределяющего воздействия, но создает условия для гармонизации законодательства. Во-вторых, предлагается ориентироваться также на исторический критерий в силу того, что некоторые страны Восточной Европы обращаются к воссозданию ранее действующих правовых актов, в которых даже в большей степени отражается влияние западной или восточной правовых культур. В-третьих, также предлагается обращаться к тому, как разрешаются аксиологические конфликты для определения соотношения между ценностями, формально декларируемыми в нормативных актах, и ценностями, транслируемыми в юридической практике.

4. Новые объяснительные и исследовательские модели для выявления содержания восточно-европейской правовой семьи

Исследователи, разделяющие проблему ложного универсализма, не конкретизируют, как

именно она может быть преодолена. Например, в статье А.Х. Саидова упоминается о проблеме исследования «незападных» правовых традиций или систем права [10]. Такой подход позволяет лишь отстроиться от западной правовой традиции, но не конкретизирует, о какой традиции идет речь: восточной или, может быть, иных не поименованных мировых традициях права. Поэтому следует, во-первых, определить, к какой правовой семье относятся правовые системы Восточной Европы, а во-вторых, описать, какой методологический подход будет релевантным для преодоления проблемы ложного универсализма в сравнительно-правовой науке.

Если рассматривать выводимый Р. Леже идеологический критерий для различения правовых семей, возможно выдвинуть гипотезу, что подходящим вариантом для описания правового пространства Восточной Европы является точка зрения о принадлежности таких правовых систем к славянской правовой семье. Несмотря на то, что, как указывает сам В.А. Лафитский, «идет бурный процесс брожения, в котором кристаллизуется новое славянское право», хотя «его контуры еще не оформились» [6, с. 266], существуют достаточно убедительные аргументы к сходному историческому прошлому и общему социокультурному пространству. Однако релевантным будет и контраргумент к этому тезису, строящийся на том, что некоторые из рассматриваемых стран населены в основном неславянским населением и прошли несколько иной исторический путь, создающий иные предпосылки для формирования правовых ценностей, а потому часть государств Восточной Европы не было бы корректным отнести к славянской правовой семье. Более релевантным будет их отнесение к смешанному правовому семейству.

Из-за того, что опора на идеологический критерий не позволяет однозначно отграничить одну правовую семью от другой, для более конкретной классификации следует проводить срез не идеологии, а аксиологии (ценностей). Идеология – это оформленная система идей, выходящая за рамки отдельного мировоззрения. В современных постмодернистских условиях или условиях, приближенных к таковым [24, с. 219–220], идеологический критерий теряет свою актуальность. Ценности – это более базовая категория, которая позволяет с большей точностью

¹¹ Польские женщины вышли на массовую забастовку против запрета абортов // ТАСС. 2016. 3 окт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/3672766> (дата обращения: 09.12.2024).

¹² Wyrok Trybunału Konstytucyjnego z dnia 22 października 2020 r. // Dziennik Ustaw. URL: <https://dziennikustaw.gov.pl/DU/2021/175> (дата обращения: 09.12.2024).

определить, в числе прочего, легитимность отдельных институтов или норм права [25, с. 77].

Однако задача выявления таких правовых ценностей также не является тривиальной. Как следует из представленного нами описания особенностей некоторых правовых систем Восточной Европы, для определения таких ценностей, которые проявляются в праве, важна также их валидация по критерию их легитимации (или делегитимации). В данном случае предлагается различать легитимацию в политическом или социологическом смысле и собственно юридическую легитимацию. Так, если судить о непризнании законопроекта, запрещающего аборт, по прошедшим в Польше массовым протестам и произошедшей концептуализации этих протестов в концепте «Черного понедельника», то в политологическом смысле такой законопроект будет однозначно нелегитимным. Однако в разрезе собственно юридической легитимации, которая должна опираться на критерий действительности таких норм, а также учитывая последующее решение Конституционного Суда Польши 2020 г., исследователь придет к противоположному выводу – что данные нормы легитимны в юридическом смысле, поскольку признаются правоприменителем и не утрачивают своей действительности.

Безусловно, легитимация в политическом смысле, опирающаяся на общественную реакцию, которая не имеет прямой юридической значимости, хотя и может иметь некоторые последствия для правовой системы, может дать некоторые сведения о ценностях. Однако, ценности, выявленные таким путем, не могут считаться интегрированными в правовую систему, даже если претендуют на это. Наблюдение за легитимацией в юридическом смысле в виде реакции государственных органов и устойчивых юридических практик, напротив, может дать достоверные результаты для описания уже интегрированных в систему права ценностей [26, р. 505]. Поэтому для исследовательских выводов необходимо разделять и ранжировать акторов легитимации и ре-

зультат их легитимации на предмет последствий и юридической силы.

5. Выводы

Как отмечает А.Х. Саидов, перспективы развития сравнительного правоведения также заключаются в усилении междисциплинарного подхода, который позволяет объединить достижения правоведения с социологией, философией, экономикой и культурологией. Такое интегративное исследование правовых традиций открывает новые возможности для анализа правовых систем [10, с. 12]. Как мы показали в настоящей работе, этот тезис подтверждается и позволяет решить конкретную исследовательскую задачу об относимости систем права Восточной Европы к смешанному правовому семейству, в котором часть правовых систем может быть отнесена к славянской правовой семье. Остальные правовые системы следует отнести к классической романо-германской правовой семье с особенностями, определяемыми в зависимости от признаваемых и воспроизводимых правовых ценностей. Предпосылками обоснования такого вывода стало смещение фокуса с анализа не вполне универсального критерия правовой идеологии на рассмотрение более базового критерия правовой аксиологии, а также предложения инструментария, позволяющего более дифференцировано определить ценности, актуальные для соответствующей правовой системы, – через анализ легитимности институтов и норм.

Кроме того, была предложена внутренняя классификация правовых систем Восточной Европы по нескольким рассмотренным выше критериям. Во-первых, критерий воздействия надгосударственной правовой системы (например, Евросоюза или СНГ). Во-вторых, исторический критерий, актуальный в силу того, что некоторые страны Восточной Европы обращаются к воссозданию ранее действующих правовых актов. В-третьих, критерий разрешения аксиологических конфликтов, служащий для разграничения декларируемых и реально воспроизводимых ценностей в праве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клименко А. И. Правовые идеи и правовые ценности как идеологическое основание современной государственности / А. И. Клименко // История государства и права. – 2025. – № 1. – С. 2–12.
2. Ветютнев Ю. Ю. Аксиология правовой формы / Ю. Ю. Ветютнев. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 200 с.
3. Кожокарь И. П. Дефекты нормативно-правового регулирования / И. П. Кожокарь. – М. : Проспект, 2019. – 296 с.
4. Трикоз Е. Н. Гибридные правовые системы и их место в смешанном правовом семействе / Е. Н. Трикоз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017. – № 4. – С. 91–97.

5. Orucu E. What is a Mixed Legal System: Exclusion or Expansion? / E. Orucu // *Journal of Comparative Law*. – 2008. – Vol. 3, No. 1. – P. 34–52.
6. Лафитский В. И. Сравнительное правоведение в образах права / В. И. Лафитский. – М. : Статут, 2010. – Т. 1. – 429 с.
7. Тилле А. А. Сравнительный метод в юридических дисциплинах / А. А. Тилле, Г. В. Швеков. – М. : Высшая школа, 1973. – 192 с.
8. Цвайгерт К. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права : пер. с нем. : в 2 т. / К. Цвайгерт, Х. Кётц. – М. : Международные отношения, 2000. – Т. I : Основы. – 480 с.
9. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход / Р. Леже ; пер. с фр. А. В. Грядов. – 2-е изд., перераб. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – XLIX, 529 с.
10. Саидов А. Х. Сравнительное изучение западных и незападных правовых традиций: проблемы методологии / А. Х. Саидов // *Право между Востоком и Западом*. – 2024. – № 3. – С. 2–16.
11. Медушевский А. Н. Насколько универсальны «универсальные стандарты» прав человека: переоценка критической школы международного права / А. Н. Медушевский // *Международное правосудие*. – 2022. – № 1 (41). – С. 3–31.
12. Anghie A. Rethinking International Law: A TWAIL Retrospective / A. Anghie // *European Journal of International Law*. – 2023. – Vol. 34, No. 1. – P. 7–112. – DOI: 10.1093/ejil/chad005.
13. Mutua M. What is TWAIL? / M. Mutua // *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*. – 2000. – Vol. 94. – P. 31–38. – DOI: 10.1017/S0272503700054896.
14. Маркова Е. Н. Понятие Центральной и Восточной Европы: проблемы идентификации группы государств в целях сравнительного правоведения / Е. Н. Маркова // *Сравнительное конституционное обозрение*. – 2009. – № 5 (72). – С. 5–15.
15. Giaro T. Some Prejudices about the Legal Tradition of Eastern Europe / T. Giaro // *Comparative Law in Eastern and Central Europe* / eds. B. Sitek, J. J. Szczerbowski, A. W. Bauknecht. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2013. – P. 26–50.
16. Wolff L. Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment / L. Wolff. – Stanford, California : Stanford University Press, 1994. – xiv, 419 p.
17. Липшиц Е. Э. Право и суд в Византии в IV–VIII вв. / Е. Э. Липшиц. – Л. : Наука, 1976. – 230 с.
18. Белов С. А. Вызовы прецедентного права конституционным судам Центральной и Восточной Европы / С. А. Белов // *Журнал Конституционного правосудия*. – 2020. – № 1. – С. 32–39.
19. Пономарева Е. Г. Политические системы стран Центральной и Восточной Европы / Е. Г. Пономарева // *Знание. Понимание. Умение*. – 2014. – № 2. – С. 18–26.
20. Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты : сб. ст. / под ред. С. П. Глинкиной, Н. В. Куликовой. – М. : Ин-т экономики РАН, 2016. – 332 с.
21. Чахкиев С. У. Структура права Европейского союза / С. У. Чахкиев // *Образование. Наука. Научные кадры*. – 2022. – № 2. – С. 60–62. – DOI: 10.24412/2073-3305-2022-2-60-62.
22. Кацев М. И. Конституционно-правовая система Латвийской Республики: становление и современное состояние / М. И. Кацев // *Право и управление. XXI век*. – 2010. – № 2 (15). – С. 79–81.
23. Алексюн Н. История Центрально-Восточной Европы / Н. Алексюн, Д. Бовуа, М.-Э. Дюкрё, Е. Ключовский, Г. Самсонович, П. Вандич ; пер. с фр.: М. Ю. Некрасов, А. Ю. Карачинский, И. А. Эгипти. – СПб. : Евразия, 2009. – 1120 с.
24. Постклассические исследования права: перспективы научно-практической программы : коллектив. моногр. / под ред. Е. Н. Тонкова, И. Л. Честнова. – СПб. : Алетейя, 2023. – 500 с.
25. Пономарев М. В. Аксиология конституционализма: современные вызовы и перспективы развития / М. В. Пономарев // *Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки»*. – 2012. – № 2 (10). – С. 76–86.
26. Denisenko V. V. The Communicative Function of Law in a Digital State / V. V. Denisenko // *Kutafin Law Review*. – 2023. – Vol. 10, No. 3. – P. 495–514. – DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.495-514.

REFERENCES

1. Klimenko A.I. Legal ideas and legal values as ideological grounds for the modern statehood. *Istoriya gosudarstva i prava = History of state and law*, 2025, no. 1, pp. 2–12. (In Russ.).
2. Vetyutnev Yu.Yu. *The axiology of the legal form*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 200 p. (In Russ.).
3. Kozhokar' I.P. *Legal regulatory defects*. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 296 p. (In Russ.).
4. Trikoz E.N. A hybrid legal system and their place in mixed legal family. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2017, no. 4, pp. 91–97. (In Russ.).
5. Orucu E. What is a Mixed Legal System: Exclusion or Expansion?. *Journal of Comparative Law*, 2008, vol. 3, no. 1, pp. 34–52.
6. Lafitsky V. *Comparative Jurisprudence in the Images of Law*, Vol. 1. Moscow, Statut Publ., 2010. 429 p. (In Russ.).
7. Tille A.A., Shvekov G.V. *Comparative method in legal disciplines*. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1973. 192 p. (In Russ.).
8. Zweigert K., Kötz H. *Introduction to comparative law in the field of private law*, transl. from German, in 2 volumes. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2000. Vol. 1. 480 p. (In Russ.).
9. Leger R.J. *The Great Legal Systems of Our Time: A Comparative Legal Approach*, transl. from French by A.V. Gryadov, 2nd ed. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2009. XLIX + 529 p. (In Russ.).
10. Saidov A.Kh. Comparative study of Western and non-Western legal traditions: methodology issues. *Pravo mezhdu Vostokom i Zapadom = Law between East and West*, 2024, no. 3, pp. 2–16. (In Russ.).
11. Medushevsky A. How universalized are "universal standards" of human rights: the critical school of international law reappraised. *Mezhdunarodnoe pravosudie = International justice*, 2022, no 1 (41), pp. 3–31. (In Russ.).
12. Anghie A. Rethinking International Law: A TWAIL Retrospective. *European Journal of International Law*, 2023, vol. 34, no. 1, pp. 7–112. DOI: 10.1093/ejil/chad005.
13. Mutua M. What is TWAIL?. *Proceedings of the ASIL Annual Meeting*, 2000, vol. 94, pp. 31–38. DOI: 10.1017/S0272503700054896.
14. Markova E. Notion of Central and Eastern Europe: problems of identification of the group of states for comparative purposes. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*, 2009, no. 5 (72), pp. 5–15. (In Russ.).
15. Giaro T. Some Prejudices about the Legal Tradition of Eastern Europe, in: Sitek B., Szczerbowski J.J., Bauknecht A.W. (eds.). *Comparative Law in Eastern and Central Europe*, Cambridge, Cambridge Scholars Publishing, 2013, pp. 26–50.
16. Wolff L. *Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment*. Stanford, California, Stanford University Press, 1994. xiv + 419 p.
17. Lipshits E.E. *Law and court in Byzantium in the IV-VIII centuries*. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 230 p. (In Russ.).
18. Belov S.A. Challenges of precedent's law for constitutional courts of Central and Eastern Europe. *Zhurnal Konstitutsionnogo pravosudiya = Journal of Constitutional Justice*, 2020, no. 1, pp. 32–39. (In Russ.).
19. Ponomareva E.G. The political systems of the countries of Central and Eastern Europe. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2014, no. 2, pp. 18–26. (In Russ.).
20. Glinkina S.P., Kulikova N.V. (eds.). *The transition of Central and Eastern European countries from socialism to capitalism: peculiarities and results*, Collection of articles. Moscow, Institute of Economics of the RAS Publ., 2016. 332 p. (In Russ.).
21. Chakhkiev S.U. Structure of European Union law. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry = Education. Science. Scientific personnel*, 2022, no. 2, pp. 60–62. DOI: 10.24412/2073-3305-2022-2-60-62. (In Russ.).
22. Katsev M. Constitutional law in Latvia: retrospective review and the modern state. *Pravo i upravlenie. XXI vek = Journal of Law and Administration*, 2010, no. 2 (15), pp. 79–81. (In Russ.).
23. Aleksiu N., Beauvois D., Ducreux M.-E., Kloczowski J., Samsonowicz H., Wandycz P. *The History of Central and Eastern Europe*, transl. from French by M.Yu. Nekrasov, A.Yu. Karachinskii, I.A. Egipci. St. Petersburg, Evraziya Publ., 2009. 1120 p. (In Russ.).

24. Tonkov E.N., Chestnov I.L. (eds.). *Postclassical studies of law: prospects of a scientific and practical program*, Collective monograph. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2023. 500 p. (In Russ.).

25. Ponomarev M.V. Axiology of constitutionalism: actual challenges and prospects of development. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya "Yuridicheskie nauki" = MCU Journal of Legal Sciences*, 2012, no. 2 (10), pp. 76–86. (In Russ.).

26. Denisenko V.V. The Communicative Function of Law in a Digital State. *Kutafin Law Review*, 2023, vol. 10, no. 3, pp. 495–514. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.25.495-514.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Денисенко Владислав Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права
Одинцовский филиал МГИМО МИД России
143007, Россия, г. Одинцово, ул. Новоспортивная, 3
E-mail: vsu_vlad@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5838-1577
Scopus AuthorID: 56940203500
SPIN-код РИНЦ: 3156-9557; AuthorID: 310133

Малышкин Семен Павлович – магистр права, аспирант
Государственный академический университет гуманитарных наук
119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., 26
ORCID: 0000-0001-8541-4242
SPIN-код РИНЦ: 3689-2112; AuthorID: 1098685

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Денисенко В.В. Особенности классификации правовых систем Восточной Европы в контексте аксиологического подхода и легитимности правоприменения / В.В. Денисенко, С.П. Малышкин // *Правоприменение*. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).5-14.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vladislav V. Denisenko – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Public Law
Odintsovo Campus of MGIMO University
3, Novosportivnaya ul., Odintsovo, 143007, Russia
E-mail: vsu_vlad@mail.ru
ORCID: 0000-0002-5838-1577
Scopus AuthorID: 56940203500
RSCI SPIN-code: 3156-9557; AuthorID: 310133

Semyon P. Malyshkin – Master of Law, Postgraduate Student
State Academic University for the Humanities
26, Maronovskii per., Moscow, 119049, Russia
ORCID: 0000-0001-8541-4242
RSCI SPIN-code: 3689-2112; AuthorID: 1098685

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Denisenko V.V., Malyshkin S.P. Features of the legal systems classification in Eastern Europe in the context of the axiological approach and the legal systems legitimacy. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).5-14. (In Russ.).

ВАЛЮТА РАВЕНСТВА: ДИСКУССИЯ О МЕРЕ ЭГАЛИТАРНОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ***С.В. Виноградов***Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия***Информация о статье**

Дата поступления –

09 апреля 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Социальное неравенство, эгалитаризм, теории социальной справедливости, утилитаризм, либеральный эгалитаризм, либертарианство, моральное равенство, равенство возможностей, распределительная справедливость

Анализируется общая эгалитарная природа теорий социальной справедливости, разрабатываемых с начала 1970-х гг. в русле нормативной политико-правовой мысли. Демонстрируется общая тенденция ключевых теорий справедливости англо-американской либеральной мысли (таких как утилитаризм, либеральный эгалитаризм и либертарианство) апеллировать к идеалу фундаментального равенства, а также различия в интерпретации ими надлежащего понимания этого идеала в социально-экономической сфере. Утверждается, что стремление воплотить идеал равного отношения публичных институтов ко всем гражданам приводит теоретиков социальной справедливости к противоположным нормативным выводам относительно собственности и проблемы имущественного неравенства. Констатируется роль публичного демократического диалога о надлежащей «валюте равенства» при оценке социальных институтов и разработке механизмов компенсации неравенства.

CURRENCY OF EQUALITY: A DISCUSSION ON THE MEASURE OF EGALITARIAN JUSTICE****Sergey V. Vinogradov***HSE University, Moscow, Russia***Article info**

Received –

2025 April 09

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

Keywords

Social inequality, egalitarianism, social justice theories, utilitarianism, liberal egalitarianism, libertarianism, moral equality, equality of opportunity, distributive justice

The article analyses the common egalitarian foundations of contemporary liberal theories of social justice in the context of normative political-legal thought. The study aims to confirm the hypothesis that the dominant paradigms of contemporary Anglo-American liberal philosophy – *utilitarianism*, *liberal egalitarianism*, and *libertarianism* – share a commitment to the ideal of fundamental moral equality, despite profound differences in their normative conclusions.

The methodology employed is a combination of conceptual analysis and comparative theory to identify the underlying assumptions of theories of justice and their implications for legal institutions.

The study demonstrates that although these theoretical traditions advocate divergent positions on property rights, taxation, and redistribution, they are united by an appeal to equal concern and respect for all individuals. Utilitarianism justifies redistributive policies on the basis of maximising aggregate welfare, treating everyone's happiness as equally significant. Liberal egalitarianism, rooted in Kantian moral theory, emphasises equal dignity and argues for institutional structures that promote fair equality of opportunity, even at the cost of substantial redistribution. Libertarianism, while opposing redistribution of income and wealth carried out by the state, invokes equality in its defence of individual autonomy, property rights, and self-ownership, rejecting coercive interference as inconsistent with equal moral status. By reconstructing the internal logic of each theory, the article argues that the disagreement among these frameworks centres not on whether equality matters, but on the appropriate "*currency of equality*" – whether justice requires equality of

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

** Support from the Basic Research Program of the National Research University Higher School of Economics is gratefully acknowledged.

resources, opportunities, welfare, or respect for autonomy, civil rights, and self-ownership. The analysis highlights the implications of these disagreements for constitutional theory, legal policy, and the interpretation of socio-economic rights.

The conclusion affirms the study's hypothesis and emphasizes the necessity of an explicit democratic dialogue about the proper metric of equality in law and policymaking. Rather than relying on implicit or historically contingent legal interpretations, the paper calls for legal scholars and policymakers to engage in principled reasoning about what kind of equality legal institutions ought to embody. Such reflection is essential for designing legal institutions that are not only formally fair but substantively just.

1. Введение

Социальное неравенство является одной из центральных проблем, стоящих перед исследователями в самых разных сферах правовой мысли. Усиливающийся разрыв в благосостоянии и реальных возможностях различных групп населения актуализирует вопросы о необходимости эффективной защиты социально-экономических прав, их надлежащем конституционно-правовом закреплении, а также о разработке действенных институциональных механизмов для их реализации и защиты.

Обнаружение проявлений неравенства и разработка правовых механизмов борьбы с ним требует более четкого осознания того, что понимается под принципом равенства и идеалом социальной справедливости. Современная юридическая теория опирается на ценности справедливости и равенства, но сталкивается с проблемой размытости и многозначности этих понятий: в литературе отмечается бессистемность обращения к равенству, «отсутствие достаточной теоретической и практической основы» для последовательной реализации равенства в разных сферах [1, с. 36]. Можно предположить, что корень этой проблемы кроется в чрезмерной «абстрактности» соответствующих категорий, однако существует достаточное количество правовых норм и судебных решений, детализирующих требования равенства в отдельных сферах. Проблема скорее в обратном: в нормативных актах, судебных решениях и научных публикациях апелляции к равенству и справедливости нередко носят разнородный характер и обосновывают противоположные выводы. Исследователи говорят о разных аспектах проявления неравенства, не предлагая единой концептуальной основы, которая могла бы обозначить критерии оценки конкретных решений с позиции равенства.

Запрос на прояснение правовых идеалов справедливости и равенства признаётся исследователями в самых разных отраслях права [2, с. 28–29; 3, с. 93]. Последовательное теоретическое осмысление этих категорий могло бы упорядочить сложившиеся

в практике подходы и предложить направляющие ориентиры для решения частных юридических вопросов. Как определить пределы перераспределительных мер, соответствующих принципам справедливости? Какие правовые институты социальной защиты способны гарантировать равные возможности для всех граждан? Выработка политико-правовых критериев для сравнения различных механизмов компенсации неравенства требует глубокой рефлексии над теоретическими аспектами эгалитаризма.

Политическая философия, особенно в англо-американской традиции, за последние полвека разработала мощный концептуальный аппарат для анализа равенства и справедливости. На Западе мейнстримные направления политической мысли предложили детализированные подходы к пониманию идеала «равного уважения», ставшего фундаментальной основой дискуссии о справедливости и равенстве. Далее в статье анализируется значение «фундаментального равенства» для развития современной нормативной политико-правовой мысли и демонстрируются различия в его понимании на примерах теорий социальной справедливости, предлагаемых ключевыми направлениями мейнстримной англо-американской политической философии, такими как утилитаризм, либеральный эгалитаризм и либертарианство.

2. Эгалитаризм современных теорий справедливости

Начало 1970-х гг. принято связывать с возрождением в академической среде интереса к нормативной политико-правовой философии [4, с. 11]. После периода явного доминирования позитивистской методологии, ориентированной на эмпирические исследования и «очищение» социальных наук от суждений о ценностях, внимание философов и социальных теоретиков вновь было направлено на поиск и обоснование моральных ориентиров в публичной политике.

В юриспруденции эта тенденция нашла выражение в развитии концепции достоинства личности и доктрины прав человека, в появлении новых влиятельных

естественно-правовых теорий или же, говоря шире, теорий «нормативного антипозитивизма». Юристы стали активно изучать моральные требования к правовой системе, вопросы справедливости и легитимности правовых институтов, проблемы политики права. В политической философии возрождение нормативных теорий связывают с публикацией в 1971 г. «Теории справедливости» американского политического философа Джона Ролза и последующим всплеском интереса к проблеме справедливого устройства политических институтов общества [5, с. 27].

Справедливость, традиционно выступавшая одним из центральных понятий в дебатах о природе и целях права, стала ядром нормативной политической дискуссии о демократии, социальном неравенстве и рыночных свободах. Появление с начала 1970-х гг. большого количества теорий справедливости можно рассматривать как наведение интеллектуальных мостов между нормативной политической философией и юриспруденцией. Эта связь обеспечивает юристов серьезной теоретической основой для критической оценки правовых институтов, упорядочения принципов права и выбора целей правовой политики.

Но что может выступить ориентиром для навигации в широком многообразии современных теорий справедливости? Политические философы традиционно предлагали разные ценности в качестве центральных элементов теории социальной справедливости: общее благо, свободу, равенство, заслуги, ответственность и др. В зависимости от того, что выступало ключевым критерием оценки социальной и политической организации, можно было классифицировать спектр политических теорий: правые либералы превыше всего ставили свободу, левые социалисты – равенство.

Однако к концу XX в. такое упрощенное понимание политического ландшафта в значительной мере утратило свою адекватность для целей анализа западной политико-правовой мысли. Современные авторы стремятся скорее не обосновать «монистическую» теорию справедливости, подчиняющую весь

правопорядок одной политической ценности, а создать интегративную теорию, предлагающую набор критериев для разрешения конфликтов между разными идеалами [5, с. 17–19]. В этом стремлении полярные по своим политическим взглядам теоретики оказались чрезвычайно похожи, и желание примирить различные политические идеалы привело их к наиболее общим, базовым идеям постпросвещенческой политической мысли, прежде всего – к эгалитарному идеалу.

Индийский экономист и философ Амартия Сен заметил: «Любая нормативная теория справедливости, получившая в последнее время поддержку и признание, похоже, требует равенства в чем-то – в том, что в этой теории считается особенно важным» [6, р. 12]. Равенство не противопоставляется свободе [7, с. 25–44] или ответственности за выбор¹ как конкурирующая ценность, баланс с которой необходимо найти, – оно предполагается идеалом более высокого уровня, подпитывающим все остальные интуиции и аргументы. Это «фундаментальное», по выражению Джона Ролза, равенство – равенство «в отношении уважения, которое следует уделять людям безотносительно к их общественному положению» [9, с. 511]². Признание того, что интересы всех членов сообщества должны иметь равное значение в справедливом правопорядке – «абстрактный эгалитарный тезис», по выражению американского философа права Рональда Дворкина, – составляет базовое плато для рациональной политической дискуссии о справедливости [11, р. 24–25]. Идея равного отношения к гражданам со стороны институтов публичной власти – равного уважения ко всем и равной заботы об интересах каждого – стала общим местом для подавляющего большинства современных теорий.

Неудивительно, что соответствие этому идеалу равного уважения стало важнейшим критерием для критического сравнения различных теорий справедливости и оценки предлагаемых ими правовых институтов³. Англо-американская дискуссия о социальной справедливости конца XX в. во многом может

¹ Вокруг обоснования роли личной ответственности в эгалитарной теории справедливости сформировалось целое теоретическое направление мейнстримной политической философии – эгалитаризм удачи [8].

² Определение фундаментального равенства дается в более удачном варианте перевода обозначенной цитаты Дж. Ролза, который был предложен в русском издании работы Р. Дворкина, комментирующей соответствующий фрагмент [10, с. 248].

³ Рональд Дворкин отметил: «Государство имеет абстрактную обязанность рассматривать судьбу каждого гражданина как в равной степени важную. Соперничающие концепции или теории равенства являются соперничающими ответами на вопрос о том, какая система собственности будет соответствовать этому стандарту» [12, с. 398–399]. Таким образом, спор о политике права (принятии конкретных институтов, гарантии прав и установлении их пределов и т. п.) должен решаться с опорой на принцип равного уважения и его надлежащее толкование.

быть сведена к спору о правильном понимании фундаментального равенства, обеспечивающем надлежащее политико-правовое устройство общества. Это спор о подходящей «валюте равенства»⁴: должны ли институты воплощать формальное равенство прав или равенство реальных возможностей защитить эти права? равенство получаемых доходов или равенство накапливаемого богатства? равенство изначальных ресурсов или равенство итогового благосостояния? равенство престижности профессий или равенство шансов на карьерный успех? Обратимся к примерам.

3. Валюта равенства в споре о справедливости

Академическая дискуссия о неравенстве и социальной справедливости, разгоревшаяся после публикации в 1971 г. «Теории справедливости» Джона Ролза, включает в себя огромное количество споров, теорий и аргументов⁵. Чтобы продемонстрировать общую эгалитарную природу этой дискуссии, рассмотрим несколько основных течений, отражающих, согласно Уиллу Кимликке, мейнстрим современной политической философии. Ядро дискурса о социальной справедливости составляют аргументы трех основных направлений мысли, «определяющих язык политических дебатов в англо-американских либеральных демократиях»: утилитаризма, либерального эгалитаризма и либертарианства [5, с. 13]⁶.

3.1. Утилитаризм

Утилитаризм является влиятельнейшей традицией нормативного обоснования в этике и социально-политической мысли – ко второй половине XX в. это учение достигло доминирующих позиций в англо-американской академической дискуссии⁷. Взгляд классических утилитаристов на проблему социальной справедливости можно охарактеризовать как производный от центрального для них принципа полезности: морально необходимым признаётся такое устройство политических и правовых институтов,

которое максимизирует совокупную полезность в обществе – общий уровень счастья и благополучия его членов [16, с. 9–11]. Такое перераспределение ресурсов, которое может повысить текущий уровень полезности (и не обрушит его в долгосрочной перспективе), должно быть признано не только необходимым с точки зрения рациональной публичной политики, но и социально справедливым [17, с. 229–231].

Казалось бы, утилитаристский дискурс о распределении ресурсов сосредоточен вокруг проблемы экономической эффективности (выбора подходящей метрики благополучия и действенных способов ее максимизации) и оставляет на периферии проблему равенства. Однако, с самого момента своего появления утилитаристский проект был глубоко эгалитарным. Утилитаристы выступали за активное правовое и социальное реформирование английского общества и борьбу с неравенством как препятствием на пути к всеобщему благополучию⁸. Ключевое стремление утилитаристской традиции – создать универсальную этическую метрику, позволяющую в равной степени учитывать счастье каждого человека независимо от его социального статуса, – располагает в центре всего нормативного проекта принцип равного внимания к интересам каждого, кладет его в основание социальной справедливости.

Ко второй половине XX в. утилитаризм значительно видоизменился в сравнении со своей классической формой: авторы стали чаще определять себя в рамках более широкого направления консеквенциализма, произошло смещение акцента на сравнение полезности институтов (прав, правил и т. п.), а не конкретных действий или решений [18]. Тем не менее принцип предельной полезности, лежащий в основе утилитаристского подхода к проблеме имущественного неравенства, сохранил свое значение в современных теориях [19, р. 27]. Так как с увеличением количества ресурсов их предельная полезность для

⁴ Этот достаточно меткий термин был использован Джеральдом Коэном в споре с Рональдом Дворкином и Ричардом Арнесоном [13].

⁵ Вышедшая в 1982 г. (всего лишь через 11 лет после публикации «Теории справедливости») аннотированная библиография «Джон Ролз и его критики» уже включала перечень более 2 500 книг и статей о Ролзе [14].

⁶ Заметим отдельно, что деление на данные направления во многом условно: рассматриваемые авторы зачастую прибегают к аргументам, характерным для разных традиций, могут придерживаться пограничных взглядов и т. д.

⁷ Отметим, что на протяжении всей своей истории утилитаризм был тесно связан с англо-американской традицией

юридического позитивизма, составлявшей мейнстрим философии права. Так, родоначальник утилитаристского учения юрист и философ Иеремия Бентам был автором целого ряда влиятельных идей по аналитической юриспруденции, а его друг и соратник юрист Джон Остин, также придерживавшийся утилитаристских взглядов, был основоположником английского правового позитивизма. Подробнее см., напр.: [15].

⁸ Так, И. Бентам, например, рассматривал проект реформирования системы собственности, позволяющий добиться более близкого к равенству распределения богатства [15, р. 184–185].

индивидов уменьшается (каждая дополнительная единица всё меньше повышает уровень счастья), институты перераспределения в пользу менее обеспеченных групп являются не просто способом помощи нуждающимся, но рациональным способом повышения общей полезности. Этот аргумент можно считать отражением эгалитарной максимы, приписываемой Джоном Стюартом Миллем основателю утилитаризма Иеремии Бентаму: «каждый должен считаться за одного, и никто не может претендовать на большее» [17, с. 231].

3.2. Либеральный эгалитаризм

В современной нормативной дискуссии о справедливости либеральный эгалитаризм однозначно является одним из наиболее влиятельных подходов. Статус ядра академического мейнстрима это направление либеральной мысли получило благодаря работам Джона Ролза и Рональда Дворкина, активно критиковавших утилитаризм и предложивших теоретические основы альтернативного подхода к социальной справедливости на базе кантианской договорной традиции.

Либеральные эгалитаристы обосновывают принципы должной институциональной организации общества, обращаясь к равенству в качестве центральной категории. Неудивительно, что эта идея занимает ключевое место в их теоретических построениях, так как вся традиция вырастает из тезиса о моральном равенстве субъектов: убежденности, что каждый человек в силу рациональной автономии обладает одинаковой внутренней ценностью, достоинством. Фундаментальное моральное равенство требует устранения произвольных различий в отношении к людям, беспристрастного подхода к выбору принципов социального устройства⁹.

Подобно тому, как в правовой философии концепция достоинства стала основанием для развития системы прав и свобод человека [20, с. 99–101], в политической философии равенство достоинства граждан повлекло значимые выводы относительно демократии и социального неравенства. Из идеи

достоинства проистекает декларируемая либеральными эгалитаристами необходимость демократического равенства – равенства базовых прав и свобод всех граждан¹⁰. В социально-экономической сфере из идеи равного достоинства произрастает нетерпимость эгалитаристов к имущественному неравенству. Можно ли считать сложившееся правовое регулирование собственности и нормы договорного права беспристрастными – равно уважительными к каждому гражданину институциональными условиями, – если они создают заведомо неравные условия для конкуренции и шансы на социальный успех в зависимости от морально произвольных факторов вроде обеспеченности родителей, врожденных талантов или состояния здоровья?

Согласно принципу различий Джона Ролза неравенство первичных благ признаётся допустимым с точки зрения справедливости лишь в той мере, в которой позволяет улучшить положение наименее обеспеченных членов общества, что отражает равное институциональное уважение к ним [9, с. 66, 88, 160]. Рональд Дворкин попытался сделать эгалитарную справедливость более чувствительной к личной ответственности граждан за свои действия, акцентируя внимание на неравном стартовом распределении внутренних ресурсов и необходимости создания равных условий для достижения успеха собственным трудом¹¹. Но несмотря на различия в нормативной оценке природного неравенства талантов, здоровья и иных внутренних ресурсов, общей движущей силой для обоих авторов было стремление воплотить в своей политической философии идеал фундаментального морального равенства.

3.3. Либертарианство

Либертарианство, чаще всего рассматриваемое как критика либерального эгалитаризма «справа», оценивается Уиллом Кимликой как один из основных вариантов обоснования либеральной демократии [5, с. 13]. Эта оценка справедлива в той степени, в которой отражает тенденцию современных либертарианских теорий апеллировать к своим либеральным кор-

⁹ Джон Ролз иллюстрирует свою теорию справедливости как честности метафорой «занавеса неведения», скрывающего от договаривающихся о принципах справедливости субъектов знание об их положении в обществе. Публичные институты должны соответствовать принципам, которые могли бы быть приняты гражданами в условиях равенства их переговорной позиции. См.: [9, с. 127–131].

¹⁰ В теории Ролза это эгалитарное требование находит воплощение в первом принципе справедливости – принципе равной свободы: «Каждый человек должен иметь равные

права в отношении наиболее обширной схемы равных основных свобод, совместимых с подобными схемами свобод для других». Именно этот принцип должен быть первичным стандартом для конституционного собрания, чтобы обеспечить справедливость политического процесса. См.: [9, с. 66, 180].

¹¹ Подробное изложение аргументов в пользу равенства ресурсов и необходимости компенсации лишь слепой удачи см.: [21; 22].

ням в теориях Дж. Локка и А. Смита, позиционировать себя в качестве обновленной версии «классического либерализма»¹². Теорию Роберта Нозика, находящуюся в центре анализа У. Кимлики и, несомненно, предлагающую наиболее известный либертарианский ответ на эгалитарную теорию справедливости Джона Ролза, можно обоснованно отнести как раз к этой «минархистской» ветви либертарианства, защищающей идею минимального государства и институты либеральной демократии.

Вместе с тем либертарианство не следует целиком сводить к правой, прорыночной, версии обоснования либеральной демократии – значительное число либертарианцев, которых условно можно отнести к «анархо-капиталистической» ветви традиции, куда более радикально оценивают демократические институты государства и резко отмежевываются от либерализма¹³. Сторонники этих взглядов зачастую придерживаются радикальных позиций в отношении равенства, однако (во многом по этой причине) не входят в академический мейнстрим¹⁴ – поэтому далее в статье под либертарианством понимается то «умеренное» направление мысли, которое Кимлика относит к ядру современного политического дискурса.

Эта традиция мыслит социальную справедливость через призму защиты индивидуальных прав и свобод, особое внимание уделяя неприкосновенности частной собственности. Либертарианцы утверждают, что перераспределение через налоги и другие механизмы социальной защиты, продвигаемые государством всеобщего благосостояния, подрывают суть правовой защиты собственности и нарушают автономию индивидов [23, с. 193–213]. Это оппонирование государственной политике, направленной на борьбу с имущественным неравенством, нередко интерпретируется как непринятие идеи равенства.

Вместе с тем представление о либертарианцах лишь как об апологетах свободы в противовес равенству было бы явным упрощением. Апелляция к равенству занимает важнейшее место в либертарианской аргументации – формы государственного вмешательства в рыночную экономику критикуются как «несправедливые и нарушающие равноправие» [23, с. 200]. Налогообложение как форма перераспреде-

ления рассматривается в качестве «эквивалентного принудительному труду» [26, с. 216] и выражающего неравное отношение государственных институтов к личным концепциям блага граждан: «Почему мы должны обращаться с человеком, которому для счастья нужны определенные материальные блага или услуги, иначе, чем с тем, чьи желания и предпочтения делают такого рода блага ненужными для его счастья? Почему человек, который предпочитает смотреть кино (и должен зарабатывать на билеты), должен откликнуться на требование помочь нуждающимся, а тот, кто предпочитает любоваться закатами (и потому не нуждается в дополнительных деньгах), не должен?» [26, с. 218]. Принудительное перераспределение через налоги рассматривается как посягательство на человеческое достоинство и автономию граждан, а уважение к равенству приводится в защиту отказа от широких программ перераспределения.

Уважение к фундаментальному равенству людей выражается и в концепции самопринадлежности, лежащей в основе исторической теории справедливости Роберта Нозика [26, с. 194–198, 222–232]. Идея, что каждый человек согласно естественному праву владеет собой и своими способностями, предполагает уважение к моральной автономии других людей и требует равных прав каждого на приобретение ресурсов, не находящихся изначально в чьем-либо владении. Более того, Нозик требует соблюдения при первичном присвоении так называемой «оговорки Локка» – необходимости оставить «достаточное количество и того же самого качества» для общего пользования других [27, с. 192–193]. Оговорка Локка имеет обширную традицию интерпретаций, а сама проблема общего владения землей и условий справедливого первичного присвоения приводит некоторых левых либертарианцев к тезису о необходимости значимого институционального перераспределения с целью выравнивания выгод от пользования природными ресурсами [28; 29, с. 199–203].

Таким образом, либертарианство, несмотря на критику либерального эгалитаризма, не отвергает идеал равенства сам по себе. Концепция фундаментального равенства выражается через защиту автономии, равных возможностей для первичного при-

¹² Краткое, но содержательное изложение аргументов о трансформации термина «либерализм» в XX в. и политической необходимости сторонников свободного рынка изобретать новое название можно найти у Дэвида Боуза [23, с. 33–38].

¹³ Подробнее о радикальных корнях современного либертарианства см.: [24].

¹⁴ О причинах такого «непринятия» радикальных либертарианских теорий в академической среде см.: [25].

своения и признание достоинства каждого индивида. Идеал равного уважения, центральный для мейнстрима политической мысли, пронизывает и либертарианский взгляд на справедливость, но приводит защитников свободы и собственности к противоположным выводам относительно конкретных институциональных решений, которые воплощали бы эгалитарный идеал.

4. Заключение

Каждое политико-правовое устройство базируется на определенном понимании справедливости, которое, даже если и не закреплено напрямую в нормативных правовых актах, неявно присутствует в конституционных нормах, определяющих базовые политические и экономические институты общества. Теория справедливости, лежащая в основе конкретного правопорядка, оказывает существенное влияние на всю правовую систему: она формирует ключевые конституционные принципы, определяет основы государственного устройства, допустимые формы собственности, а также степень вовлеченности государства в социальную политику.

Одной из центральных категорий, лежащих в основе современных теорий справедливости, является понятие равенства. Именно через призму существующего в обществе понимания равенства определяются допустимый объем государственного перераспределения благ, социальные гарантии и институты правовой защиты, условия для реализации гражданских прав. Равенство служит важнейшим инструментом оценки эффективности и легитимности политико-правовых институтов – ключевой метрикой при определении политики права. Изучение концепции равенства предоставляет важный теоретический ориентир для законодателя, помогает выработать рекомендации *de lege ferenda* и разработать адекватную правовую политику.

Необходимо констатировать, что вопрос о надлежащей «валюте» для измерения равенства яв-

ляется одним из наиболее значимых и дискуссионных в современной политико-правовой мысли. Эгалитарные теории справедливости, сформировавшиеся в рамках современной западной аналитической традиции, стремятся предложить рациональный нормативный ответ на фундаментальный вопрос: в каком отношении и в какой мере равенство является критерием оценки институтов справедливого общества? Сложность данной проблемы заключается в том, что согласие относительно базовой роли «фундаментального равенства» не разрешает само по себе споров о правильных выводах, следующих из принципа равного уважения для конституционной теории и политики права.

Вместе с тем проблему выбора «валюты равенства» нельзя обойти, просто апеллируя к исторически сложившимся правовым институтам интерпретации справедливости. Следует согласиться с профессором Дженнифер Недельски, что модель конституционной защиты социально-экономических прав в рамках судебного контроля и надзора сама по себе не может гарантировать реализацию справедливости и равенства – требуется поиск демократических механизмов для «диалога между различными правительственными институтами и отдельными членами гражданского общества по вопросу о значении равенства» [30, с. 97]. Этот диалог не может сводиться к воспроизводству существующих у большинства граждан воззрений на справедливость через механизмы представительной демократии – он должен включать активную публичную дискуссию, экспликацию и нормативную оценку базовых принципов равного отношения, лежащих в основании действующих правовых институтов в социально-экономической сфере. В рамках этой дискуссии обращение юридического сообщества к идеалу «равного уважения» может быть важным ориентиром при разработке конкретных механизмов борьбы с социальным неравенством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайков Д. Е. Принцип равных прав и свобод мужчин и женщин: современное состояние и перспективы / Д. Е. Зайков // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 25–42. – DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.25.42.
2. Коновалов А. В. Понятие справедливости в гражданском праве / А. В. Коновалов // Lex russica. – 2019. – № 8. – С. 27–36. – DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.027-036.
3. Малахов С. А. Принцип равенства перед законом в законодательстве об административных правонарушениях Российской Федерации / С. А. Малахов // Lex russica. – 2024. – Т. 77, № 1. – С. 91–102. – DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.091-102.

4. Кимелев Ю. А. Западная политическая философия в конце XX – начале XXI века : аналит. обзор / Ю. А. Кимелев. – М. : ИНИОН РАН, 2021. – 100 с.
5. Кимлика У. Современная политическая философия: введение / У. Кимлика ; пер. с англ. С. Моисеева. – М. : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – 592 с.
6. Sen A. Inequality Reexamined / A. Sen. – Cambridge (MA) : Harvard University Press, 1992. – 207 p.
7. Коэн Дж. А. Совместимы ли свобода и равенство? / Дж. А. Коэн ; пер. с англ. Д. Середы. – М. : Свобод. марксист. изд-во, 2020. – 118 с.
8. Белькович Р. Ю. Равенство удачи: развитие эгалитарных концепций справедливости в конце XX века / Р. Ю. Белькович, С. В. Виноградов // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. – 2023. – № 4 (111). – С. 51–66. – DOI: 10.30570/2078-5089-2023-111-4-51-66.
9. Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз ; пер. с англ., науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. – Изд. 3-е. – М. : УРСС : ЛЕНАНД, 2017. – 534 с.
10. Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин ; пер. с англ. М. Д. Лахути, Л. Б. Макеевой. – М. : РОССПЭН, 2004. – 392 с.
11. Dworkin R. Comment on Narveson: In Defense of Equality / R. Dworkin // Social Philosophy and Policy. – 1983. – Vol. 1, No. 1. – P. 24–40. – DOI: 10.1017/s0265052500003307.
12. Дворкин Р. Империя права / Р. Дворкин ; пер. с англ. С. В. Моисеева. – М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. – 592 с.
13. Cohen G. A. On the Currency of Egalitarian Justice / G. A. Cohen // Ethics. – 1989. – Vol. 99, No. 4. – P. 906–944. – DOI: 10.1086/293126.
14. Wellbank J. H. John Rawls and His Critics : An Annotated Bibliography / J. H. Wellbank. – New York : Garland Publ., 1982. – 683 p.
15. Postema G. J. Bentham and the Common Law Tradition / G. J. Postema. – Oxford, New York : Oxford University Press, 2019. – 564 p.
16. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства / И. Бентам. – М. : РОССПЭН, 1998. – 415 с.
17. Милль Дж. Ст. Утилитаризм / Дж. Ст. Милль ; пер. с англ. и предисл. А. С. Земерова. – Ростов н/Д. : Дон. издат. дом, 2013. – 240 с.
18. Driver J. The History of Utilitarianism / J. Driver // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. – Winter 2022 Edition. – URL: <https://plato.stanford.edu/entries/utilitarianism-history> (дата обращения: 01.04.2025).
19. Hare R. M. Ethical Theory and Utilitarianism / R. M. Hare // Utilitarianism and Beyond / Ed. by A. Sen & B. Williams. – Cambridge : Cambridge University Press, 1982. – P. 23–38. – DOI: 10.1017/CBO9780511611964.003.
20. Васильева Т. А. Конституционализация концепции достоинства человека / Т. А. Васильева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2020. – № 4 (137). – С. 98–110. – DOI: 10.21128/1812-7126-2020-4-98-110.
21. Dworkin R. What is Equality? Part 1: Equality of Welfare / R. Dworkin // Philosophy & Public Affairs. – 1981. – Vol. 10, No. 3. – P. 185–246.
22. Dworkin R. What is Equality? Part 2: Equality of Resources / R. Dworkin // Philosophy & Public Affairs. – 1981. – Vol. 10, No. 4. – P. 283–345.
23. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика / Д. Боуз. – М. ; Челябинск : Социум, 2022. – 408 с.
24. Белькович Р. Ю. Предисловие / Р. Ю. Белькович // Собственность или смерть. Либертарианство : антология / сост. Р. Ю. Белькович ; пер. с англ. К. А. Бакунина. – СПб. : Владимир Даль, 2024. – С. 3–46.
25. Норпе Н.-Н. Introduction / Н.-Н. Норпе // Rothbard M. N. The Ethics of Liberty / M. N. Rothbard. – New York : New York University Press, 2015. – P. xi–xliii.
26. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик ; пер. с англ. Б. Пинскера. – М. : ИРИСЭН : Социум, 2016. – 424 с.
27. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк. – М. ; Челябинск : Социум, 2023. – 374 с.
28. Vallentyne P. Libertarianism and the Justice of a Basic Income / P. Vallentyne // Basic Income Studies. – 2012. – Vol. 6, No. 2. – Art. 4. – DOI: 10.1515/1932-0183.1224.

29. Ван Парайс Ф. Базовый доход. Радикальный проект для свободного общества и здоровой экономики / Ф. Ван Парайс, Я. Вандербохт ; пер. с англ. под науч. ред. С. Моисеева. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2020. – 440 с.

30. Недельски Д. Социально-экономические права: демократия и равенство на всех уровнях / Д. Недельски ; пер. с англ. Н. Левенца // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. – 2003. – № 1 (42). – С. 96–102.

REFERENCES

1. Zaykov D.E. The Principle of Equal Rights and Freedoms of Men and Women: Current State and Prospects. *Pravo. Zhurnal Vyssei shkoly ekonomiki = Law Journal of the Higher School of Economics*, 2020, no. 4, pp. 25–42. DOI: 10.17323/2072-8166.2020.4.25.42. (In Russ.).

2. Konovalov A.V. The Concept of Justice in Civil Law. *Lex Russica*, 2019, no. 8, pp. 27–36. DOI: 10.17803/1729-5920.2019.153.8.027-036. (In Russ.).

3. Malakhov S.A. Equality before the Law Principle in Administrative Offences Legislation of the Russian Federation. *Lex Russica*, 2024, vol. 77, no. 1, pp. 91–102. DOI: 10.17803/1729-5920.2024.206.1.091-102. (In Russ.).

4. Kimelev Yu.A. *Western political philosophy in the late twentieth and early twenty-first centuries*, Analytical review. Moscow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences Publ., 2021. 100 p. (In Russ.).

5. Kymlicka W. *Contemporary Political Philosophy: An Introduction*, transl. from English by S. Moiseev. Moscow, HSE University Publ., 2010. 592 p. (In Russ.).

6. Sen A. *Inequality Reexamined*. Cambridge (MA), Harvard University Press, 1992. 207 p.

7. Cohen G.A. *Are freedom and equality compatible?*, transl. from English by D. Sereda. Moscow, Free Marxist Publishing House, 2020. 118 p. (In Russ.).

8. Belkovich R.Yu., Vinogradov S.V. Equality of Luck: Evolvement of Egalitarian Theories of Justice in the Late 20th Century. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz = Politeia*, 2023, no. 4 (111), pp. 51–66. DOI: 10.30570/2078-5089-2023-111-4-51-66. (In Russ.).

9. Rawls J. *A Theory of Justice*, transl. from English, scientific editing and foreword by V.V. Tselishchev, 3rd ed. Moscow, URSS Publ., LENAND Publ., 2017. 536 p. (In Russ.).

10. Dworkin R. *Taking Rights Seriously*, transl. from English by M.D. Lakhuti, L.B. Makeeva. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. 392 p. (In Russ.).

11. Dworkin R. Comment on Narveson: In Defense of Equality. *Social Philosophy and Policy*, 1983, vol. 1, no. 1, pp. 24–40. DOI: 10.1017/s0265052500003307.

12. Dworkin R. *Law's Empire*, transl. from English by S.V. Moiseev. Moscow, Gaidar Institute Press, 2020. 592 p. (In Russ.).

13. Cohen G.A. On the Currency of Egalitarian Justice. *Ethics*, 1989, vol. 99, no. 4, pp. 906–944. DOI: 10.1086/293126.

14. Wellbank J.H. *John Rawls and His Critics: An Annotated Bibliography*. New York, Garland Publ., 1982. 683 p.

15. Postema G.J. *Bentham and the Common Law Tradition*. Oxford, New York, Oxford University Press, 2019. 564 p.

16. Bentham J. *An Introduction to the Principles of Morals and Legislation*. Moscow, ROSSPEN Publ., 1998. 415 p. (In Russ.).

17. Mill J.S. *Utilitarianism*, transl. from English and foreword by A.S. Zemerov. Rostov-on-Don, Don Publishing House, 2013. 240 p. (In Russ.).

18. Driver J. The History of Utilitarianism, in: *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Winter 2022 Edition, available at: <https://plato.stanford.edu/entries/utilitarianism-history> (accessed: April 1, 2025).

19. Hare R.M. Ethical Theory and Utilitarianism, in: Sen A., Williams B. (eds.). *Utilitarianism and Beyond*, Cambridge, Cambridge University Press, 1982, pp. 23–38. DOI: 10.1017/CBO9780511611964.003.

20. Vasilieva T.A. Constitutionalization of the Human Dignity Concept. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie = Comparative Constitutional Review*, 2020, no. 4 (137), pp. 98–110. DOI: 10.21128/1812-7126-2020-4-98-110. (In Russ.).

21. Dworkin R. What is Equality? Part 1: Equality of Welfare. *Philosophy & Public Affairs*, 1981, vol. 10, no. 3, pp. 185–246.
22. Dworkin R. What is Equality? Part 2: Equality of Resources. *Philosophy & Public Affairs*, 1981, vol. 10, no. 4, pp. 283–345.
23. Bose D. *Libertarianism: History, Principles, Politics*. Moscow, Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2022. 408 p. (In Russ.).
24. Bel'kovich R.Yu. Preface, in: Bel'kovich R.Yu. (comp.). *Property or Death. Libertarianism*, Anthology, transl. from English by K.A. Bakunin, St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2024, pp. 3–46. (In Russ.).
25. Hoppe H.-H. Introduction, in: Rothbard M.N. *The Ethics of Liberty*, New York, New York University Press, 2015, pp. xi–xliii.
26. Nozick R. *Anarchy, State, and Utopia*, transl. from English by B. Pinsker. Moscow, IRISEN Publ., Sotsium Publ., 2016. 424 p. (In Russ.).
27. Locke J. *Two Treatises of Government*. Moscow, Chelyabinsk, Sotsium Publ., 2023. 374 p. (In Russ.).
28. Vallentyne P. Libertarianism and the Justice of a Basic Income. *Basic Income Studies*, 2012, vol. 6, no. 2, art. 4. DOI: 10.1515/1932-0183.1224.
29. Van Parijs Ph., Vanderborght Y. *Basic Income: A Radical Proposal for a Free Society and a Sane Economy*, transl. from English under scientific editing by S. Moiseev. Moscow, HSE University Publ., 2020. 440 p. (In Russ.).
30. Nedelsky J. Socio-economic Rights: Democracy and Equality at All Levels, transl. from English by N. Levents. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeiskoe obozrenie = Constitutional Law: Eastern European Review*, 2003, no. 1 (42), pp. 96–102. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Виноградов Сергей Валерьевич – преподаватель Департамента теории права и сравнительного правоведения, стажер-исследователь Лаборатории комплексных междисциплинарных проектов Центра фундаментальных исследований, аспирант
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
109028, Россия, г. Москва, Большой Трехсвятительский пер., 3
E-mail: svinogradov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8621-3637
ResearcherID: GRO-1650-2022
SPIN-код РИНЦ: 9071-3294

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Виноградов С.В. Валюта равенства: дискуссия о мере эгалитарной справедливости / С.В. Виноградов // Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 15–24. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).15-24.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey V. Vinogradov – Lecturer, School of Theory of Law and Comparative Law; Research Assistant, Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects of Centre for Basic Research; Doctoral Student
HSE University
3, Bol'shoi Trekhsvyatitel'skii per., Moscow, 109028, Russia
E-mail: svinogradov@hse.ru
ORCID: 0000-0001-8621-3637
ResearcherID: GRO-1650-2022
RSCI SPIN-code: 9071-3294

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vinogradov S.V. Currency of equality: a discussion on the measure of egalitarian justice. *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 15–24. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).15-24. (In Russ.).

ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА ОРГАНАМИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

THE LAW ENFORCEMENT BY THE PUBLIC AUTHORITIES

УДК 342

DOI 10.52468/2542-1514.2026.10(1).25-35

ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ КОМПЕТЕНЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В НОВОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ЗАКОНЕ О МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ

М.Ю. Дитятковский^{1,2}

¹ *Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),*

г. Москва, Россия

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –
01 июля 2025 г.

Дата принятия в печать –
12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –
20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Компетенция местного самоуправления, предметы ведения местного самоуправления, вопросы местного значения, полномочия органов местного самоуправления, виды полномочий, отдельные государственные полномочия, перераспределение полномочий, права местного самоуправления

В связи с принятием Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ рассматриваются проблемы отражения в нем определения компетенции местного самоуправления, вопросов местного значения и полномочий органов местного самоуправления. Также поднимаются проблемы определения порядка перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий. Делаются выводы о необходимости включения в федеральное законодательство положений об определении компетенции местного самоуправления и вопросах местного значения. Констатируется, что механизм перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации вызывает вопросы о его конституционности.

ON THE DEFINITION OF THE COMPETENCE OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE NEW FEDERAL LAW ON LOCAL SELF-GOVERNMENT

Mikhail Y. Dityatkovsky^{1,2}

¹ *Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia*

² *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

Article info

Received –
2025 July 01

Accepted –
2026 January 12

Available online –
2026 March 20

Keywords

Competence of local self-government, subjects

Currently, the issues of defining the competence of local self-government are once again very relevant. This is due to the adoption and partial entry into force of the new Federal Law No. 33-FZ dated March 20, 2025 "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Unified System of Public Authority" (hereinafter referred to as Federal Law No. 33). The issues of competence of local self-government are defined by Chapter 4 of Federal Law No. 33 in a very contradictory way.

This article discusses the main problems of determining the competence of local self-government in connection with the adoption of the new Federal Law No. 33. The author makes an attempt to trace exactly how the subjects of local government, including issues of local importance, the powers of local governments and their individual types, were reflected in Federal Law No. 33. The article also raises the problems of determining the

of competence of local self-government, issues of local importance, powers of local self-government, types of powers, individual state powers, redistribution of powers, rights of local self-government

procedure for the redistribution of powers between local governments and state authorities of the subjects of the Russian Federation, and the exercise by local governments of certain state powers. These problems are presented in a comparison of the provisions of the new Federal Law No. 33 with the old Federal Law No. 131-FZ dated October 6, 2003 "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" (hereinafter - Federal Law No. 131).

These issues are considered in the article using the formal legal method, methods of comparative legal and historical analysis of federal laws regulating certain elements of the competence of local government, as well as synthesis in the preparation of conclusions and proposals based on this analysis.

Based on the above, the article concludes that the new Federal Law No. 33 covers issues of competence of local self-government and its individual elements much worse than in the old Federal Law No. 131. In the future, Federal Law No. 33 should reflect the definition of the competence of local self-government and return issues of local importance provided for by the Constitution of the Russian Federation and which are the main subjects of local self-government. The mechanism of redistribution of powers between local self-government bodies and state authorities of the subjects of the Russian Federation raises big questions from the point of view of its compliance with the Constitution of the Russian Federation in terms of limiting the independence of the population of the municipality and local self-government authorities to resolve issues of local importance. In addition, Federal Law No. 33 also needs to return the definition of the constitutional concept of certain state powers that can be vested in local governments, as well as individual guarantees of the procedure for their implementation.

1. Введение

В настоящее время вопросы определения компетенции местного самоуправления вновь очень актуальны. Это связано с принятием и частичным вступлением в силу Федерального закона от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Федеральный закон № 33)¹. Вопросы компетенции местного самоуправления определяются гл. 4 Федерального закона № 33 очень противоречиво.

В данной статье рассматриваются основные проблемы определения компетенции местного самоуправления в связи с принятием Федерального закона № 33. Автор делает попытку проследить, как именно нашли отражение в Федеральном законе № 33 предметы ведения местного самоуправления, в том числе вопросы местного значения, полномочия органов местного самоуправления и их отдельные виды. В статье также поднимаются проблемы установления порядка перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномо-

чий. Указанные проблемы излагаются в сравнении положений Федерального закона № 33 с утрачивающим силу с 1 января 2027 г. Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131).

Данные вопросы рассматриваются в статье с применением формально-юридического метода, методов сравнительно-правового и исторического анализа федеральных законов, регулирующих отдельные элементы компетенции местного самоуправления, а также синтеза при подготовке выводов и предложений на основании данного анализа.

Вопросы определения компетенции местного самоуправления и ее отдельных элементов достаточно широко и глубоко изучены в научной и учебной юридической литературе. Указанным проблемам в советское время посвящены работы таких классиков конституционного и административного права, как Б.М. Лазарев [1], С.А. Авакьян [2], О.Е. Кутафин и К.Ф. Шерemet [3]. Проблемам определения компетенции местного самоуправления, предметов ведения и полномочий органов местного самоуправления посвящены крупные монографии, учеб-

¹ Здесь и далее нормативные правовые и судебные акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

ники и докторские диссертации таких исследователей, как Ю.А. Тихомиров [4], Т.М. Бялкина [5], О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев [6], Г.Н. Чеботарев [7], Н.В. Постовой [8; 9], И.И. Овчинников [10], Н.Л. Пешин [11], В.И. Васильев [12], М.Ю. Дитятковский [13], а также кандидатские диссертации В.А. Лобовой [14] и В.П. Логинова [15]. Изучению отдельных проблемных вопросов компетенции местного самоуправления посвящены также научные статьи А.А. Ларичева [16], Ю.В. Благова [17], А.Ю. Звягольского и Р.А. Эфрикяна [18], А.Т. Карасева и А.В. Елькиной [19], О.А. Ежуковой [20], С.С. Непомнящих [21], Г.В. Костиковой [22], К.Т. Сарыкова [23], Н.В. Антоновой [24] и А.А. Уварова [25].

Вместе с тем указанные научные исследования были подготовлены до принятия и частичного вступления в силу Федерального закона № 33. В целом научные работы, направленные на изучение вопросов компетенции местного самоуправления в Федеральном законе № 33, в настоящее время в юридической литературе представлены в недостаточном количестве, что определяет актуальность и новизну настоящего исследования.

2. Об определении компетенции местного самоуправления

Прежде всего нужно отметить несколько важных проблем, связанных с определением понятий, раскрывающих компетенцию местного самоуправления, в Федеральном законе № 33. Если обратиться к теории компетенции, то, согласно Т.М. Бялкиной [5, с. 77–89] и Н.В. Постовому [8, с. 274], под *компетенцией местного самоуправления* понимается установленная нормами законодательства совокупность предметов ведения и полномочий органов и должностных лиц местного самоуправления, необходимых для осуществления функций местного самоуправления. Традиционно в содержание компетенции включаются два элемента – предметы ведения и полномочия. Указанной позиции придерживаются Б.М. Лазарев [1, с. 11, 26–33], О.Е. Кутафин и К.Ф. Шеремет [3, с. 31], В.И. Фадеев [6, с. 488–496] и др.

Вместе с тем в Федеральном законе № 33, как и в Федеральном законе № 131-ФЗ, общие термины «компетенция местного самоуправления» или «компетенция органов местного самоуправления» не упоминаются. В Федеральном законе № 33 термин «компетенция» используется только по отношению к отдельным видам органов местного самоуправления: «компетенция представительного органа муниципального образования» (ст. 16) и «компетенция главы муниципального образования» (ст. 20).

Кроме того, в Федеральном законе № 33 в наименовании гл. 4 используется более общий термин «Функциональные основы организации местного самоуправления», что, по нашему мнению, не в полной мере отражает ее содержание. Более удачным названием указанной главы было бы «Основы определения компетенции органов местного самоуправления».

3. Об определении предметов ведения местного самоуправления

Предметы ведения являются первым составляющим элементом компетенции местного самоуправления. Определения данного понятия в федеральном законодательстве также до сих пор не содержится. Согласно Т.М. Бялкиной, под *предметами ведения местного самоуправления* следует понимать те сферы (области) общественных отношений, в рамках которых субъекты местного самоуправления (прежде всего органы местного самоуправления) могут принимать определенные решения, совершать иные юридически значимые действия [5, с. 115–116]. О.Е. Кутафин и В.И. Фадеев под предметами ведения местного самоуправления понимают круг определяемых Конституцией РФ, федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, уставами муниципальных образований вопросов, обусловленных осуществлением местного самоуправления, его задачами и целями, местом и ролью в осуществлении власти народа, решение по которым принимается населением непосредственно и (или) через выборные и иные органы местного самоуправления самостоятельно [6, с. 470].

Предметы ведения местного самоуправления раскрываются в Федеральном законе № 131 в первую очередь через находящиеся в ведении муниципальных образований вопросы местного значения. Определение данного понятия четко дается в ст. 2 Федерального закона № 131, где под *вопросами местного значения* понимаются вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения муниципального образования, решение которых в соответствии с Конституцией РФ и настоящим Федеральным законом осуществляется населением и (или) органами местного самоуправления самостоятельно.

Вместе с тем вопросы местного значения являются не единственным предметом ведения местного самоуправления и составляют лишь одну часть предметов ведения местного самоуправления, причем на практике не всегда самую значительную. Помимо вопросов местного значения к предметам ведения местного самоуправления относятся также:

1) некоторые вопросы федерального и (или) регионального значения, по которым органы местного самоуправления определенных муниципальных образований наделены федеральным законом и (или) законом субъекта Российской Федерации отдельными государственными полномочиями; 2) вопросы, не отнесенные к вопросам местного значения, при решении которых реализуется участие органов местного самоуправления в осуществлении государственных полномочий, не переданных им в соответствии со ст. 19 Федерального закона № 131; 3) иные вопросы, не отнесенные к компетенции органов местного самоуправления других муниципальных образований, органов государственной власти и не исключенные из их компетенции федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. Об этом прямо не упоминалось в Федеральном законе № 131, но по крайней мере из его содержания это логически вытекало.

Что же говорится о предметах ведения местного самоуправления в Федеральном законе № 33? Практически ничего! Мало того, что в Федеральном законе № 33 не используется термин «предметы ведения местного самоуправления» (его не было и в Федеральном законе № 131), он практически отказывается от уже традиционного и конституционного термина «вопросы местного значения».

В п. 3 пояснительной записки к проекту федерального закона приводится следующее обоснование данного действия: «...существование конструкции, предполагающей закрепление в федеральном законодательстве и вопросов местного значения и полномочий по их решению приводит к путанице при перераспределении полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации. Вопросы местного значения являются одним из элементов компетенции органов местного самоуправления, при этом, исходя из действующих формулировок, конкурируют по содержанию с закрепленными в федеральных законах полномочиями. Законопроектом предусматривается закрепление непосредственно полномочий органов местного самоуправления»².

С указанной позицией вряд ли стоит соглашаться, поскольку термин «вопросы местного значения» дважды упоминается в Конституции РФ: мест-

ное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения (ч. 1 ст. 130); органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, вводят местные налоги и сборы, решают иные вопросы местного значения (ч. 1 ст. 132).

В Федеральном законе № 33 указанный термин используется только один раз и как бы вскользь, при определении понятия местного самоуправления в ч. 1 ст. 1: местное самоуправление – признаваемая и гарантируемая Конституцией РФ форма самоорганизации граждан в целях самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией РФ настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами. И фактически конституционный термин «вопросы местного значения» в Федеральном законе № 33 за чем-то заменяется новым непонятным термином «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». Поэтому из Федерального закона № 33 исчезли перечни вопросов местного значения, которых в Федеральном законе № 131 было целых четыре.

Кроме того, абсолютно не понятно, как должно реализовываться конституционное положение о том, что местное самоуправление в Российской Федерации обеспечивает прежде всего самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Так что именно население должно решать самостоятельно, если определение вопросов местного значения и их перечень в Федеральном законе № 33 отсутствуют? Ответ простой – ничего! В связи с этим о построении какого гражданского общества и реализации какой непосредственной демократии может идти речь? Ответ на данный вопрос отсутствует.

В Конституции РФ понятие «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» не используется. В связи с этим представляется необходимым во всем тексте Федерального закона № 33 слова «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» заменить словами «вопросы местного значения». Тем более, что в ч. 1 ст. 32 Федерального закона № 33, вступающей

² Законопроект № 40361-8 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/40361-8>. В цитате сохранена пунктуация источника.

в силу с 1 января 2027 г., например, определен перечень полномочий органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, т. е. по решению вопросов местного значения. Кроме того, в Федеральном законе № 33 необходимо определить перечень вопросов местного значения, который население муниципального образования может решать непосредственно. В связи с этим мы полностью поддерживаем позицию Н.А. Антоновой о том, что четкое установление вопросов местного значения является необходимым условием определения места муниципальной власти в системе народовластия в Российской Федерации, ее взаимоотношения с государственной властью, а также, следовательно, условием разграничения сферы правотворчества всех уровней [24, с. 14].

4. Об определении полномочий органов местного самоуправления

Под *полномочиями органов местного самоуправления* в юридической литературе обычно понимается совокупность прав и обязанностей органов и должностных лиц местного самоуправления по предметам ведения местного самоуправления. О.Е. Кутафиным и В.И. Фадеевым под полномочиями местного самоуправления понимаются закрепляемые нормами законодательства за населением, органами и должностными лицами местного самоуправления, за муниципальными образованиями в целом как субъектами правовых отношений права и обязанности, необходимые для осуществления задач и функций местного самоуправления [6, с. 487]. Полномочия органов местного самоуправления тесно связаны с их предметами ведения. Так, по мнению С.А. Авакьяна, если с определением предметов ведения органа дается ответ на вопрос, в каких областях жизни он в принципе компетентен, то права и обязанности характеризуют пределы возможностей органа в той или иной сфере общественных отношений [2, с. 21–22].

Полномочия органов и должностных лиц местного самоуправления Н.В. Постовым [8, с. 275–276], Т.М. Бялкиной [5, с. 277–278] и др. подразделяются на три группы, которые отражены как в Федеральном законе № 131, так и в Федеральном законе № 33:

1. Полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, или так называемые *собственные обязательные полномочия* органов местного самоуправления, которые признаются за ними государством и которые органы местного самоуправления обязаны осуществ-

лять (ст. 17 Федерального закона № 131, отраслевые федеральные законы). В Федеральном законе № 33 им посвящена ч. 1 ст. 32, в которой по причинам, о которых уже говорилось, указанные полномочия теперь именуются не полномочиями органов местного самоуправления по решению вопросов местного значения, а полномочиями органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. По указанным выше причинам в Федеральный закон № 33 следует вернуть старое название указанной группы полномочий.

2. Отдельные государственные полномочия, которыми органы местного самоуправления наделяются либо могут наделяться законом (ст. 19 Федерального закона № 131), или так называемые *переданные обязательные полномочия* органов местного самоуправления. Здесь следует отметить, что ч. 1 ст. 19 Федерального закона № 131 содержит прекрасное, широкое и понятное определение «отдельные государственные полномочия». Полномочия органов местного самоуправления, установленные федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, по вопросам, не отнесенным в соответствии с настоящим Федеральным законом к вопросам местного значения, являются отдельными государственными полномочиями, передаваемыми для осуществления органам местного самоуправления. Появление данного определения в Федеральном законе № 131 в свое время было большим прорывом в реализации гарантий местного самоуправления от неправомерного наделения их полномочиями, никак не связанными с вопросами местного значения, без процедуры соответствующего наделения. Исключение указанного определения из ст. 34 Федерального закона № 33 не соответствует Конституции РФ, которая предусматривает указанное понятие, и может повлечь за собой возврат к порочной практике неправомерного возложения на органы местного самоуправления дополнительных полномочий, никак не связанных с вопросами местного значения, без процедуры соответствующего наделения и без передачи необходимых финансовых средств. В связи с этим его следует вернуть в Федеральный закон № 33.

3. Государственные полномочия, в осуществлении которых органы местного самоуправления могут принимать участие без соблюдения процедуры соответствующего наделения, а также полномочия по решению иных вопросов, не отнесенных к компетенции органов местного самоуправления других муни-

ципальных образований, органов государственной власти и не исключенных из их компетенции федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (ст. 14.1, 15.1, 16.1, 20 Федерального закона № 131), или так называемые *собственные факультативные полномочия* органов местного самоуправления, которые реализуются указанными органами по своему усмотрению. В Федеральном законе № 131 в отношении указанных факультативных полномочий существовал более-менее понятный термин «права органов местного самоуправления на решение вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения». В Федеральном законе № 33 им посвящена ст. 37, вступающая в силу с 1 января 2027 г., в которой содержится новый странный термин «права органов местного самоуправления на осуществление полномочий, не отнесенных к полномочиям органов местного самоуправления». Как здесь следует понимать «полномочия, не отнесенные к полномочиям органов местного самоуправления»? К каким именно полномочиям они не должны быть отнесены: к полномочиям по решению вопросов местного значения? Или к отдельным государственным полномочиям, которыми органы местного самоуправления наделены законом? Указанный термин в Федеральном законе № 33 нуждается в явном уточнении с учетом опыта Федерального закона № 131.

5. О перераспределении полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации

В Федеральном законе № 33 используется новый термин «полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», которым посвящена огромная ст. 32, вступающая в силу с 1 января 2027 г.

Полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения делятся на три группы:

1) полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, не подлежащие перераспределению между органами местного

самоуправления и органами государственной власти субъекта Российской Федерации, из 18 пунктов;

2) полномочия органов местного самоуправления по решению вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, которые могут быть перераспределены законом субъекта Российской Федерации для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации, из 29 пунктов;

3) полномочия, перераспределенные Федеральным законом № 33 для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации, которые могут быть перераспределены законом субъекта Российской Федерации для осуществления органами местного самоуправления в целях обеспечения жизнедеятельности населения, из 18 пунктов.

Статьей 32 Федерального закона № 33 устанавливаются достаточно запутанные правила перераспределения полномочий законами субъектов Российской Федерации между органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления. Но вместе с тем есть большой принципиальный вопрос о соответствии данной схемы перераспределения полномочий Конституции РФ.

Напомним, что согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 30 ноября 2000 г. № 15-П по «курскому делу»³ передача органами местного самоуправления органам государственной власти субъектов Российской Федерации снизу вверх отдельных полномочий по решению вопросов местного значения даже на основании договора и с их согласия не допускается! Указанная практика признана противоречащей ч. 1 ст. 130 Конституции РФ, устанавливающей, что местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения. Поэтому полномочия по решению вопросов местного значения должны осуществляться только органами местного самоуправления или населением муниципального образования непосредственно. На органы же государственной власти возлагается обязанность создавать необходимые правовые, организационные, материально-финансовые и другие условия для становления и развития местного самоуправления и оказы-

³ «По делу о проверке конституционности отдельных положений Устава (Основного Закона) Курской области в редакции Закона Курской области от 22 марта 1999 года “О

внесении изменений и дополнений в Устав (Основной Закон) Курской области”».

вать содействие населению в осуществлении права на местное самоуправление.

Предусмотренные ст. 32 Федерального закона № 33 случаи перераспределения полномочий по решению вопросов местного значения от органов местного самоуправления для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации предусматривают принятие закона субъекта Российской Федерации. При этом согласия органов местного самоуправления на данное перераспределение никто даже и не спрашивает! В этом нам видится явное противоречие Конституции РФ.

Кроме того, в ст. 32 Федерального закона № 33 не определены принципы включения полномочий органов местного самоуправления в тот или иной перечень, механизм формирования указанных перечней непонятны и не обоснованы. При этом из положений Федерального закона № 33 вообще не ясно, за каким уровнем публичной власти вообще первоначально закрепляются полномочия, указанные в ч. 3 ст. 32 Федерального закона № 33, в качестве собственных (за субъектами Российской Федерации или муниципальными образованиями).

Еще раз обратим внимание на формулировку закона: полномочия, перераспределенные Федеральным законом № 33 для осуществления органами государственной власти субъекта Российской Федерации, которые могут быть перераспределены законом субъекта Российской Федерации для осуществления органами местного самоуправления в целях обеспечения жизнедеятельности населения. Чьи эти полномочия изначально? По сути это полномочия по решению вопросов местного значения (какими они были по Федеральному закону № 131) или все-таки это уже собственные полномочия органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, которые могут перераспределяться органам местного самоуправления? Абсолютно не понятно!

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался по вопросу о необходимости четкого определения компетенции для каждого уровня публичной власти. В постановлениях Конституционного Суда РФ от 9 июля 2020 г. № 34-П⁴ и от 29 марта

2011 г. № 2-П⁵ сказано, что принимаемые законодательные решения должны соответствовать требованию формальной определенности, что предполагает ясное, четкое и непротиворечивое определение компетенции муниципальных образований, последовательное разграничение вопросов местного значения, решение которых возложено на органы местного самоуправления, и вопросов государственного значения, решение которых возложено на федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Иное означало бы, что законодатель вправе закрепить за местным самоуправлением неопределенные по объему полномочия, а органы местного самоуправления – реализовать их произвольным образом, что приводило бы к нарушению принципа разграничения полномочий между территориальными уровнями публичной власти, ставило бы под сомнение надлежащее финансово-экономическое обеспечение местного самоуправления, соразмерное его полномочиям, а в результате создавало бы угрозу невыполнения или ненадлежащего выполнения органами местного самоуправления их конституционных обязанностей, в том числе по обеспечению прав и свобод человека и гражданина.

Указанные противоречия говорят о необходимости кардинальной переработки ст. 32 Федерального закона № 33.

6. Об осуществлении органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий

Не понятно, зачем из Федерального закона № 33 исключили отдельную статью об осуществлении органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных им в порядке наделения. В старом Федеральном законе № 131 этому была посвящена ст. 20. Вместо этого в Федеральный закон № 33 включили отдельную ст. 36, посвященную только участию органов местного самоуправления в осуществлении не переданных им государственных полномочий.

Нормы ч. 1 ст. 36 Федерального закона № 33 предусматривают, что по вопросам осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий федеральные органы

⁴ «По делу о проверке конституционности части второй статьи 313 Уголовно-процессуального кодекса РФ в связи с жалобой администрации муниципального образования город Мурманск».

⁵ «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «Город Чита»».

исполнительной власти и органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случаях, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, в пределах своей компетенции вправе издавать обязательные для исполнения нормативные правовые акты и осуществлять контроль за их исполнением. Данное положение не согласуется с наименованием указанной ст. 36 Федерального закона № 33, которая посвящена регулированию других правоотношений, поскольку предусматривает участие органов местного самоуправления в осуществлении только не переданных им государственных полномочий.

Кроме того, в Федеральный закон № 33 следует включить важнейшую гарантию при осуществлении органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, установленную ч. 2 ст. 20 Федерального закона № 131, в соответствии с которой признанное в судебном порядке несоответствие федеральных законов, законов субъектов Российской Федерации, иных нормативных правовых актов Российской Федерации, предусматривающих наделение органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, требованиям, предусмотренным ст. 19 настоящего Федерального закона, является основанием для отказа от исполнения указанных полномочий. Исключение указанных положений из Федерального закона № 33

негативно скажется на защите прав органов местного самоуправления вследствие нарушений со стороны органов государственной власти при наделении их отдельными государственными полномочиями.

7. Выводы

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что в Федеральном законе № 33 вопросы компетенции местного самоуправления и ее отдельных элементов раскрыты гораздо хуже, чем в Федеральном законе № 131. В Федеральном законе № 33 в перспективе желательно отразить определение компетенции местного самоуправления и вернуть вопросы местного значения, предусмотренные Конституцией РФ и являющиеся основными предметами ведения местного самоуправления. Механизм перераспределения полномочий между органами местного самоуправления и органами государственной власти субъектов Российской Федерации вызывает большие вопросы с точки зрения соответствия его Конституции РФ в части ограничения самостоятельности осуществления населением муниципального образования и органами местного самоуправления полномочий по решению вопросов местного значения. Кроме того, в Федеральный закон № 33 необходимо вернуть также определение конституционного понятия отдельных государственных полномочий, которыми могут наделаться органы местного самоуправления, а также отдельные гарантии порядка их осуществления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лазарев Б. М. Компетенция органов управления / Б. М. Лазарев. – М. : Юридическая литература, 1972. – 280 с.
2. Авакьян С. А. Правовое регулирование деятельности Советов: (Конституционные основы, теория, практика) / С. А. Авакьян. – М. : Изд-во МГУ, 1980. – 176 с.
3. Кутафин О. Е. Компетенция местных Советов / О. Е. Кутафин, К. Ф. Шеремет. – 2-е изд. – М. : Юридическая литература, 1986. – 223 с.
4. Тихомиров Ю. А. Теория компетенции / Ю. А. Тихомиров. – М., 2001. – 351 с.
5. Бялкина Т. М. Компетенция местного самоуправления: проблемы теории и правового регулирования : моногр. / Т. М. Бялкина. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2006. – 406 с.
6. Кутафин О. Е. Муниципальное право Российской Федерации : учеб. / О. Е. Кутафин, В. И. Фадеев. – 3-е изд. – М. : Проспект, 2009. – 672 с.
7. Чеботарев Г. Н. Компетенция местного самоуправления : моногр. / Г. Н. Чеботарев, А. Н. Панфилов. – Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2012. – 191 с.
8. Постовой Н. В. Муниципальное право России : учеб. / Н. В. Постовой. – М. : Юриспруденция, 2008. – 398 с.
9. Постовой Н. В. Проблемы компетенции в системе местного самоуправления и пути их решения / Н. В. Постовой. – 2-е изд., доп. – М. : Юриспруденция, 2013. – 112 с.
10. Овчинников И. И. Компетенция местного самоуправления (проблемы теории и практики правового регулирования) : моногр. / И. И. Овчинников. – М. : Юстицинформ, 2014. – 239 с.

11. Пешин Н. Л. Государственная власть и местное самоуправление в России: проблемы развития конституционно-правовой модели / Н. Л. Пешин. – М. : Статут, 2007. – 459 с.
12. Васильев В. И. Законодательная основа муниципальной реформы / В. И. Васильев. – М. : Формула права, 2005. – 333 с.
13. Дитятковский М. Ю. Осуществление органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий: проблемы муниципально-правовой теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук / М. Ю. Дитятковский. – Омск, 2008. – 697 с.
14. Лобова В. А. Проблемы реализации компетенции органов местного самоуправления в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В. А. Лобова. – М., 2003. – 21 с.
15. Логинов В. П. Компетенция местного самоуправления: Объем, формирование, разграничение, гарантии : дис. ... канд. юрид. наук / В. П. Логинов. – Казань, 2002. – 185 с.
16. Ларичев А. А. Компетенция местного самоуправления и финансово-экономическая база ее реализации в свете конституционно-судебной практики: некоторые проблемы и пути их решения / А. А. Ларичев // Российская юстиция. – 2017. – № 9. – С. 9–12.
17. Благов Ю. В. Компетенция органов местного самоуправления: дискуссионные вопросы / Ю. В. Благов // Правоприменение. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 117–128. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4).117-128.
18. Звягольский А. Ю. Вопросы местного значения и полномочия в сфере публичного управления органов местного самоуправления / А. Ю. Звягольский, Р. А. Эфрикян // Современная научная мысль. – 2016. – № 1. – С. 148–154.
19. Карасев А. Т. Компетенция органов местного самоуправления / А. Т. Карасев, А. В. Елькина // Государственная власть и местное самоуправление. – 2015. – № 8. – С. 25–28.
20. Ежукова О. А. Современный законодательный подход к правовому регулированию компетенции органов местного самоуправления / О. А. Ежукова // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 3. – С. 56–59.
21. Непомнящих С. С. Вопросы местного значения как элемент компетенции местного самоуправления / С. С. Непомнящих // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 5. – С. 22–24.
22. Костикова Г. В. Особенности формирования компетенции органов местного самоуправления / Г. В. Костикова // Конституционное и муниципальное право. – 2011. – № 8. – С. 50–53.
23. Сарыков К. Т. Компетенция органов местного самоуправления как составная часть их конституционно-правового статуса / К. Т. Сарыков // Государственная власть и местное самоуправление. – 2010. – № 11. – С. 21–23.
24. Антонова Н. В. Проблемы определения компетенции органов местного самоуправления / Н. В. Антонова // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2022. – № 3 (34). – С. 12–17. – DOI: 10.21777/2587-9472-2022-3-12-17.
25. Уваров А. А. О динамике компетенционных возможностей местного самоуправления в России / А. А. Уваров // Муниципальная служба: правовые вопросы. – 2021. – № 3. – С. 26–29.

REFERENCES

1. Lazarev B.M. *Competence of governing bodies*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1972. 280 p. (In Russ.).
2. Avak'an S.A. *Legal regulation of the activity of Soviets: (Constitutional foundations, theory, practice)*. Moscow, Moscow State University Publ., 1980. 176 p. (In Russ.).
3. Kutafin O.E., Sheremet K.F. *Competence of local Councils*, 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1986. 223 p. (In Russ.).
4. Tikhomirov Yu.A. *Theory of competence*. Moscow, 2001. 351 p. (In Russ.).
5. Byalkina T.M. *Competence of local self-government: problems of theory and legal regulation*, Monograph. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2006. 406 p. (In Russ.).
6. Kutafin O.E., Fadeev V.I. *Municipal law of the Russian Federation*, Textbook, 3rd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 672 p. (In Russ.).

7. Chebotarev G.N., Panfilov A.N. *Competence of local self-government*, Monograph. Tyumen, Tyumen State University Publ., 2012. 191 p. (In Russ.).
8. Postovoi N.V. *Municipal law of Russia*, Textbook. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2008. 398 p. (In Russ.).
9. Postovoi N.V. *Problems of competence in the system of local self-government and ways to solve them*, 2nd ed. Moscow, Yurisprudentsiya Publ., 2013. 112 p. (In Russ.).
10. Ovchinnikov I.I. *Competence of local government (Theoretical and practical problems of legal regulation)*, Monograph. Moscow, Yustitsinform Publ., 2014. 239 p. (In Russ.).
11. Peshin N.L. *State power and local self-government in Russia: problems of the development of the constitutional and legal model*. Moscow, Statut Publ., 2007. 459 p. (In Russ.).
12. Vasil'ev V.I. *The legislative basis of municipal reform*. Moscow, Formula prava Publ., 2005. 333 p. (In Russ.).
13. Dityatkovskii M.Yu. *The exercise by local governments of certain state powers: problems of municipal legal theory and practice*, Doct. Diss. Omsk, 2008. 697 p. (In Russ.).
14. Lobova V.A. *Problems of realization of competence of local self-government bodies in the Russian Federation*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2003. 21 p. (In Russ.).
15. Loginov V.P. *Competence of local self-government: Scope, formation, differentiation, guarantees*, Cand. Diss. Kazan, 2002. 185 p. (In Russ.).
16. Larichev A.A. The competence of local self-government and financial-economic base of its implementation in the light of constitutional-court practice: some problems and their solutions. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2017, no. 9, pp. 9–12. (In Russ.).
17. Blagov Yu.V. Competence of local self-governments: debatable issues. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 4, pp. 117–128. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4).117-128.
18. Zvyagolsky A.Y., Efrikyan R.A. The questions of local importance and powers in the sphere of public management of the local self-government. *Sovremennaya nauchnaya mysl' = Modern scientific thought*, 2016, no. 1, pp. 148–154. (In Russ.).
19. Karasev A.T., El'kina A.V. Competence of local authorities. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2015, no. 8, pp. 25–28. (In Russ.).
20. Ezhukova O.A. Contemporary legislative approach to legal regulation of the competence of agencies of local self-government. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2015, no. 3, pp. 56–59. (In Russ.).
21. Nepomnyashchikh S.S. Issues of local importance as the element of the local self-government's competence. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2012, no. 5, pp. 22–24. (In Russ.).
22. Kostikova G.V. Peculiarities of formation of competence of agencies of local self-government. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2011, no. 8, pp. 50–53. (In Russ.).
23. Sarykov K.T. Competence of local self-government bodies as an integral part of their constitutional and legal status. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie = State power and local self-government*, 2010, no. 11, pp. 21–23. (In Russ.).
24. Antonova N.V. Problems of determining the competence of local self-government bodies. *Vestnik Moskovskogo universiteta im. S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki = Journal of Legal Sciences*, 2022, no. 3 (34), pp. 12–17. DOI: 10.21777/2587-9472-2022-3-12-17. (In Russ.).
25. Uvarov A.A. On the dynamics of competence opportunities of local self-government in Russia. *Munitsipal'naya sluzhba: pravovye voprosy = Municipal service: legal issues*, 2021, no. 3, pp. 26–29. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дитятковский Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, доцент, ¹профессор кафедры конституционного и муниципального права, ²профессор кафедры государственного и муниципального права
¹Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Mikhail Y. Dityatkovsky – Doctor of Law, Associate Professor; ¹Professor, Department of Constitutional and Municipal Law; ²Professor, Department of State and Municipal Law
¹Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
²Dostoevsky Omsk State University

² Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского

¹ 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудрин-
ская, 9

² 644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: ditmihur@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7318-212X

ResearcherID: W-2788-2019

SPIN-код РИНЦ: 3935-0431

¹ 9, Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 125993,
Russia

² 55а, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: ditmihur@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7318-212X

ResearcherID: W-2788-2019

RSCI SPIN-code: 3935-0431

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дитятковский М.Ю. Об определении компетенции
местного самоуправления в новом Федеральном
законе о местном самоуправлении / М.Ю. Дитят-
ковский // Правоприменение. – 2026. – Т. 10,
№ 1. – С. 25–35. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.
10(1).25-35.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dityatkovsky M.Y. On the definition of the competence
of local self-government in the new Federal Law
on Local Self-Government. *Pravoprimenenie = Law
Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 25–35.
DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).25-35. (In Russ.).

СИСТЕМА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА ГЕРМАНИИ

А.Б. Агапов

*Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

28 октября 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Догматика немецкого административного права исходит из самодостаточности теоретических постулатов «полицейского права» и «права общественного порядка», рассматриваемых главным образом в контексте особенного административного права. В статье ставится цель применительно к общему административному праву изучить теоретические догматы понятия *Verwaltungsrecht* как отрасли права, его отличия от «науки управления» (*Verwaltungswissenschaft*) в контексте германского и австрийского административного права.

Ключевые слова

Административное право
Германии, административное
право Австрии, общественный
порядок, общее
административное право
Германии, особенное
административное право
Германии, учение об
управлении, полиция
общественной безопасности,
криминальная полиция,
полицейское право и право
общественного порядка
Германии, орган полиции,
Федеральное ведомство
криминальной полиции (ВКА),
Федеральная служба внешней
разведки (ВНД), Федеральное
ведомство защиты
конституционного строя
Германии (BfV), Федеральное
министерство внутренних дел
(ВМИ), правопорядок,
внутренняя безопасность

THE SYSTEM OF ADMINISTRATIVE LAW OF GERMANY

Andrey B. Agapov

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Article info

Received –

2025 October 28

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

Introduction. The dogmatics of German administrative law is based on the self-sufficiency of the theoretical postulates of "police law" and "public order law," primarily examined within the context of Special Administrative Law.

Purpose of the study. This article aims to explore the theoretical dogmas related to General Administrative Law, specifically focusing on the concept of *Verwaltungsrecht* as a branch of law and its distinctions from "administrative science" (*Verwaltungswissenschaft*) in the context of German and Austrian administrative law.

Keywords

Administrative law of Germany, administrative law of Austria, public legal order, General administrative law of Germany, Special administrative law of Germany, administrative doctrine, public security police, criminal police, police law and regulatory law of Germany, police department, Federal Criminal Police Office (BKA), Federal Intelligence Service (BND), Federal Office for the Protection of the Constitutional Order of Germany (BfV), Federal Ministry of the Interior (BMI), law and order, internal security

Methodology. The article employs formal-legal and comparative-legal methods: the former is used to elucidate the concept and structure of Special Administrative Law through the analysis and interpretation of legal categories and constructs. The comparative-legal analysis is utilized to compare the German and Austrian models of administrative law, identifying similarities and differences in the functioning of key institutions.

Results. Police law and public order law (Polizei und Ordnungsrecht) within German Special Administrative Law occupy a central position. They are perceived as the law of danger prevention (Gefahrenabwehrrecht). A comparison with Austria reveals a similarity in the fundamental 'police' logic; however, the Austrian model places a stronger emphasis on data protection (Datenschutzrecht) and European international cooperation among security agencies. In contrast, the German doctrine elaborates more on the separation of police and intelligence competencies (Trennungsgebot) and describes their interaction through a strictly limited exchange of information.

1. Введение

Понятие «система административного права» имеет выраженную публично-правовую основу и в Германии, как и в России, означает соподчиненность ее элементов, что свидетельствует прежде всего об их иерархической зависимости, в соответствии с которой статус нижестоящего элемента системы определяется взаимообусловленностью внутривидовых связей в отношениях с вышестоящим системным элементом.

Применительно к общему административному праву (*Allgemeines Verwaltungsrecht*) сказанное означает наличие доктринального единства постулатов «учения об управлении» (*Verwaltungslehre*), определяющего прежде всего общность теоретических построений в единой системе административного права (*Verwaltungsrecht*), включая особенное административное право (*Besonderes Verwaltungsrecht*) [1–4].

Догматика немецкого административного права исходит прежде всего из самодостаточности теоретических построений полицейского права и права общественного порядка (*Polizei- und Ordnungsrecht*, *Verwaltungslehre*, *Allgemeines Verwaltungsrecht*), их соизидательной взаимообусловленностью и взаимозависимостью. Созидательные постулаты с присущим им принципами творческой автаркии равноценны с позиций их научного восприятия, эти понятия нельзя рассматривать в качестве идентичных в процессе аналитических исследований.

Один из разделов, традиционно рассматриваемых в системе *Besonderes Verwaltungsrecht*, – это право полиции безопасности (*Sicherheitspolizeirecht*). Прежде всего, особенная часть административного права Германии в данном случае исходит из разгра-

ничения компетенции по территориальному принципу, при этом выделяются общеевропейский, федеральный, региональный и местный уровни правовой регламентации.

Цель представленного в настоящей статье исследования – применительно к общему административному праву изучить теоретические догматы понятия *Verwaltungsrecht* как отрасли права, его отличия от «науки управления» (*Verwaltungswissenschaft*) в контексте германского и австрийского административного права.

В статье использованы формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Первый применяется для раскрытия понятия и структуры Особого административного права через анализ и интерпретацию юридических категорий и конструкций. Сравнительно-правовой анализ используется для сопоставления германской и австрийской моделей административного права и выявления сходств / различий в функционировании ключевых институтов.

2. Теоретические постулаты немецкого административного права

Немецкому административному праву присуща общность теоретических институтов и единство архитектоники *Allgemeines und Besonderes Verwaltungsrecht*, обусловленная по преимуществу целями преподавательской деятельности либо научных изысканий. Разумеется, некоторые особенности присущи специфике преподавания и научных исследований в различных немецкоязычных странах [2].

Применительно к *Besonderes Verwaltungsrecht* основные различия прослеживаются в обосновании теоретических постулатов.

В Германии *Polizei- und Ordnungsrecht* исследуются в рамках теоретического обоснования фундаментальных понятий особенной части административного права. Фридрих Шох рассматривает теоретические постулаты полицейского права и права общественной безопасности в рамках особенной части административного права, соответствующие разделы предваряют основную часть фундаментального исследования, а именно его отраслевые структурные элементы, посвященные прикладным особенностям распорядительной деятельности¹.

Фридрих Шох усматривает общность базисных понятий *Polizei- und Ordnungsrecht (Gefahrenabwehrrecht)*, исследуемых в контексте общей правозащитной деятельности, во всяком случае полицейское право и право общественной безопасности отождествляются им с *Gefahrenabwehrrecht*.

Значительное внимание в *Besonderes Verwaltungsrecht* уделяется материальному праву, особенностям административной деятельности полиции [6; 7].

В рамках формального полицейского права и права общественной безопасности исследуются особенности построения структуры полицейских органов, а именно *Sicherheitspolizei (Schutzpolizei* в Гамбурге), полиции общественной безопасности и *Kriminalpolizei*.

Предметом исследования общего административного права следует рассматривать единство и различия в построении полиции, обусловленные по преимуществу региональной регламентацией, а также национально-историческими традициями полицейской деятельности в отдельных федеральных землях.

Владение, пользование и распоряжение информацией, используемой в превентивной полицейской деятельности, а также в целях пресечения правонарушений, рассматривается в *Besonderes Verwaltungsrecht* в контексте общей административной деятельности полиции. В рамках информационной деятельности полиции основополагающее внимание уделяется специфике аккумуляции, аналитической обработки и распространения персональных данных (*Personenbezogener Daten*), прежде всего особенностям защиты банков данных от несанкционированного доступа.

Подобный подход присущ особенностям архитектоники общего административного права, что особенно наглядно на примере проведения практических занятий по курсу *Besonderes Verwaltungsrecht* в университетах Германии, а также в специализированных заведениях полиции [8–10].

Учебные курсы и фундаментальные исследования общего административного права (*Allgemeines Verwaltungsrecht*) придерживаются по преимуществу единых аналитических подходов в преподавательской и исследовательской деятельности [9; 11–13]. Изначально рассматриваются основные теоретические постулаты *Verwaltungsrecht*, их отличия от «науки управления» и «науки административного права», становление и развитие основных терминов и определений [14].

Определенное внимание уделяется исследованию правовых источников, а также организационно-правовых форм распорядительной деятельности, с учетом различий понятий, «органов управления», учреждения, ведомства (*Behörde*).

3. Общность и особенности систем административного права Германии и Австрии

Применительно к учебным курсам общего административного права федеративных государств – Германии и Австрии, рассматриваются особенности построения федеральных и региональных распорядительных органов [5].

В отличие от австрийских источников в исследованиях административистов Германии в общем контексте *Allgemeines Verwaltungsrecht* рассматривается «публичное управление» (*Öffentliche Verwaltung*) и его особенности применительно к федеральным основам администрирования и распорядительной деятельности в федеральных землях [14].

В австрийской модели *Besondres Verwaltungsrecht* уделяется особое внимание правовой защите информации (*Datenschutzrecht*). В качестве объекта публично-правовой защиты рассматриваются различные стадии оборота информации, при этом выделяются особый публичный правовой режим переработки данных (*Verarbeitung von Daten*) и специальный режим, в основе которого особое целеполагание, а именно: информация исследуется для получения статистического массива данных либо для анализа стадии экономического развития [15].

¹ Исследование теоретических постулатов полицейского права и права общественной безопасности занимает треть общего объема фундаментального исследования [5].

Применительно к различным этапам защиты информации в процессе ее сбора, аналитической обработки и распространения особое внимание уделяется публичным и частноправовым аспектам оборота информации. Австрийским административным правом установлены особые процедуры публичности обработки информации (*Publizität der Datenverarbeitungen*), функции обеспечения публично-правовой защиты данных отнесены к ведению особого должностного лица – Уполномоченного по защите информации (*Datenschutzbeauftragter*).

Субъектом публично-правовой защиты выступает в данном случае заинтересованное лицо (*Betroffene Person*) – субъект частного или публичного права, информация о котором обрабатывается в частных или государственных целях. В качестве объекта защиты следует рассматривать персональные данные (*personenbezogene Daten*), оборот которых проводится в соответствии с процедурами, установленными федеральным законом Австрии (*Datenschutzgesetz*). Статус персональных данных остается неизменным, и меры правовой защиты, определенные *Datenschutzgesetz*, неизменны на стадиях исправления, внесения корректив в персональные данные (*Richtigstellung*) либо их удаления (*Löschung*).

Более чем существенное внимание в австрийской концепции *Sicherheitspolizeirecht* уделяется общеевропейской интеграции на политико-правовом уровне, а также международно-правовой кооперации.

Применительно к европейскому сотрудничеству особая роль отводится контактам с Европейским полицейским ведомством (Европол). Все государства – участники Европейского Союза (ЕС), руководствуясь § 88 Договора о методах совместной работы ЕС, учреждают национальные бюро контактов с Европолом, обеспечивающие обмен информацией при условии надлежащей защиты сведений, относимых к персональным данным (*personenbezogenen Daten*).

Основная задача полиции общественной безопасности в Австрии заключена в обеспечении общественной безопасности (*öffentliche Sicherheit*) и общественного порядка (*öffentliche Ordnung*). Архитектоника *Besonderes Verwaltungsrecht* обусловлена субъективным восприятием исследования и его целеполаганием. Усматривается определенная общность системы немецкого административного права с доминирующей ролью полицеистики. Видный немецкий полицеист, профессор Фрейбургского

университета Фридрих Шох рассматривает *Polizei- und Ordnungsrecht* в контексте специальной (особенной) части учебного курса, ограничивая при этом его теоретические постулаты от прагматических проблем материального права [14]. В качестве основополагающей цели правопорядка профессор Ф. Шох усматривает устранение любых внешних факторов, препятствующих должной публичной и частноправовой деятельности, а именно обеспечение должной защиты от любых противоправных посягательств (*Gefahrenabwehr*).

Подобные подходы, характеризующие полицейское право и правопорядок как элемент системы особенной части административного права, весьма распространены в специальных научных и учебных изданиях Германии [17; 18], но в то же время подобное восприятие не является универсальным для немецких исследователей в целом. В австрийской научной и учебной литературе весьма распространен прагматичный подход, отождествляющий собственно полицейское право с полномочиями полиции общественной безопасности (*Sicherheitspolizeirecht*). Соответствующие полномочия на федеральном уровне отнесены к ведению федерального Министерства внутренних дел, его подразделений, обеспечивающих общественную безопасность (*öffentliche Sicherheit*). Отдельные публичные функции в Австрии отнесены к ведению Федеральной службы защиты конституции и борьбе с терроризмом и Федеральной службы криминальной полиции (*Bundeskriminalamt*). Все вышеуказанные органы реализуют вверенные им полномочия по согласованию и при непосредственном участии с органами, обеспечивающими общественную безопасность в федеральных землях Австрии и действующими в соответствии с региональным законодательством (*Landessicherheitsgesetze*).

Австрийской концепции *Sicherheitspolizeirecht* немецкие исследователи особенной части административного права противопоставляют целостное восприятие *Polizei- und Ordnungsrecht*, включающее в себя, в том числе, австрийское видение права полиции общественной безопасности [16]. Ф. Шох дополняет и расширяет австрийскую концепцию в контексте основополагающего учения, в рамках которого обстоятельно рассматриваются, наряду с базисными постулатами, организационно-правовые формы деятельности федеральных и региональных органов, а также различные аспекты общеевропейской и международной интеграции.

4. *Gefahrenabwehrrecht* в немецком Особом административном праве

В этом плюралистичном восприятии Ф. Шох отождествляет компетенцию Федеральной службы разведки (*Bundesnachrichtendienst, BND*) с полномочиями Службы внешней разведки (*Auslandsnachrichtendienst*). Он рассматривает три ведомства, обеспечивающих защиту внутренней безопасности (*Innere Sicherheit*), наряду с Министерством внутренних дел (*BMI*) и прокуратурой (*Staatsanwaltschaft*). Эти полномочия отнесены к ведению Федеральной службы защиты конституции (*Bundesamt für Verfassungsschutz, BfV*) с ее федеральными и региональными органами, в пределах федерации соответствующие полномочия отнесены также к ведению *BND* и Федеральной службы обеспечения правопорядка в вооруженных силах (*Militärischer Abschirmdienst, MAD*), входящей в структуру Министерства обороны (*Bundesverteidigungsministeriums*). Основная задача *MAD* заключена в аккумуляции и аналитической обработке информации, посягающей на правопорядок и безопасность государства, наряду с информацией, обобщающей сведения о противоправной деятельности внутри страны, в том числе осуществляемой негласно, подрывающей общегосударственные устои [5].

Особое внимание в своем восприятии концепции особенной части административного права Ф. Шох уделяет правообеспечительной функции: в этом смысле полицейское право и общественный правопорядок рассматриваются прежде всего в качестве сопряженных элементов права предотвращения опасности защиты субъектов частного и публичного права и государства в целом от противоправных посягательств (*Gefahrenabwehrrecht*). Придавая особую значимость сопряженности и взаимозависимости публичных и частноправовых основ, Ф. Шох отмечает сопряженность полицейского права и общественного правопорядка в решении юридическими средствами задачи обеспечения общегосударственной безопасности (*das Recht der staatlichen Gefahrenabwehr*).

В рамках немецкой концепции *Polizeirecht* отстаивается позиция о плюрализме полицейской деятельности. Ф. Шох в этой связи отмечает разобщенность такой деятельности, отсутствие единых подходов в ее обосновании, выделяя различную значимость понятия «полиция». В сущностном восприятии «полиция» представляет собой исключительную

деятельность государственных органов, осуществляемую прежде всего принудительными средствами (*Zwangsgewalt*) в целях предотвращения или устранения правоохраняемым интересам отдельных граждан, публичным корпорациям, в том числе государству в целом.

5. Концепция полицейского права

В институциональном восприятии понятие «полиция» включает в себя органы власти, учреждения, организации, посредством которых обеспечивается правоохранительная (полицейская) деятельность в целом.

В непосредственном (формальном) выражении понятие «полиция» представляет собой официальную властную деятельность органов, обеспечивающих ее полномочия, и в этом смысле связано с институциональным восприятием полиции.

Защита законных частноправовых и публичных интересов представляет собой важнейшую задачу любого правового и социального государства, в этом смысле в обход немецкого административного права вводится понятие «государства, предотвращающего опасность» (*Präventionsstaat*), предназначение которого заключено прежде всего в превентивной полицейской деятельности, обеспечивающей защиту от непосредственной опасности (*konkreter Gefahren*), или посредством осуществления правоохранительных функций, предотвращающих любые противоправные эксцессы и потенциальное причинение вреда (*Abwehr abstrakter Gefahren*). Рассматривая понятие *Präventionsstaat* в этом контексте, можно говорить о правозащитных функциях государства в целом, независимо от их частноправовых или публичных потребностей, и это предопределяет сопряженность и взаимообусловленность категорий *Präventionsstaat* и *Gefahrenabwehrrecht*. Более того, предотвращение вреда правоохраняемым интересам либо его минимизация рассматривается как атрибут права внутренней безопасности (*Recht der Inneren Sicherheit*) и естественными правоограничениями, обусловленными полицейской деятельностью и поддержанием общественного порядка. В качестве необходимой предпосылки полицейской деятельности Ф. Шох отмечает ее превентивную основу, любая властная деятельность полиции, в том числе обусловленная уголовным преследованием (*Strafverfolgung*), должна быть юридически формализованной и сугубо осмотрительной (*Strafverfolgungsvorsorge*).

Концепции «полицейского права» и «правопорядка» в Германии базируются на разграничении полномочий полиции как института, обеспечивающего общественную безопасность, и полномочий разведывательной службы, основанном на базисных политико-правовых принципах, исключающих злоупотребления тайной государственной полиции (*Geheimstaatspolizei*) как органа политического сыска в условиях национал-социалистического режима в Германии. Вследствие этого в апреле 1949 г. *BND* была лишена полицейских функций.

6. Организационная структура криминальной полиции, полиции охраны общественного порядка и иных правоохранительных органов в Германии

Организационное разграничение разведслужбы и полиции заключено в обособлении систем *BMI* и *BND*, исключающем параллелизм функций разведслужбы и полиции, прежде всего в сферах уголовного преследования и уголовно-исполнительной системы (*Vollzugspolizeibehörde*).

Функциональное разграничение полномочий заключено в законодательном закреплении компетенции разведслужбы и полиции, исключающем произвольное задействование полномочий публичного принуждения. Ф. Шох отмечает, что разведслужба не располагает властными принудительными полномочиями полиции, компетенция этих правоохранительных институтов обособлена и исключает даже их совместную деятельность. Этот же вывод подтверждается и позицией Федерального конституционного суда Германии (*BVerfG*), отстаивающей незыблемость принципа разграничения полномочий полиции и *BND* (*“Trennungsgebot”*).

Судебная практика *BVerfG* подтверждает также обособленность полномочий *BND* и полиции в обмене правоохранительной информацией, взаимодействие органов полиции и органов разведслужбы возможно лишь в отдельных сферах, прежде всего информационный обмен возможен в тех случаях, когда это обусловлено борьбой с терроризмом.

Использование *BND* и органами полиции служебной информации, прежде всего оперативных данных, в том числе в целях информационного обмена, как это подтверждает судебная практика *BVerfG*, во всяком случае ограничена исполнением служебных правомочий (*Aufgabenvergenz*), право-

применительная деятельность, сопряженная с ограничением прав подозреваемых физических лиц, прежде всего обусловленная физическим или психологическим принуждением, является исключительной прерогативой полиции. Правомочия *BND* в этих сферах полицейской деятельности ограничены, в том числе в тех случаях, когда в целях предотвращения возможной угрозы правоохраняемым интересам (*Gefahrenvorfeld*) используются меры наружного наблюдения или проводятся иные оперативные действия.

Взаимодействие *BND* и органов полиции возможно также при использовании персональных данных, во всяком случае в процессе внесения в них необходимых изменений (*Zweckänderung*) и в иных случаях аналитической обработки информации обмен возможен только *ad hoc* в соответствии с предписаниями законодательства о защите информации (*Datenschutzgesetz*) и иными законодательными нормами. Аналитическая обработка персональных данных, внесение в них корректив, обусловленных правоохранительными целями, базируется на общих принципах функционального и организационного разграничения полномочий между *BND* и органами полиции.

Применительно к правоохранительной и правозащитной деятельности особая роль отводится Федеральной службе защиты конституционного строя (*Bundesamt für Verfassungsschutz, BfV*) – федеральному органу исполнительной власти, находящемуся в ведомственном подчинении *BMI*². *BfV* аккумулирует и анализирует (*Auswertung*) информацию о противоправных антиконституционных действиях, прежде всего в отношении экстремистской и террористической деятельности. На *BfV* возложены правомочия высшей инстанции, координирующей деятельность органов защиты конституционного строя в землях германской федерации, в том числе применительно к обмену информацией между федеральным и региональными органами.

BfV наделена значимыми властными полномочиями в сфере сбора (аккумуляции) информации (*Informationsbeschaffung*), прежде всего правом истребования информации (*Auskunftsverlangen*) у организаций телевидения и телекоммуникационных служб посредством официальных запросов

² Основополагающим законодательным актом Германии является не Конституция (*Verfassung*), а Основной закон (*Grundgesetz*).

(*geschäftsmäßigen Erbringern*) о предоставлении соответствующих данных, либо получения надлежащих данных посредством их негласного приобретения (*heimliche Informationsbeschaffung*) – так называемых «контрольных закупок».

В оперативных целях сотрудники *BfV* вправе действовать, в том числе, в организациях телерадиовещания в качестве секретных сотрудников (*als verdeckte Mitarbeiter*) либо использовать частных лиц как доверенных для негласного получения надлежащей информации (*als Vertrauensleute*). Указанные лица вправе обрабатывать (*Verarbeitung*) персональные данные, т. е. их аккумулировать, корректировать и использовать (*Speicherung, Veränderung und Nutzung*). В отечественной правовой традиции указанные прерогативы объединяют все полномочия собственника – т. е. владения, пользования и распоряжения. Все указанные оперативные мероприятия детально регламентированы § 8a, 8c, 8d, § 10 Федерального закона о защите конституционного строя (*BVerfSchG*).

Значимые полномочия в сфере обеспечения внутренней безопасности отнесены к ведению *MAD*: сбор, аналитическая обработка и использование информации (*Auswertung*) о действиях, посягающих на основы демократического правопорядка, целостность (*Bestand des Staates*) и безопасность государства, в том числе информации о противоправной деятельности внутри страны, осуществляемой нелегально по заданию спецслужб враждебного государства (§ 1 раздела 1 Федерального закона о *MAD*). Принимая во внимание иные полномочия *MAD*, в особенности в сфере борьбы с экстремизмом и терроризмом, можно констатировать определенную общность компетенции *MAD* и *BfV*, учитывая, что *MAD* в основном занимается аналитической обработкой военно-политической информации, всё это предопределяет согласование деятельности рассматриваемых федеральных ведомств.

7. Частные службы безопасности как субъекты особого административного права

Одна из насущных задач немецкого полицейского права заключена в создании необходимых организационных предпосылок для обеспечения правопорядка и общественной безопасности, эти полномочия отнесены не только к ведению правоохранительных органов, прежде всего полиции, но и

частных служб безопасности (далее – ЧСБ), оказывающих услуги защиты частных имущественных интересов (*private Rechtsgüter*) своего доверителя (*Auftraggeber*) на договорной основе.

ЧСБ участвуют и в повседневной правоохранительной деятельности (*Jedermannrechte*), но с учетом юридически формализованных правоограничений. Незыблемый постулат немецкого полицейского права заключен в отнесении государственно-властных полномочий (*hoheitliche Befugnisse*) к исключительному ведению публичных правоохранительных органов, прежде всего полиции, ЧСБ такими полномочиями не обладают.

Сотрудники ЧСБ в случаях, когда в экстраординарных обстоятельствах право на неприкосновенность жилища было нарушено (*Hausfriedensbruchs*), обязаны уведомить об этом органы полиции (*Strafanzeige*).

Действующее законодательство наделяет сотрудников ЧСБ в ходе обыденной правоохранительной деятельности теми же правами в отношении нарушителей³, которые вправе использовать любое лицо в случаях самообороны (*Notwehr*), при возникновении чрезвычайных обстоятельств (*Notstands*) либо обстоятельств крайней необходимости (*Selbsthilfe*), когда самозащита является вынужденным средством пресечения противоправных действий. Сотрудник ЧСБ, действуя от лица доверителя, в этих случаях осуществляет правоохранительные действия, обусловленные чрезвычайными обстоятельствами.

В этих условиях ЧСБ вправе, а в некоторых случаях и обязаны действовать по согласованию или при непосредственном участии органов полиции, руководствуясь доктриной «правоохранительного партнерства» (*Sicherheitspartnerschaft*). Кооперация правоохранительных возможностей ЧСБ и полиции допускается при совместных патрулированиях (*Streifengänge*), при проведении массовых общественных мероприятий – спортивных соревнований и концертов, а также применительно к случаям обмена правоохранительной информацией. Характерно, что Ф. Шох особо акцентирует внимание на том, что «правоохранительное партнерство» нельзя рассматривать в качестве правовой категории, кооперация совместных усилий ЧСБ и полиции представляет собой легальную форму действительного (*tatsächlich*) сотрудничества в интересах защиты общественной

³ Прежде всего имеется в виду Закон о промысловой деятельности (*Gewerbeordnung, GewO*).

безопасности и общественного порядка. Каждая из сторон совместной правоохранной акции реализует вверенные ей функции, при этом собственно государственно-властные полномочия представляют собой исключительную прерогативу полицейской деятельности, сотрудник ЧСБ вправе обратиться к полицейскому в случае необходимости пресечения противоправной акции, но прибегать самостоятельно к принудительным действиям не вправе.

Доктрина *Polizeirecht* исходит в случаях такого партнерства из осуществления функций административного помощника (*Verwaltungshelfer*), сотрудники ЧСБ действуют, руководствуясь исключительно высшей юридической силой полицейского предписания (*Weisungen der Polizei*) [14].

В качестве значимой особенности правоохранной деятельности ЧСБ следует отметить возложенную на них государством обязанность обеспечения собственной безопасности (*Eigensicherungspflichten Privater*). По мнению Ф. Шоха, она представляет собой незыблемый атрибут общего полицейского права и правопорядка. Эта обязанность рассматривается в политико-правовом и экономическом контекстах в качестве особых правовых атрибутов, присущих отдельным институтам *Besonderes*

Verwaltungsrecht, применительно к которым соблюдение технологических и экономико-правовых критериев безопасности наиболее существенно, а именно: в отношении атомного энергетического права (*Kernenergierecht*), природоохранного права, права защиты окружающей природной среды (*Immissionsschutzrecht*) и воздушно-транспортного права (*Luftverkehrsrecht*).

8. Заключение

Очевидно, что в немецком особом административном праве центральное место занимает полицейское право и право общественного порядка (*Polizei und Ordnungsrecht*), исследуемое в контексте общей правозащитной деятельности (*Gefahrenabwehrrecht*). Сравнение с Австрией выявляет близость базовой «полицейской» логики, но при этом австрийская модель подчеркивает защиту персональных данных (*Datenschutzrecht*) и европейско-международное сотрудничество органов безопасности, тогда как немецкая доктрина подробнее различает компетенцию органов полиции и разведки (*Trennungsgebot*) и описывает их взаимодействие посредством ограничительного обмена информацией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ (REFERENCES)

1. Detterbeck S. Verwaltungsvollstreckung, in: Detterbeck S. *Allgemeines Verwaltungsrecht*, 20. Aufl., München, C.H.BECK Recht - Wirtschaft - Steuern Verlag, 2022, S. 405–419. DOI: 10.17104/9783406791963-405.
2. Hofmann H., Hildebrandt U., Gunia S., Zeissler C. *Allgemeines Verwaltungsrecht*, 12. Aufl. Kohlhammer Verlag, 2022. 467 S. DOI: 10.17433/978-3-555-02259-8.
3. Bull H.P., Mehde V. *Allgemeines Verwaltungsrecht mit Verwaltungslehre*, 10. Aufl. Heidelberg, C.F. Müller Verlag, 2022. 497 S.
4. Ehlers D., Pünder H. (Hrsg.). *Allgemeines Verwaltungsrecht: Mit Online-Zugang zur Jura-Kartei-Datenbank*, 15. Aufl. Berlin, Boston, De Gruyter Verlag, 2016. XXXIII + 986 S. DOI: 10.1515/978311037058.
5. Schoch F. (Hrsg.). *Besonderes Verwaltungsrecht*. München, C.H.BECK Verlag, 2018. 955 S.
6. Ehlers D., Fehling M., Pünder H. (Hrsg.). *Besonderes Verwaltungsrecht*, 4. Aufl. Heidelberg, C.F. Müller Verlag, 2019–2021. Bd. I: Öffentliches Wirtschaftsrecht. 2019. 1619 S., Bd. II: Planungs-, Bau- und Straßenrecht, Umweltrecht, Gesundheitsrecht, Medien- und Informationsrecht. 2020. 1484 S.; Bd. III: Kommunalrecht, Haushalts- und Abgabenrecht, Ordnungsrecht, Sozialrecht, Bildungsrecht, Recht des öffentlichen Dienstes. 2021. 1720 S.
7. Rüfner W. *Besonderes Verwaltungsrecht: Polizei- und Ordnungsrecht /Kommunalrecht*, 2. Aufl. Hermann Luchterhand Verlag, 2002. 312 S.
8. Schweickhardt R., Vondung U., Zimmermann-Kreher A., Walker C., Steinhorst L., Martens K., Joerger G., Frey M., Sander G.G., Noak T., Fleckenstein J., Brenndörfer B., Pollern H.V., Hartleb T., Hesselbarth T. *Allgemeines Verwaltungsrecht*, 11. Aufl. Kohlhammer Verlag, 2021. 473 S. DOI: 10.17433/978-3-17-040595-0.
9. Seidel A., Stendel R., Lang R., Seidel A., Reimer E., Möstl M. *Besonderes Verwaltungsrecht. Baurecht, Polizei- und Sicherheitsrecht mit Bezügen zum Verwaltungsprozessrecht und zum Staatshaftungsrecht*, 4. Aufl. München, C.H.BECK Recht - Wirtschaft - Steuern Verlag, 2023. 480 S. DOI: 10.17104/9783406796746.

10. Rohde T., Lustig G., Wöhler A. *Allgemeines Verwaltungsrecht mit Verwaltungsvollstreckung und verwaltungsgerichtlichem Rechtsschutz*, 18 Aufl. Wiesbaden, KSV Medien Verlag, 2024. 444 S. DOI: 10.5771/9783748952619.
11. Battis U. *Allgemeines Verwaltungsrecht*, 2. Aufl. Heidelberg, C.F. Müller Verlag, 1997. 456 S.
12. Fehling M., Kastner B., Störmer R. (Hrsg.). *Verwaltungsrecht, VwVfG, VwGO, Nebengesetze*, Handkommentar, 5. Aufl. Baden-Baden, Nomos Verlag, 2021. 3462 S.
13. Kahl A., Schmid S. *Allgemeines Verwaltungsrecht*, 8. Aufl. Wien, Facultas Verlag, 2023. 302 S.
14. Schoch F., Eifert M. *Besonderes Verwaltungsrecht*, 2. Aufl. München, C.H.BECK Recht - Wirtschaft - Steuern Verlag, 2023. XXVIII + 1043 S. DOI: 10.17104/9783406805745.
15. Rüfner W., Muckel S. *Besonderes Verwaltungsrecht, Polizei- und Ordnungsrecht: Kommunalrecht, Examinatorium und Fallsammlung*. Neuwied; Kriftel, Hermann Luchterhand Verlag, 2000, 270 S.
16. Bachman S., Baumgartner G., Feik R., Fuchs C., Giese K., Jahnel D., Lienbacher G. (Hrsg.). *Besonderes Verwaltungsrecht*, 12. Aufl. Verlag Österreich, 2018. 680 S.
17. Erguth W., Mann T., Schubert M. *Besonderes Verwaltungsrecht*, 12. Aufl. Heidelberg, C.F. Müller Verlag, 2015. 670 S.
18. Knemeyer F.-L. *Polizei- und Ordnungsrecht*, 7. Aufl. München, Beck Verlag, 1998. 302 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Агапов Андрей Борисович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9
E-mail: agapv59@mail.ru
ORCID: 0009-0001-6201-7049
ResearcherID: OXA-9698-2025
SPIN-код РИНЦ: 1094-9603; AuthorID: 254685

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Andrey B. Agapov – Doctor of Law, Professor; Professor, Department of Administrative Law and Procedure named after L.L. Popov Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 9, Sadovaya-Kudrinskaya ul., Moscow, 123995, Russia
E-mail: agapv59@mail.ru
ORCID: 0009-0001-6201-7049
ResearcherID: OXA-9698-2025
RSCI SPIN-code: 1094-9603; AuthorID: 254685

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Агапов А.Б. Система административного права Германии / А.Б. Агапов // Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 36–44. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).36-44.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Agapov A.B. The system of administrative law of Germany. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 36–44. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).36-44. (In Russ.).

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОГРАММЫ КАК СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Х.В. Пешкова (Белогорцева)

Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Воронеж, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
30 апреля 2025 г.
Дата принятия в печать –
12 января 2026 г.
Дата онлайн-размещения –
20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Государственная программа,
функции государства, развитие
государства, бюджетная
деятельность государства,
бюджетное устройство
государства, программно-
целевой метод, бюджетный
метод ведения
государственного хозяйства,
расходы бюджета, бюджетное
финансирование,
государственное управление в
области финансов

Исследуются понятие и сущность государственных программ с позиции их значимости для развития государства с учетом реалий российского государства и общества. Актуальность темы исследования определяется необходимостью поддержки различных отраслей и сфер общества и государства ресурсами бюджетной системы, наличием широкого перечня социально значимых вопросов, которые наиболее оптимально решить посредством инструментария государственных программ, программно-целевого планирования. В рамках решения этих задач осуществляется анализ свойств правового режима государственных программ с позиции их взаимосвязи с ключевыми характеристиками государства и обоснования понимания государственных программ в качестве правового средства обеспечения устойчивого развития государства.

GOVERNMENT PROGRAMS AS A MEANS OF ENSURING THE SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN STATE

Khristina V. Peshkova (Belogortseva)

Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service, Voronezh, Russia

Article info

Received –
2025 April 30
Accepted –
2026 January 12
Available online –
2026 March 20

Keywords

State program, functions of the
state, development of the state,
budgetary activities of the state,
budgetary structure of the state,
program-target method,
budgetary method of state
management, budget
expenditures, budget financing,
public administration in the field
of finance

The article examines the concept and essence of government programs from the perspective of their importance for the development of the state, taking into account the realities of the Russian state and society. This topic is relevant due to the need to support various sectors and spheres of society and the state with the resources of the budgetary system, the availability of a wide range of socially significant issues that can best be addressed through the tools of government programs and targeted budget planning. The authors set out the tasks of analyzing the properties of the legal regime of state programs from the perspective of their relationship with the key characteristics of the state and substantiating the understanding of state programs as a legal means of ensuring the sustainable development of the state.

Purpose. The author of the article aims to highlight the properties of state programs that allow them to be classified as special (institutional) legal means of ensuring the sustainable development of the Russian state.

The methodological basis of the article consists of general scientific (dialectics, analysis and synthesis, abstraction and concretization) and private scientific research methods (formal legal, comparative legal, concrete sociological, technical-legal, systemic-structural, historical-legal, logical, etc.).

Content. The role of state programs for the realization of the functions of the state, public administration, and the budgetary method of running a state economy is shown. State programs and the activities they imply (managerial, financial, and others) are considered to

be a necessary legal means of ensuring the organization of the state in modern conditions, which belongs to the category of political and legal territorial entities that implement public interests in the context of multidisciplinary legal regulation.

Conclusions. The role of state programs as an essential means of ensuring the sustainable development of the Russian state is explained by the fact that program-targeted planning takes into account the state's policy towards key areas of the state and society, the systematic impact of planning on social relations, taking into account the needs of the population and the realities of the state, and the expanded potential for using public finances. State programs allow for the updated needs of interaction between state and public institutions, as well as between the state and civil society, to be taken into account in regulatory and financial planning activities.

1. Постановка проблемы, ее актуальность и категориальный анализ

Тематика путей и средств развития государства служит предметом внимания ученых – представителей теории государства и права, отраслевых юридических наук, политологов, философов и историков, экономистов, а также специалистов-практиков. Авторы обращаются к данной тематике с позиции рассмотрения проблем устойчивости и эффективности государства [1, с. 3–28], недопустимости слабости государства во внутригосударственных делах и на международной арене, формулирования критериев понимания неудавшегося государства и, наоборот, отнесения государства к разряду сильных с правовой и политической точек зрения [2], положенного в основу развития государства целеполагания, базирующегося на ясности целей и задач его существования [3, с. 21]. Причины пристального внимания к данной тематике объективны: усложнение международных отношений, усиливающее потребности в средствах внешней и внутренней защищенности государства и населения, в обновлении подходов государственной деятельности и государственного хозяйства, политико-правовые и финансово-экономические реалии, диктующие модификацию общественных отношений.

В Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию (утв. Указом Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440; далее – Концепция)¹ обозначен ряд идеологических положений: «программные документы» как ориентир для устойчивого развития российского государства в целом и конкретных сфер; взаимобратная связь идеологических положений Концепции, модификации законодательства, хозяйственных и иных решений, программ,

прогнозов социально-экономического развития. Устойчивость развития государства связывается с социально-экономическим развитием общества, наращиванием темпа экономического роста, благоприятной экологической обстановкой, учетом интересов населения. Концепция настаивает на расширении использования богатого российского научного, технического, культурного и природного потенциалов. Она не отрицает статусность международных документов для развития российского государства, отвечающих его интересам и функциям, приоритетным в конкретный период, что значимо в условиях сложившейся обстановки. С позиции заявленной нами темы констатируем, что в Концепции сформулированы положения, выражающие официальную позицию относительно значения государственных программ и подразумеваемых ими финансово-плановых и организационно-правовых мер для развития России. «Государственное управление процессом перехода к устойчивому развитию предполагает разработку системы программных и прогнозных документов», выражающих модификацию ключевых сфер общественных отношений на среднесрочную и долгосрочную перспективы.

«Развитие» означает закономерное изменение объектов, их качеств и состояний². Противопоставляемая развитию «стагнация» – отсутствие роста (либо замедленный рост), отсутствие назревшей модификации – явление негативное, так как не предполагает учет складывающихся в обществе и государстве, на международной арене тенденций. Термин «стагнация» применяется к оценке состояния экономики страны [4], но надо полагать, что государства со стагнационной экономикой и финансовой системой

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 15. Ст. 1572.

² См.: Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка. Совр. ред. М., 2009. С. 649; Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Коралева, В.А. Лутченко. М., 2006. С. 382.

также характеризуются отсутствием необходимого уровня развития, сказывающимся на внутригосударственных и международных отношениях.

Таким образом, развитие является необходимым для государства как политико-правового субъекта свойством, обеспечивающим организующее поступательное воздействие государства на общество. Под *развитием государства* понимается не модификация функций государства, а *совершенствование направлений его деятельности и форм жизнедеятельности общества, их оптимизация в свете усиления социально-экономических начал в условиях реалий российского государства, усиление правовых и организационных средств обеспечения национальной и экономической безопасности и стабильности*. Коренную перестройку функций государства вряд ли возможно допустить как на теоретико-правовом уровне, так и на прикладном, ориентирующемся на отраслевое регулирование финансовых, административных и иных отношений, оказавшихся в поле зрения государства. Как таковые функции государства – понятие более-менее стабильное, устоявшееся с позиций их видов [5, с. 3–19; 6, с. 5–60; 7, с. 4–25]. В юридической науке сформулированы своего рода универсальные функции государства – направления его деятельности, реализуемые вне зависимости от политики и типологии государства. Выделяются, в различных вариантах терминологического обозначения, социально-экономическая, социокультурная, фискальная, правоохранительная, экологическая функции государства, функции обороны, сотрудничества с иными государствами.

Изменение типологии государства, а также разнообразные внешние и внутренние факторы и явления, оказывающие влияние на обстановку в государстве, приводят к изменению приоритетов в реализации функций государства, поставленных перед ним целей и задач как перспективных, особенно желаемых для достижения. Такие изменения находят отражение в официальных проектах, концепциях, стратегиях, выражающих пути развития государства. Их принятию сопутствует юридизации, официальное оформление интересов и волеизъявления государства, что является обязательным свойством государственной власти.

Качество «развития» неизбежно должно присутствовать в политико-правовом положении и интересах государства, получает выражение в его функциях, институтах отраслевого правового регулирования. В свою очередь, «устойчивость» как термин предполагает «равновесное положение в условиях воздействия внешней силы», «нагрузки», «прочную стабильность». Устойчивым признаётся процесс, положение дел в какой-либо области, которые в течение длительного времени остаются постоянными, не изменяются ни в худшую, ни в лучшую стороны³. Приведенная терминология в *комбинированном виде* – «устойчивое развитие государства» – предполагает такое функционирование государства, которое основано на непрерывной модификации подходов упорядочения общественных отношений в ответ на реалии общества и государства, изменения внутренней и международной обстановки. В современных условиях государства оказываются под воздействием внутренних и внешних факторов, приводящих к коренному перелому приоритетов реализуемых функций и задач, политики, решаемых проблем и даже государственных границ. По объективным причинам в современных реалиях устойчивое развитие государства необходимо как попытка обеспечить его стабильное существование, защитить внутригосударственные и внешние интересы.

2. Характеристики государства и правовые средства, обеспечивающие устойчивое развитие государства: теоретико-правовой подход и его влияние на концепцию государственных программ в области финансового права

Обращение к фундаментальным работам в области теории государства и права позволяет сформулировать следующие характеристики государства, сопоставимые с правовыми средствами, играющими обозначенную роль. Во-первых, организованность государства как политико-правового, территориального субъекта, реализующего публичные интересы в разрезе разноотраслевого юридического регулирования (финансовые интересы, оборонные, территориальные и др.). Во-вторых, наличие нормативной базы упорядочения общественных отношений, развивающейся и модифицируемой в ответ на реалии. В-третьих, наличие управленческих возможностей в отношении направлений государственной деятельности, общественной жизни, в динамике сопостави-

³ Толковый словарь Дмитриева. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/dmitriev/5644/устойчивый> (дата обращения: 25.12.2025).

мых с ключевыми отраслями и сферами общественных отношений. В-четвертых, финансово-правовой инструментарий, обслуживающий потребности государства и общества [8, с. 71–79; 9, с. 431–462; 10, с. 43–169]. Каждая из характеристик государства опирается на правовые средства воплощения статуса государства в действительность. Правовые средства понимаются как «правовые инструменты», оперирование которыми позволяет устанавливать и осуществлять права и обязанности государства и иных уполномоченных субъектов, реализовать содержание правоотношений [11, с. 5]. Роль правовых средств выполняют различные элементы «юридической надстройки»: нормы права; правовой режим; права и обязанности; юридическая ответственность; правоотношения и др. [12, с. 153, 256; 13, с. 105]. Выделяются специальные правовые средства, соответствующие институциональным образованиям отраслей права, обслуживающим определенные интересы государства и общества (финансовые, административные и иные) [14, с. 13; 15, с. 32].

Отнесение правовых средств к разряду узкоотраслевых не снижает их значимости для реализации общественных отношений. Специальные правовые средства не оказываются вне поля правового статуса государства и его интересов. Устойчивое развитие государства должно обеспечиваться применением как общих, так и специальных правовых средств. Бюджет, бюджетное устройство государства, его доходы и расходы, государственные программы следуют относить к специальным правовым средствам формирования и реализации финансовых и связанных с ними отраслевых правоотношений, позволяющих государству планомерно, результативно использовать финансы. В исследовании финансово-правового инструментария, обслуживающего потребности государства и общества, государственные программы занимают особое место, сопоставляясь с финансовой деятельностью государства, бюджетным методом ведения государственного хозяйства, ценностями государства [16, с. 5–150; 17, с. 278–289; 18; 19].

Организованность государства как политико-правового, территориального субъекта, реализующего публичные интересы, основывается на применении разного рода правовых средств, сопоставимых с правовым статусом государства, к числу которых относятся государственные программы,

охватываемые понятийно-категориальным аппаратом финансового права. Государственные программы – «программы государства», разрабатываемые и реализуемые уполномоченными органами и учреждениями, иными организациями, служат важнейшим средством обеспечения развития государства. Государство использованием правового средства государственных программ воздействует на организованность публичных и частных субъектов, как на общегосударственном уровне, так и территориальном, таким образом, чтобы положенные в основу государственных программ политико-правовые решения оказывали созидательное, стимулирующее воздействие на соответствующие отрасли и сферы. При этом должны соблюдаться как публичные, так и частные интересы. Последние выражают интересы населения, человека и гражданина непосредственно, связывая государственные программы с потребностями соблюдения, защиты прав и свобод человека и гражданина. Публичные интересы имеют разноплановый характер: обеспечение национальной безопасности и обороны государства, экономической безопасности, социально-экономическая стабильность, финансовые интересы, оборонные, территориальные и др. Как следствие, общественные отношения, на которые воздействуют государственные программы, разнородны по видам и функциональному предназначению.

В обоснование сформулированных доводов заметим, что «программа» представляет собой «содержание и подробный план предстоящей деятельности, работ», «план действий», «изложение содержания и целей деятельности», «план, порядок проведения чего-либо»⁴. Понятие «программа» в сочетании с категорией «государство» означает причастность соответствующих планов к организационно-правовому и финансово-правовому обеспечению интересов и задач, функций государства в отношении различных отраслей и сфер общественных отношений. Понятие программы сопоставимо с планированием – «процессом разработки детального плана действия для достижения определенных целей или выполнения задач», «оптимальным распределением ресурсов для достижения поставленных целей»⁵. Из анализа понятий «программа», «планирование» с позиций объяснения их толковыми словарями следует целесообразность применения подразумеваемых документов, действий, мероприятий к

⁴ Ушаков Д.Н. Указ. соч. С. 610–611.

⁵ Там же. С. 522.

разнообразным формам активности участников общественных отношений и прежде всего государства – его организованности как политико-правового, территориального субъекта, и всех иных попавших в сферу его интересов субъектов. Отсюда государственные программы подразумевают действенный потенциал для развития государства, и развития устойчивого. «Устойчивое» – значит, стабильное, длительное время остающееся постоянным.

Государственные программы и подразумеваемая ими деятельность (управленческая, финансовая и иная) являются необходимым правовым средством обеспечения организованности государства как политико-правового, территориального субъекта, реализующего публичные интересы в разрезе разноотраслевого юридического регулирования. Государственные программы связаны с сущностью понятий и категорий теории права: правовым статусом государства, государственным суверенитетом, функциями и задачами государства, органами власти, государственным управлением и др. Отвечающие правовому статусу, интересам государства мероприятия в различных отраслях и сферах государственной деятельности, общественной жизни целесообразно основывать именно на государственных программах, обеспечивающих прозрачность и результативность воздействия на общественные отношения и поведение их участников.

Важно следовать простой истине: любые мероприятия возможно осуществить при наличии финансовой, материально-правовой базы. Если речь идет о мероприятиях со стороны государства – при наличии финансово-бюджетного обеспечения (бюджетные ресурсы). Поэтому *правовое средство государственных программ в контексте развития государства не является сугубо теоретико-правовым, оно имеет специальные – финансово-правовые характеристики, что позволяет сделать вывод о финансово-правовых основах концепции государственных программ.* Государственные программы относятся к понятийно-категориальному аппарату финансового права [16, с. 5–150; 19; 20]. Государственные программы с учетом потребностей общества и государства позволяют планировать легитимное отвлечение бюджетных ресурсов на мероприятия, внося элементы диверсификации в механизмы использования бюджетного фонда поддержкой различных сфер общественных отношений. Это отвечает такой характеристике государства, как *наличие финансово-правового инструментария, обслуживающего потребности государства и общества.*

Государственные программы рассматриваются как элемент бюджетного устройства государства, бюджетного метода ведения государственного хозяйства [17, с. 278–289]. Во взаимосвязи с бюджетом они служат формой реализации программно-целевого бюджетного планирования в финансовой деятельности государства. Программно-целевое планирование – метод воздействия уполномоченных органов государственной власти на различные сферы общества, участки государственной деятельности, предполагающее использование государственных ресурсов с целью оказания им поддержки, стимулирования их деятельности. Если конкретная сфера нуждается в динамичном развитии, инструментарий государственных программ более чем целесообразен.

Однако государственные программы не должны восприниматься как категория исключительного финансово-правовая. Приведенные доводы подтверждают целесообразность нахождения данной категории в арсенале понятийно-категориального аппарата и теории государства и права. «Государственные программы» как категория должны занять достойное место в числе категорий, выражающих характеристики государства – свойства государственной власти, допускаемые формы его активности (политической, хозяйственной, финансово-правовой и иных), объекты государственного управления.

Итак, организованность и развитие государства как политико-правового, территориального субъекта невозможны вне правовых средств финансово-правового характера. Государственные программы, будучи финансово-плановыми актами, подразумевают планомерное отвлечение бюджетных ресурсов на развитие ключевых направлений государственной деятельности, общественной жизни. При этом метод финансового планирования в инструментарии государственных программ более широк, нежели программно-целевой метод бюджетного планирования: государственные программы предполагают финансовое планирование не только в отношении использования бюджетного фонда, т. е. публичных финансов, но и в отношении частных финансов – в тех случаях, когда программой предполагается привлечение финансовых, материальных ресурсов хозяйствующих субъектов, основанных на частной форме собственности. Возможности использования частных финансов для финансового обеспечения реализации государственных программ всё более расширяются.

3. Государственные программы как результат формирования идеологии приоритетов развития конкретных сфер общества и государств

Подвижность правовой материи с позиции правового режима и спектра действия государственных программ указывает на их причастность к динамичному развитию государства и ключевых его сфер. Развитие ключевых направлений государственной деятельности, общественной жизни применением правового средства государственных программ осуществляется как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации (муниципальных образований). Вовлеченность территориальных институтов власти в применение инструментария государственных программ само по себе означает его расширение на уровне государства в целом и усиление динамики развития государства. Модификация законодательств в области государственных программ, расширение их функционала идет вслед за модификацией государственного устройства. Пример тому – включение в состав Российской Федерации новых субъектов с последующей разработкой государственных программ, нацеленных на оказание им финансовой и организационно-правовой поддержки из средств федерального бюджета («Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя»⁶ и др.). Такой подход: индивидуальной поддержки территорий – позволяет государству развиваться и стремиться к развитию именно устойчивому, снижая до минимума влияние внешних обстоятельств (проведение специальной военной операции на территории Украины, санкции в отношении России, усложняющие экономические и международные правовые отношения). Верно сказано: «Деятельность целого складывается из действий составляющих его частей» [21, с. 81].

Таким образом, государственные программы выступают результатом формирования идеологии приоритетов развития конкретных сфер общества и государства, правовой политики, соблюдаемой на территориальных уровнях. Существуют сферы, устойчивое развитие и функционирование которых

затруднительно вне мер государственной поддержки (организационно-правовой, финансово-правовой) в силу нежелания частных субъектов отвлекать на них собственные ресурсы в достаточном объеме для проведения социально значимых мероприятий для населения в масштабе государства («Социальная поддержка граждан»⁷, «Развитие здравоохранения»⁸). Это означает, что для определенных сфер общественной жизни, направлений государственной деятельности устойчивое развитие обеспечивается именно динамикой управленческих возможностей государства. Справедливо замечает профессор С.О. Шохин: государственные программы (на примере целевых программ) – одно из важнейших направлений перехода к инновационному социально ориентированному типу экономического развития страны [22]. Названное свойство государственных программ усиливает их управленческое значение для общества.

Государственные программы позволяют управлять конкретными сферами общественных отношений. Государственное управление, будучи неотъемлемым свойством государства, как правовая категория имеет межотраслевое значение (в том числе административно-правовое, финансово-правовое) [23; 24; 25, с. 9]. В силу этого в природе государственных программ также можно усматривать межотраслевой характер: их причастность к свойствам государственной власти, «открытым» теорией государства и права, и природе институциональных правовых образований, находящихся в пределах конкретных отраслей права. Управленческими свойствами государственных программ можно наделять в силу подразумеваемого ими мероприятий, запланированных и реализуемых с использованием инструментария государственной власти для целенаправленного воздействия на общественные отношения.

Управление и сопутствующее этому планирование признаётся обязательным свойством государственной власти, а статус государства рассматривается с позиции понимания планирования как способа централизованного разрешения значимых для

⁶ Постановление Правительства РФ от 30 января 2019 г. № 63 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 6. Ст. 526.

⁷ Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 296 (ред. от 30 ноября 2024 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Соци-

альная поддержка граждан”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 17. Ст. 2059.

⁸ Постановление Правительства РФ от 26 декабря 2017 г. № 1640 (ред. от 27 декабря 2024 г.) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие здравоохранения”» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1 (ч. 2). Ст. 373.

государства и общества вопросов [26, с. 16; 27, с. 4–50]. В основу управления с помощью государственных программ положена методология координации действий уполномоченных субъектов. В Концепции подчеркивается, что «переход к устойчивому развитию потребует скоординированных действий во всех сферах жизни общества, адекватной переориентации социальных, экономических и экологических институтов государства, регулирующая роль которого в таких преобразованиях является основополагающей». Координация касается широкого спектра действий организационно-правового, финансово-правового, социально-экономического характера.

4. Заключение

Реализация государственных программ является важнейшим средством обеспечения устойчивого развития российского государства. Это объясняется учетом в ходе программно-целевого планирования назревшей политики государства в отношении ключевых сфер государства и общества, систематическим поступательным воздействием инструментария планирования на общественные отношения с учетом потребностей населения и реалий государства, расширенным потенциалом использования публичных финансов на программные мероприятия. Государственные программы позволяют учесть в нормотворческой и финансово-плановой деятельности государства обновленные потребности взаимодействия государственно-властных и общественных институтов, взаимодействия государства и гражданского общества.

Роль и значение государственных программ для общества и государства – стимулирующий фактор для устранения проблем в связи с реализацией программно-целевого планирования. Однако до сих пор нерешенными остаются проблемы оптимизации подходов к составлению текстов государственных программ: планирование ими текущих мероприятий, связанных с ежедневной деятельностью учреждений и задействованных субъектов, в силу чего не нуждающихся в усиленном внимании посредством централизованного программного планирования. Это снижает ценность государственных программ

как ориентира именно для устойчивого развития, делает их связанными с обыденностью в работе аппарата государственной власти. Также недоработкой является пересечение функционального предназначения государственных программ смежных сфер действия или поставивших сходные по смыслу вопросы. Наряду с выявленными проблемами, инструментарий государственных программ поставлен перед широким полем еще не решенных проблем развития ключевых сфер общественных отношений, разрешить которые – дальнейшая перспектива для усиления устойчивости развития государства.

Государственные программы в современной России несут на себе отпечаток новомодной тенденции взаимосвязанного использования и перераспределения публичных и частных финансов, государственно-частного партнерства для достижения социально значимых целей. В соблюдение такой тенденции государственные программы предполагают разработку «системы стимулирования хозяйственной деятельности», намеченной в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. В данном случае представляется уместным высказывание профессора Н.И. Химичевой: «Распределительная функция финансов призвана способствовать организации сбалансированного и эффективного производства, развитию всех отраслей экономики соответственно потребностям общества в целях наиболее полного удовлетворения нужд людей» [28, с. 21]. Государственные программы создают действенные условия для выполнения финансами распределительной функции в отношении поддерживаемых ими в развитии сфер.

В подведение итогов приведем сформулированное в рамках Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию положение: «идеи устойчивого развития оказываются чрезвычайно созвучными традициям, духу и менталитету России. Они могут сыграть важную роль в консолидации российского общества, в определении государственных приоритетов и перспектив социально-экономических преобразований».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабаян В. В. Проблемы устойчивости и эффективности современных государств в сравнительной перспективе : эксперт. докл. / В. В. Бабаян, И. Е. Горельский, Е. В. Кручинская, Д. К. Стукал, А. С. Ахременко, М. Г. Миронюк, А. Ю. Мельвиль. – М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2023. – 54 с.
2. Кафтан В. В. К вопросу о терминологии устойчивости современных государств / В. В. Кафтан, И. Н. Молдцов // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 6. – С. 177–179. – DOI: 10.34823/SGZ.2022.6.51919.

3. Митяков С. Н. Новые цели устойчивого развития России / С. Н. Митяков // Развитие и безопасность. – 2023. – № 1. – С. 21–35. – DOI: 10.46960/2713-2633_2023_1_21.
4. Трещевский Ю. И. Анализ «ресурсного изобилия» как фактора стагнации или развития / Ю. И. Трещевский, Э. Нгуангбака // Экономический анализ: теория и практика. – 2008. – № 22. – С. 2–5.
5. Бабаев С. В. Теория функций современного российского государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Бабаев. – Н. Новгород, 2001. – 25 с.
6. Байтин М. И. Сущность и основные функции социалистического государства / М. И. Байтин. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1979. – 302 с.
7. Глебов А. П. Понятие и структура функций социалистического государства / А. П. Глебов. – Воронеж, 1974. – 37 с.
8. Алексеев С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1994. – 311 с.
9. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с.
10. Тихомиров Ю. А. Государство / Ю. А. Тихомиров. – М. : ИНФРА-М, 2013. – 319 с.
11. Сапун В. А. Механизм реализации советского права / В. А. Сапун // Правоведение. – 1988. – № 1. – С. 3–11.
12. Алексеев С. С. Проблемы теории права : курс лекций : в 2 т. / С. С. Алексеев. – Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1973. – Т. 1. – 396 с.
13. Малько А. В. Цель и средства в праве: общетеоретический аспект / А. В. Малько, К. В. Шундилов // Правовая наука и реформа юридического образования : сб. науч. тр. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – Вып. 11. – С. 102–119.
14. Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.
15. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты / Д. М. Чечот. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 72 с.
16. Матненко А. С. Правовое регулирование программно-целевого метода бюджетной деятельности : дис. ... д-ра юрид. наук / А. С. Матненко. – Омск, 2009. – 362 с.
17. Пешкова Х. В. Теоретико-правовые основы бюджетного устройства государства : моногр. / Х. В. Пешкова. – М. : ИНФРА-М, 2019. – 315 с.
18. Суханова А. А. Конституционные ценности в содержании государственных программ Российской Федерации / А. А. Суханова // Сибирское юридическое обозрение. – 2022. – Т. 19, № 1. – С. 39–53. – DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-39-53.
19. Тютюнник И. Г. Правовые аспекты бюджетного финансирования государственных программ Российской Федерации / И. Г. Тютюнник // Юридический мир. – 2012. – № 11. – С. 28–31.
20. Чернобровкина Е. Б. Применение бюджетирования, ориентированного на результат, как метода программно-целевого управления в разрезе государственных программ / Е. Б. Чернобровкина // Налоги. – 2013. – № 13. – С. 22–24.
21. Маршалл А. Принципы экономической науки : в 3 т. / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1993. – Т. 1. – 416 с.
22. Шохин С. О. Правовые проблемы финансирования федеральных целевых программ / С. О. Шохин // Юридический мир. – 2014. – № 1. – С. 51–55.
23. Горбунова О. Н. Роль финансового права в выполнении планов экономического и социального развития / О. Н. Горбунова // Советское государство и право. – 1982. – № 6. – С. 12–20.
24. Россинский Б. В. Научные взгляды Льва Леонидовича Попова как вектор развития государственного управления в России / Б. В. Россинский // Административное право и процесс. – 2020. – № 7. – С. 37–42.
25. Тихомиров Ю. А. Управление делами общества: Субъекты и объекты управления / Ю. А. Тихомиров. – М. : Мысль, 1984. – 224 с.
26. Замрыга Д. В. Принцип планирования в управлении имуществом в деятельности государственных корпораций / Д. В. Замрыга // Право и экономика. – 2015. – № 7. – С. 16–19.
27. Кутафин О. Е. Плановая деятельность советского государства / О. Е. Кутафин. – М. : Юридическая литература, 1980. – 239 с.

28. Химичева Н. И. Понятие и роль финансов / Н. И. Химичева // Финансовое право : учеб. / отв. ред. Н. И. Химичева. – М. : Юрист, 2004. – С. 19–27.

REFERENCES

1. Babayan V.V., Gorel'skii I.E., Kruchinskaya E.V., Stukal D.K., Akhremenko A.S., Mironyuk M.G., Mel'vil' A.Yu. *Problems of sustainability and effectiveness of modern states in a comparative perspective*, Expert report. Moscow, HSE University Publ., 2023. 54 p. (In Russ.).
2. Kaftan V.V., Molodtsov I.N. On the question of the terminology is stability of the modern states. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*, 2022, no. 6, pp. 177–179. DOI: 10.34823/SGZ.2022.6.51919. (In Russ.).
3. Mityakov S.N. New goals of sustainable development in Russia. *Razvitie i bezopasnost' = Development and security*, 2023, no. 1, pp. 21–35. DOI: 10.46960/2713-2633_2023_1_21. (In Russ.).
4. Treshchevskii Yu.I., Nguangbaka E. Analysis of "resource abundance" as a factor of stagnation or development. *Ekonomicheskii analiz: teoriya i praktika = Economic Analysis: Theory and Practice*, 2008, no. 22, pp. 2–5. (In Russ.).
5. Babaev S.V. *Theory of functions of the modern Russian state*, Cand. Diss. Thesis. Nizhny Novgorod, 2001. 25 p. (In Russ.).
6. Baitin M.I. *The essence and main functions of the socialist state*. Saratov, Saratov University Publ., 1979. 302 p. (In Russ.).
7. Glebov A.P. *The concept and structure of the functions of the socialist state*. Voronezh, 1974. 37 p. (In Russ.).
8. Alekseev S.S. *Theory of law*. Moscow, BEK Publ., 1994. 311 p. (In Russ.).
9. Baitin M.I. *The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries)*. Moscow, Pravo i gosudarstvo Publ., 2005. 544 p. (In Russ.).
10. Tikhomirov Yu.A. *State*. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 319 p. (In Russ.).
11. Sapun V.A. Mechanism of the implementation of Soviet law. *Pravovedenie*, 1988, no. 1, pp. 3–11. (In Russ.).
12. Alekseev S.S. *Problems of the theory of law*, Course of lectures, in 2 volumes. Sverdlovsk, Sverdlovsk Law Institute Publ., 1973. Vol. 1. 396 p. (In Russ.).
13. Mal'ko A.V. Shundikov K.V. Purpose and means in law: general theoretical aspect, in: *Pravovaya nauka i reforma yuridicheskogo obrazovaniya*, Collection of scientific papers, Voronezh, Voronezh State University Publ., 1999, iss. 11, pp. 102–119. (In Russ.).
14. Alekseev S.S. Legal means: statement of the problem, concept, classification. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1987, no. 6, pp. 12–19. (In Russ.).
15. Chechot D.M. *Subjective right and forms of its protection*. Leningrad, Leningrad University Publ., 1968. 72 p. (In Russ.).
16. Matnenko A.S. *Legal regulation of the program-target method of budgetary activity*, Doct. Diss. Omsk, 2009. 362 p. (In Russ.).
17. Peshkova Kh.V. *Theoretical and legal foundations of the budgetary structure of the state*, Monograph. Moscow, INFRA-M Publ., 2019. 315 p. (In Russ.).
18. Sukhanova A.A. Constitutional Values in the Content of State Programs of the Russian Federation. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2022, vol. 19, no. 1, pp. 39–53. DOI: 10.19073/2658-7602-2022-19-1-39-53. (In Russ.).
19. Tyutyunik I.G. Legal aspects of budgetary financing of state programs of the Russian Federation. *Yuridicheskii mir = Juridical world*, 2012, no. 11, pp. 28–31. (In Russ.).
20. Chernobrovkina E.B. Application of result-oriented budgeting as a method program-oriented management in the context of government programs. *Nalogi*, 2013, no. 13, pp. 22–24. (In Russ.).
21. Marshall A. *Principles of Economics*, in 3 volumes. Moscow, Progress Publ., 1993. Vol. 1. 416 p. (In Russ.).
22. Shokhin S.O. Legal problems of financing federal purpose-oriented programs. *Yuridicheskii mir = Juridical world*, 2014, no. 1, pp. 51–55. (In Russ.).
23. Gorbunova O.N. The role of financial law in the implementation of economic and social development plans. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 1982, no. 6, pp. 12–20. (In Russ.).

24. Rossinskiy B.V. L.L. Popov's scientific views as a public administration development vector in Russia. *Administrativnoe pravo i protsess = Administrative law and procedure*, 2020, no. 7, pp. 37–42. (In Russ.).
25. Tikhomirov Yu.A. *Management of the society's affairs: Subjects and objects of management*. Moscow, Mysl' Publ., 1984. 224 p. (In Russ.).
26. Zamryga D.V. The principle of planning in the management of assets in the activities of public corporations. *Pravo i ekonomika*, 2015, no. 7, pp. 16–19. (In Russ.).
27. Kutafin O.E. *The planned activities of the Soviet state*. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1980. 239 p. (In Russ.).
28. Khimicheva N.I. The concept and role of finance, in: Khimicheva N.I. (ed.). *Finansovoe pravo*, Textbook, Moscow, Yurist Publ., 2004, pp. 19–27. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пешкова (Белогорцева) Христина Вячеславовна – доктор юридических наук, доцент, Почетный член Лиги преподавателей высшей школы, профессор кафедры административно-правовых и процессуальных дисциплин
Воронежский институт Федеральной службы исполнения наказаний
394072, Россия, г. Воронеж, ул. Иркутская, 1а
E-mail: peshkova1@yandex.ru
SPIN-код РИНЦ: 9250-3868

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Khristina V. Peshkova (Belogortseva) – Doctor of Law, Associate Professor, Honorary Member of the League of Higher School Teachers; Professor, Department of Administrative Law and Procedural Disciplines
Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service
1a, Irkutskaya ul., Voronezh, 394072, Russia
E-mail: peshkova1@yandex.ru
RSCI SPIN- code: 9250-3868

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пешкова (Белогорцева) Х.В. Государственные программы как средство обеспечения устойчивого развития российского государства / Х.В. Пешкова (Белогорцева) // *Правоприменение*. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 45–54. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).45-54.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Peshkova (Belogortseva) Kh.V. Government programs as a means of ensuring the sustainable development of the Russian state. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 45–54. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).45-54. (In Russ.).

ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ВЫБОРОВ В БЕЛАРУСИ И ИХ РОЛЬ В ИЗМЕНЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СТРАНЫ (на примере выборов Президента Республики Беларусь в 2025 г.)

И.А. Ветренко

Северо-Западный институт управления РАНХиГС, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –
05 августа 2025 г.
Дата принятия в печать –
12 января 2026 г.
Дата онлайн-размещения –
20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Выборы, избирательная система, Республика Беларусь, институт президентства, правовая эволюция

Рассмотрены основные исторические этапы эволюции выборов в Беларуси с момента ее суверенного существования. Выявлено существенное качественное влияние правовой эволюции избирательной системы страны на деятельность институтов политической власти и развитие всей политической системы страны. Детально проанализирована избирательная кампания Президента Республики Беларусь 2025 г. При анализе использовались данные долгосрочного и краткосрочного мониторинга за президентскими выборами, который осуществляла экспертная группа Межпарламентской Ассамблеи Стран СНГ в статусе международного наблюдения, в состав которой входила и автор статьи.

THE LEGAL EVOLUTION OF ELECTIONS IN BELARUS AND THEIR ROLE IN CHANGING THE COUNTRY'S POLITICAL SYSTEM (using the example of elections President of Belarus in 2025)

Inna A. Vetrenko

Northwestern Institute of Management of RANEPA, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –
2025 August 05
Accepted –
2026 January 12
Available online –
2026 March 20

Keywords

Elections, electoral system, Republic of Belarus, presidential institution, legal evolution

The article examines the main historical stages of the evolution of elections in Belarus since its sovereign existence. The purpose of the study is to identify the main characteristics of the legal evolution of electoral legislation and to establish the trends that they shape in the entire political system of the Republic of Belarus. The object of the study was the electoral system of Belarus, and the subject was the presidential elections in 2025. The research methodology included traditional document analysis, secondary data analysis of long-term and short-term monitoring of the presidential elections conducted by the expert group of the Interparliamentary Assembly of the CIS Countries as an international observer, which included the author of this article. The main findings of the study are as follows: the author identified a significant qualitative impact of the legal evolution of the country's electoral system on the functioning of political institutions and the development of the entire political system.

1. Введение

Более трех десятилетий назад Республика Беларусь вступила на путь самостоятельного политического развития, стремясь обрести национальную и государственную идентичность, утвердить суверенитет и определить принципы организации общественной жизни. Этот период ознаменовался формированием новых правовых норм, модернизацией поли-

тических институтов и проведением выборов органов власти. В результате страна обрела уникальные политические институты и механизмы их функционирования, включая правила организации и проведения выборов.

Этот процесс вызывает научный и практический интерес, данная статья посвящена комплексному анализу института выборов и его влияния на

трансформацию политических систем Беларуси, сочетая теоретические разработки с прикладными исследованиями.

26 января 2025 г. состоялись выборы Президента Республики Беларусь, они стали настоящим испытанием на прочность всей политической системы страны, поскольку подготовка к ним в правовом аспекте началась сразу после событий 2020 г., рассматриваемых нами как попытка инициирования «цветной революции».

2. Этапы формирования современной избирательной системы Беларуси

Новые политические системы государств, которые получили независимость и стали суверенными после распада СССР, формировались постепенно и во многом повторяли друг друга. В отношении Республики Беларусь стоит заметить, что переход на демократические рельсы начался еще с конца 1980-х гг. и был тесно связан с изменениями, происходящими в избирательной системе. В связи с этим можно выделить четыре основных этапа преобразования политической и избирательной систем.

• **I этап (конец 1980-х гг. – 1994 г.).** Характеристика данного этапа подробно дана в работе белорусских исследователей А.В. и О.А. Посталовских [1].

Если говорить конкретно о президентских электоральных кампаниях Республики Беларусь, то они уникальны для постсоветского пространства. С одной стороны, в Беларуси президент был избран позже всех государств бывшего СССР, это произошло 10 июля 1994 г., а с другой – результаты выборов в Беларуси демонстрируют стабильность функционирования местной политической системы и сохранение высокого фиксируемого рейтинга действующего президента среди населения, в то время как в ряде других государств – бывших союзных республиках результаты электорального процесса не всегда носили демократический характер и даже приводили к дестабилизации социально-экономической и политической обстановки в стране.

Институт Президента начал формироваться в союзных республиках в период поздней перестройки (1990–1991 гг.), выступая результатом номенклатурного конфликта региональных (республиканских) политических элит и союзного центра.

Как замечают А.В. и О.А. Посталовские, в Республике Беларусь сложилась ситуация, несколько отличная от абсолютного большинства государств бывшего СССР. Здесь не было акцентированной конфликтной модели взаимоотношений с союзным центром. Национальное движение находилось в эмбри-

ональном состоянии и не имело радикальной политической направленности. Белорусский Народный Фронт (БНФ) выступал скорее социокультурной общественной организацией, нежели радикальной политической силой. Даже в период наибольшей популярности возрожденного национального движения (1989–1991 гг.) представители БНФ получили лишь 37 мест в Верховном Совете БССР XII созыва (выборы 4 мая 1990 г.) из 345 возможных.

Настоящая власть находилась в руках консервативной партийно-хозяйственной номенклатуры, которая не стремилась к восприятию себя в качестве правящей элиты независимого государства, предпочитая сохранение крепких связей с союзным центром. Как отмечает Ю.В. Шевцов, «успешная индустриализация вела к усилению позиций внутри БССР директората крупных промышленных предприятий и к усилению зависимости белорусских областных и республиканских элит от промышленных гигантов, к поглощению остальных белорусских социальных групп промышленными гигантами и связанными с ними фрагментами социума» [2, с. 78].

Как замечают А.В. и О.А. Посталовские, не следует сбрасывать со счетов и такой важный аспект, как милитаризация общества. Белорусский военный округ был одним из самых многочисленных и передовых в плане боевой подготовки ввиду предупреждения потенциальной угрозы со стороны западного стратегического направления. Военные и близкое к ним окружение были не готовы идти на перемены, не взирая на их ярко выраженный демократический характер.

На первом этапе после выхода Республики Беларусь из состава СССР политическая система страны представляла собой трансформирующуюся систему сдержек и противовесов между ветвями власти, как и в большинстве стран постсоветского пространства. Основную роль в системе государственной власти играл Верховный Совет Республики Беларусь. Введение института Президента в 1994 г. было обусловлено прежде всего необходимостью разрешения конфликта исполнительной и законодательной ветвей власти.

В результате всех описанных факторов первые президентские выборы в Беларуси состоялись 23 июня 1994 г.

• **II этап (1994–1996 гг.)** стал переходным от парламентско-президентской к президентской форме правления. Он характеризуется борьбой за формирование стабильной политической системы, главным системообразующим элементом которой яви-

лась фигура национального политического лидера с высоким уровнем персональной легитимности, поляризацией интересов внутри элиты и интенсификацией политических конфликтов. Разрешение указанных противоречий произошло посредством республиканских референдумов 1995 и 1996 гг., которые привели к трансформации существовавших политических институтов. Республика из парламентско-президентской превратилась в президентскую с широкими полномочиями главы государства в отношении законодательной и исполнительной инициатив.

• **На III этапе (1996–2020 гг.)** была сформирована политико-административная структура государственного управления, основной характеристикой которой является сильная централизованная власть при лидирующей роли Президента.

• **IV этап (2020 г. – настоящее время)** характеризуется разворотом внутренней и внешней политики Республики Беларусь в сторону укрепления государственности, формирования новых механизмов государственного управления путем конституционной реформы, законодательных и административных нововведений, связанных с укреплением государственного суверенитета и более высоким уровнем легитимации власти через усиление коммуникации государства и общества (Всебелорусское народное собрание).

Сегодня основы деятельности всех ветвей власти в Республике Беларусь определяет Конституция, принятая в 1994 г. с изменениями и дополнениями, внесенными в 1996, 2004 и 2022 гг. Кроме того, с 2014 г. Беларусь является участником Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод граждан в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (далее – СНГ), основные правовые нормы которой также учитываются в избирательной системе страны [3].

Государственный строй Республики Беларусь, гарантированный Конституцией, основан на принципе разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной. Государственные органы в пределах своих полномочий провозглашаются самостоятельными: они взаимодействуют между собой, сдерживают и уравновешивают друг друга.

Согласно ст. 4 Конституции Республики Беларусь демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений. Идеология политических партий, религиозных или иных общественных объединений, социаль-

ных групп не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан.

Президент является главой государства, гарантом Конституции Республики Беларусь, прав и свобод человека и гражданина. Он олицетворяет единство народа, гарантирует реализацию основных направлений внутренней и внешней политики, представляет Республику Беларусь в отношениях с другими государствами и международными организациями. Президент принимает меры по охране суверенитета Республики Беларусь, ее национальной безопасности и территориальной целостности, обеспечивает политическую и экономическую стабильность, преемственность и взаимодействие органов государственной власти, осуществляет посредничество между органами государственной власти.

Всебелорусское народное собрание – высший представительный орган народовластия Республики Беларусь, определяющий стратегические направления развития общества и государства, обеспечивающий незыблемость конституционного строя, преемственность поколений и гражданское согласие. Его основными полномочиями является: утверждение основных направлений внутренней и внешней политики, военной доктрины, концепции национальной безопасности; утверждение программы социально-экономического развития Республики Беларусь; заслушивание премьер-министра о выполнении программ социально-экономического развития Республики Беларусь; предложение изменений и дополнений в Конституцию; предложение о проведении республиканских референдумов; рассмотрение вопроса о легитимности выборов; принятие решения о смещении Президента с должности в случае систематического или грубого нарушения им Конституции либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления; введение на территории Республики Беларусь чрезвычайного или военного положения при наличии оснований, предусмотренных Конституцией, и в случае бездействия Президента по этим вопросам.

Парламент – Национальное собрание Республики Беларусь – является представительным и законодательным органом и состоит из двух палат – Совета Республики (верхняя палата) и Палаты представителей (нижняя палата).

Совет Республики, состоящий из 64 членов, является палатой территориального представительства. Формирование верхней палаты парламента происходит путем косвенного голосования. От каж-

дой области и Минска на заседаниях депутатов местных Советов тайным голосованием избираются в общей сложности 56 членов Совета Республики. Восемь членов Совета Республики назначаются Президентом Республики Беларусь.

Состав Палаты представителей – 110 депутатов. Избрание депутатов Палаты представителей осуществляется в соответствии с законом на основе всеобщего свободного равного прямого избирательного права при тайном голосовании по мажоритарной избирательной системе.

Депутатом Палаты представителей может быть гражданин Республики Беларусь, достигший 21 года. Депутаты осуществляют свои полномочия в Парламенте на профессиональной основе. Депутат Палаты представителей может быть одновременно членом правительства. Одно и то же лицо не может одновременно являться членом двух палат парламента. Депутат Палаты представителей не может быть депутатом местного Совета депутатов.

С 2022 г. в Республике Беларусь произошли значимые **изменения избирательной системы:**

- **Введение единого дня голосования для выборов депутатов – последнее воскресенье февраля.**

- **Изменения в отношении кандидатов в Президенты:**

- Возраст: не моложе 40 лет.

- Проживание: не менее 20 лет постоянно на территории Республики Беларусь непосредственно перед выборами.

- Гражданство: только Республики Беларусь.

- Пребывание в должности: не более двух сроков.

- **Изменения в деятельности Парламента:**

- Срок полномочий: 5 лет.

- Новые полномочия: ежегодно заслушивает доклады Генпрокурора, председателей Комитета госконтроля и Правления Нацбанка.

- Усилен статус Совета Республики как органа территориального представительства, принимающего меры по развитию местного самоуправления.

Активно ведется дискуссия о введении дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ). Однако, в отличие от России, такая система голосования пока не используется. Причинами неразвитости системы ДЭГ являются, во-первых, аспекты кибербезопасности, а во-вторых, территориальная доступность избирательных участков, в отличие, например, от горных районов Таджикистана или северных районов России. Как отмечает российский исследователь В.А. Лукшин в статье о легитимации

электронного голосования в России, Беларусь сегодня решает аналогичные с нашей страной проблемы для того, чтобы ДЭГ соответствовало всем принципам демократии [4].

Следует отметить, что в Беларуси, как и во всех странах СНГ, центральную роль в избирательном процессе играют политические партии, в настоящий момент таковых в Беларуси официально зарегистрировано только четыре. На конституционном уровне закреплена общественно-политическая роль партий, а избирательное законодательство детально регулирует их участие на различных стадиях избирательной кампании. Более того, законодательство ряда стран СНГ, к которым относится и Республика Беларусь, содержит нормы, согласно которым неучастие партии в выборах может являться причиной потери ею статуса политической партии. Партии не только выдвигают кандидатов, но и организуют избирательные кампании, формируют партийные списки и распределяют депутатские мандаты [5].

Нами в феврале 2025 г. было проведено социологическое исследование методом экспертной оценки. Экспертами выступили международные наблюдатели от Межпарламентской ассамблеи стран СНГ (далее – МПА СНГ), которые принимали участие в мониторинге выборов Президента Республики Беларусь – долгосрочном и краткосрочном, т. е. находились на участках для голосования в дни выборов. Было опрошено 17 экспертов (международных наблюдателей) из четырех стран: России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана, – которые осуществляли свою деятельность на основе принципов специально разработанной методики наблюдения за выборами [6].

Поскольку любое социологическое исследование, даже методом полустандартизированного интервью экспертов, проводится на условиях анонимности, мы будем приводить мнения экспертов без указания их фамилий и имен. Одним из главных вопросов в процессе наблюдения за выборами является вопрос доступности избирательных участков для участников электорального процесса. Приведем мнение эксперта о доступности участков для голосования в Республике Беларусь: *То, что понимается труднодоступным в Беларуси, это просто какой-то отдаленный участок, для которого, условно, надо подрядить избирательную комиссию, посадить их в машину, чтобы они туда доехали. Других трудностей не наблюдается.*

Выдвижение и регистрация кандидатов на пост Президента Республики Беларусь в соответствии с законодательством Республики Беларусь проходят в

несколько этапов и регулируются нормами Избирательного кодекса.

Требования, предъявляемые к лицам, выдвигаемым кандидатами на пост Президента Республики Беларусь:

- наличие гражданства Республики Беларусь по рождению;
- наличие избирательного права;
- отсутствие в настоящем и прошлом гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа иностранного государства, дающего право на льготы и другие преимущества;
- достижение возраста 40 лет;
- постоянное проживание в Республике Беларусь не менее 20 лет непосредственно перед выборами.

Не допускается совмещение обязанностей Президента Республики Беларусь с одновременным занятием должности депутата Палаты представителей, судьи, члена Совета Республики, члена Совета Министров, депутата местного Совета депутатов.

Кандидаты на пост Президента Республики Беларусь выдвигаются гражданами Республики Беларусь при наличии не менее 100 тыс. подписей избирателей.

Выдвижение кандидатов на пост Президента Республики Беларусь начинается за 80 дней и заканчивается за 50 дней до выборов и осуществляется инициативной группой избирателей в количестве не менее 100 чел.

В президентской избирательной кампании конца 2024 – начала 2025 г. на этапе подачи заявлений на регистрацию инициативных групп по выдвижению кандидатов на пост Президента Республики Беларусь количество участников избирательной кампании составляло 11, на этапе регистрации инициативных групп число участников сократилось до 7, а на этапе регистрации кандидатов число участников составило 5 чел.

И на президентских, и на парламентских выборах избиратель может проголосовать «против всех», вычеркивая в бюллетене все фамилии кандидатов. Это происходит в том случае, когда избиратель не находит подходящей кандидатуры и предпочитает отказать в доверии всем. По данным Центральной избирательной комиссии (далее – ЦИК), на выборах Президента Республики Беларусь в 2025 г. доля таких избирателей составила 3,6 %.

Выборы считаются состоявшимися, если в них приняли участие более половины граждан Республики Беларусь, включенных в список избирателей.

3. Анализ выборов Президента Республики Беларусь

В январе 2025 г. в президентских выборах в Республике Беларусь участвовали пять кандидатов: председатель Либерально-демократической партии Беларуси Гайдукевич Олег Сергеевич; руководитель правового учреждения «Общественный центр законодательных инициатив» Канопацкая Анна Анатольевна; действующий Президент Республики Беларусь Лукашенко Александр Григорьевич; первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Беларуси Серенков Сергей Александрович; председатель Республиканской партии труда и справедливости Хижняк Александр Николаевич.

Финансирование подготовки и проведения выборов Президента Республики Беларусь осуществляется за счет средств республиканского бюджета в соответствии со ст. 48 Избирательного кодекса. Расходы на эти цели могут осуществляться также за счет средств политических партий, других организаций и граждан Республики Беларусь, вносящих свои денежные средства во внебюджетный фонд, создаваемый ЦИК для дополнительного финансирования расходов на подготовку и проведение выборов.

Освещение хода избирательной кампании проходит в соответствии с законодательством Республики Беларусь, которое на современном этапе постоянно совершенствуется, и проходит это комплексно. Новеллы в законодательстве появляются как по отношению к регламенту, так и к информационному сопровождению выборов [7].

ЦИК и нижестоящие комиссии по выборам Президента Республики Беларусь ведут активную работу по информированию граждан о ходе избирательной кампании и формированию у граждан доверия к электоральному процессу и институту президентства.

Для информирования избирателей о предстоящем голосовании органами администрирования выборов используются различные средства наглядной агитации – плакаты, билборды, растяжки, выполненные в единой стилистике. В общественных местах (крупные торговые центры, рынки, общественный транспорт и др.) транслируются соответствующие объявления.

С 10 января 2025 г. каждый гражданин в помещении участковой избирательной комиссии мог проверить, включен ли он в список и правильно ли в списке указаны сведения о нем.

С целью оперативного информирования и консультирования граждан по вопросам организации и проведения выборов с 1 ноября 2024 г. в ЦИК начал работать информационно-справочный центр.

Освещение хода предвыборной кампании в СМИ ведется весьма активно. ЦИК регулярно обновляет и актуализирует информацию на своем официальном сайте. В специальном разделе «Выборы Президента Республики Беларусь» в доступном и понятном для пользователей формате содержатся основные сведения о ходе и порядке проведения избирательной кампании, в том числе данные по финансовым отчетам кандидатов, постановления ЦИК и информация по аккредитации международных и национальных наблюдателей. Регулярностью и скоростью обновления отличается официальный telegram-канал ЦИК, который подробно освещает работу комиссии и оперативно информирует граждан об итогах проходящих заседаний ЦИК. Выборы Президента Республики Беларусь также широко освещаются крупными информагентствами, такими как «БЕЛТА», и печатными изданиями – газетой «СБ. Беларусь сегодня» и газетой «Звезда».

Международные наблюдатели, которые работали на президентских выборах, отмечали (мнение эксперта): *В Белоруссии всё было хорошо. Там после 2022 года, я так понимаю, что огромная работа была проведена ЦИКом, сам председатель ЦИКа ездил по всем предприятиям, они там все всем рассказывали, по всем, со всеми договаривались, у них очень большая информационная работа проведена, и у них телеграм-канал работает, он создан специально для освещения выборов.*

Была зафиксирована активная информационная работа среди молодежи. Эксперты отмечали: *Ребята, тоже студенты, ездят по университетам, рассказывают, почему нужно голосовать и как это проходит. Особенно важно это для тех, кто голосует впервые.*

Нормы, определяющие формы и методы **предвыборной агитации**, ее освещение в СМИ в течение избирательной кампании по выборам Президента Республики Беларусь, отражены в ст. 45–47 Избирательного кодекса, а также в постановлениях ЦИК. Следует отметить, что разрешенные формы предвыборной агитации очень схожи с российскими легальными технологиями, которые можно применять на выборах Президента РФ [8].

Для проведения предвыборной агитации в соответствии с действующим законодательством зарегистрированным кандидатам на пост Президента Республики Беларусь бесплатно предоставляется эфирное время на теле- и радиоканалах и печатные площади в газетах для публикации предвыборной программы.

Кандидаты также используют в агитационных целях личные и партийные страницы в социальных сетях и мессенджерах: рекламно-агитационные сообщения публикуются в официальной группе Коммунистической партии Беларуси в социальной сети «ВКонтакте»; в партийном telegram-канале Либерально-демократической партии Беларуси и личном telegram-канале О.С. Гайдукевича; в telegram-канале Республиканской партии труда и справедливости. Официальные страницы партий систематически обновляются и наполняются актуальной информацией, что способствует открытости и гласности избирательной кампании.

Привлечение на избирательные участки, по оценкам экспертов-наблюдателей, в Беларуси носит скорее традиционный характер, выход на избирательный участок позиционируется и воспринимается избирателями как праздничное мероприятия – работают буфеты, организуются развлекательные программы. Ниже приведены фрагменты из экспертного интервью с международными наблюдателями из состава МПА СНГ:

• *Я так полагаю, что там самое основное, назовем это так, развлекательная программа, она, конечно, в выходные дни проходит. Но даже в те [будние] дни, когда я был, на участках были вывешены программы с выступлениями каких-то оркестров, какие-то творческие коллективы выступают, вот это я видел.*

• *Но вот в Беларуси, например, в целом тоже такое общее праздничное настроение присутствует. Люди идут, идут с семьями, идут с детьми. Такая довольно дружелюбная атмосфера на участках.*

Распространенной практикой стал бесплатные проезд в общественном транспорте в день выборов. На последних президентских выборах в Беларуси появился еще один тренд, направленный на обеспечение порядка и безопасности, – курсирование в радиусе от 10 до 500 м от участков избирательных комиссий «народных дружин». Это общественная инициатива, которая получила одобрение всех участников электорального процесса.

Активное информирование и агитация является одним из факторов весьма высокой электоральной активности. В голосовании на выборах Президента Республики Беларусь, по данным ЦИК, приняли участие 85,7 % избирателей. При этом значительна доля голосующих досрочно (42 %). Досрочное голосование осуществляется в течение 5 дней до дня выборов. В ходе экспертного интервью эксперты

отмечали: *В Беларуси, например, особенность в том, что большой процент избирателей голосует досрочно, до 40 %.*

Экспертная группа МИРД МПА СНГ отмечает многочисленные факты иностранного вмешательства в ход кампании по выборам Президента Республики Беларусь, которые нарушают нормы национального законодательства Республики Беларусь и положения Конвенции о стандартах демократических выборов, избирательных прав и свобод в государствах – участниках СНГ [9]. При этом данная деятельность не оказывает существенного влияния на избирательный процесс благодаря высокопрофессиональной деятельности органов государственной власти и администрирования выборов по противодействию иностранному вмешательству. Именно по этой причине в стране не используется ДЭГ.

4. Заключение

В целом избирательная система в Республике Беларусь на современном этапе имеет следующие особенности и характеристики:

– избирательное законодательство построено на основных принципах демократического избирательного права – всеобщность избирательного права граждан, принцип равенства избирательных прав, принцип тайного голосования, принцип прямого избирательного права [10];

– отсеечение кандидатов с крайне низким уровнем поддержки на этапе регистрации;

– высокая электоральная активность избирателей (явка на выборах Президента в январе 2025 г. составила около 85 %) в различных социально-демографических группах;

– возможность проголосовать «против всех»;

– высокая доля избирателей, голосующих досрочно, в течение 5 дней до основного дня выборов;

– высокая информационная открытость ЦИК и избирательного процесса;

– отсутствие практики применения системы ДЭГ.

Напрашивается сравнение избирательных систем России и Беларуси. Несмотря на имеющиеся различия, в ходе произошедших законодательных изменений, взаимного принятия успешного опыта обеих стран, избирательные системы Российской Федерации и Республики Беларусь приходят к всё более унифицированной модели с общими характеристиками [11]. К таковым можно отнести:

• **Закрепление принципов всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.**

• **Схожий механизм определения избирательных округов.** Обозначаются их границы, определяется перечень административно-территориальных единиц или населенных пунктов, входящих в каждый избирательный округ, указывается номер каждого избирательного округа, место нахождения каждой избирательной комиссии, число избирателей в каждом избирательном округе.

• **Наличие системы избирательных комиссий,** в которую входят ЦИК, территориальные, окружные и участковые избирательные комиссии.

• **Единый день голосования.**

• **Возможность голосования в течение нескольких дней:** Россия – 3 дня, Беларусь – 6 дней. На рассматриваемых нами президентских выборах 2025 г. именно шестидневное голосование позволяло обеспечить столь высокую явку избирателей на участки для голосования, что повысило легитимность избранного президента. Скорее всего, это найдет отражение в избирательном законодательстве Республики Беларусь и будет проводиться на постоянной основе. Новеллы электорального законодательства регулярно появляются после каждых выборов, проведенных в республике [7].

• **Отсечение кандидатов с крайне низким уровнем поддержки на этапе регистрации.**

• **Строгие правовые требования к законности, доступности и открытости электоральной кампании.** Взаимный контроль избирательного процесса наблюдателями обеих стран, в том числе за счет наблюдения за выборами [12].

• **Безопасность избирательного процесса как необходимое условие обеспечения электорального суверенитета государства:** чем выше степень защищенности граждан, организаторов и инфраструктуры в рамках электоральной безопасности, тем ниже эффективность внешнего вмешательства в избирательные процессы [13]. При этом сами понятия электорального суверенитета и внешнего вмешательства нуждаются в проработке. В этом направлении ведется большая работа, как в Республике Беларусь, так и на всем пространстве СНГ.

Эволюция избирательной системы Республики Беларусь была направлена на создания устойчивого фундамента всей политической системы страны, но при этом избирательное право Республики Беларусь имеет свои национальные корни, что позволяет гражданам страны формировать свою гражданскую идентичность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Посталовский А. В. Президентские избирательные кампании в Республике Беларусь: комплексный анализ / А. В. Посталовский, О. А. Посталовская // *Русская политология*. – 2017. – № 1. – С. 84–91.
2. Шевцов Ю. В. Объединенная нация. Феномен Беларуси / Ю. В. Шевцов. – М. : Европа, 2005. – 256 с.
3. Аветисян В. Д. Стандарты демократических выборов: история и практика / В. Д. Аветисян, Р. А. Амбурцев, М. В. Андреев, И. Б. Борисов, А. С. Бояшов, С. В. Епифанцев, Е. В. Еременко, С. Г. Караваев, М. Лебедински, В. И. Лысенко, С. С. Молдабаев, И. И. Мушкет, А. А. Потякин, И. В. Раскин, Д. С. Рахмон, Н. А. Сафаров, С. Л. Ткаченко. – СПб. : Секретариат Совета МПА СНГ, 2023. – 136 с.
4. Лукушин В. А. Современные практики легитимации дистанционного электронного голосования в контексте обеспечения электорального суверенитета Российской Федерации / В. А. Лукушин // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. – 2025. – Т. 15, № 1. – С. 34–42. – DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-34-42.
5. Котляров И. В. Политические партии Беларуси в начале XXI в.: социально-политический анализ / И. В. Котляров // *Социологический альманах*. – Минск : Беларуская навука, 2010. – Вып. 1. – С. 30–38.
6. Ромашов Р. А. Методология наблюдения за выборами и референдумами / Р. А. Ромашов, И. И. Мушкет, Е. В. Еременко, Р. А. Амбурцев, А. Н. Ксендзов, А. С. Бояшов, М. В. Андреев, М. Д. Кондрин. – СПб. : Секретариат Совета МПА СНГ, 2024. – 128 с.
7. Нудненко Л. А. Новеллы избирательного законодательства о статусе наблюдателей на выборах / Л. А. Нудненко // *Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы*. – 2016. – № 3 (146). – С. 19–21.
8. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации / под общ. ред. М. С. Саченко. – Краснодар : КубГАУ, 2018. – 199 с.
9. Бояшов А. С. Институт президента в странах Содружества / А. С. Бояшов, О. Н. Лешенюк, И. И. Мушкет, Е. В. Еременко, Р. А. Амбурцев. – СПб. : Секретариат Совета МПА СНГ, 2024. – 160 с.
10. Альфер С. А. Избирательное право Республики Беларусь / С. А. Альфер. – Минск : Тесей, 2008. – 320 с.
11. Чудаков М. Ф. Избирательный процесс: понятие и основные стадии / М. Ф. Чудаков. – Минск : Тесей, 2001. – 70 с.
12. Яковлев Н. А. Институт наблюдателей в избирательном процессе / Н. А. Яковлев, О. И. Романова // *Теоретические и прикладные аспекты современной науки*. – 2015. – № 7-5. – С. 134–136.
13. Бояшов А. С. Безопасность избирательного процесса / А. С. Бояшов, И. И. Мушкет, О. Н. Лешенюк, Р. А. Амбурцев, С. Г. Караваев, А. Н. Ксендзов. – СПб. : Секретариат Совета МПА СНГ, 2023. – 96 с.

REFERENCES

1. Postalovsky A.V., Postalovskaya O.A. Presidential election campaigns in the Republic of Belarus: A Comprehensive Analysis. *Russkaya politologiya = Russian Political Science*, 2017, no. 1, pp. 84–91. (In Russ.).
2. Shevtsov Yu.V. *United Nation. The Phenomenon of Belarus*. Moscow, Evropa Publ., 2005. 256 p. (In Russ.).
3. Avetisyan V.D., Amburtsev R.A., Andreev M.V., Borisov I.B., Boyashov A.S., Epifantsev S.V., Eremenko E.V., Karavaev S.G., Lebedinski M., Lysenko V.I., Moldabaev S.S., Mushket I.I., Potyakin A.A., Raskin I.V., Rakhmon D.S., Safarov N.A., Tkachenko S.L. *Standards of democratic elections: history and practice*. St. Petersburg, Secretariat of the CIS MPA Council Publ., 2023. 136 p. (In Russ.).
4. Lukushin V.A. Modern Practices of Legitimizing Remote Electronic Voting in the Context of Ensuring the Electoral Sovereignty of the Russian Federation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 2025, vol. 15, no. 1, pp. 34–42. DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-1-34-42. (In Russ.).
5. Kotliarov I.V. Political parties in Belarus at the beginning of the XXI century: socio-political analysis, in: *Sotsiologicheskii al'manakh*, Minsk, Belaruskaya navuka Publ., 2010, iss. 1, pp. 30–38. (In Russ.).
6. Romashov R.A., Mushket I.I., Eremenko E.V., Amburtsev R.A., Ksendzov A.N., Boyashov A.S., Andreev M.V., Kondrin M.D. *Methodology for monitoring elections and referendums*. St. Petersburg, Secretariat of the Council of the CIS MPA Publ., 2024. 128 p. (In Russ.).

7. Nudnenko L.A. Novelties of the electoral legislation on the status of election observers. *Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy = Representative Power – 21st Century: Legislation, Comments, and Problems*, 2016, no. 3 (146), pp. 19–21. (In Russ.).

8. Savchenko M.S. (ed.). *Electoral Law and the Electoral Process in the Russian Federation*. Krasnodar, KubSAU Publ., 2018. 199 p. (In Russ.).

9. Boyashov A.S., Leshenyuk O.N., Mushket I.I., Eremenko E.V., Amburtsev R.A. *The institute of the President in the Commonwealth countries*. St. Petersburg, Secretariat of the CIS MPA Council Publ., 2024. 160 p. (In Russ.).

10. Al'fer S. A. *Electoral Law of the Republic of Belarus*. Minsk, Tesei Publ., 2008. 320 p. (In Russ.).

11. Chudakov M.F. *The Electoral Process: Concept and Main Stages*. Minsk, Tesei Publ., 2001. 70 p. (In Russ.).

12. Yakovlev N.A., Romanova O.I. The institute of observers in the electoral process. *Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi nauki = Theoretical and Applied Aspects of Modern Science*, 2015, no. 7-5, pp. 134–136. (In Russ.).

13. Boyashov A.S., Mushket I.I., Leshenyuk O.N., Amburtsev R.A., Karavaev S.G., Ksendzov A.N. *Security of the electoral process*. St. Petersburg, Secretariat of the Council of the IPA CIS Publ., 2023. 96 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ветренко Инна Александровна – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий

Северо-Западный институт управления РАНХиГС
199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Средний пр.
В. О., 57/43

E-mail: Vetrenko-IA@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-5212-4580

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Inna A. Vetrenko – Doctor of Politics, Professor; Head,
Department of Social Technologies

Northwestern Institute of Management of RANEP
57/43, Srednii pr. V. O., St. Petersburg, 199178, Russia

E-mail: Vetrenko-IA@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-5212-4580

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ветренко И.А. Правовая эволюция выборов в Беларуси и их роль в изменении политической системы страны (на примере выборов Президента Республики Беларусь в 2025 г.) / И.А. Ветренко // Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 55–63. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).55-63.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vetrenko I.A. The legal evolution of elections in Belarus and their role in changing the country's political system (using the example of elections President of Belarus in 2025). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 55–63. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).55-63. (In Russ.).

ВЗЫСКАНИЕ ЗАДОЛЖЕННОСТИ, НЕ УЧИТЫВАЕМОЙ В СОВОКУПНОЙ ОБЯЗАННОСТИ НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА – ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА**И.А. Цинделиани¹, Е.Г. Васильева²**¹ *Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, г. Москва, Россия*² *Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева, г. Краснодар, Россия***Информация о статье**

Дата поступления –

29 ноября 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Взыскание, совокупная обязанность, сальдо единого налогового счета, невключенная задолженность, недоимка, начисления, налогоплательщик, физическое лицо

Конверсия реформированного института налогового обязательства, принудительного порядка взыскания в отношении физических лиц путем экспансии его содержания в современный институт «совокупной обязанности» как основы публично-правового статуса налогоплательщика требует комплексного изучения и обновленного право-применительного подхода при интерпретации законодательных новелл с 1 ноября 2025 г. Исследование нового цифрового феномена «приостановленной задолженности» с 1 ноября 2025 г. при изменении принудительного порядка взыскания показало существующие проблемы в правоприменении после принятия федеральных законов от 31 июля 2025 г. № 287-ФЗ и от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ.

COLLECTION OF DEBTS, NOT CONSIDERED IN THE TOTAL OBLIGATION OF A TAXPAYER – AN INDIVIDUAL**Imeda A. Tsindeliani¹, Evgeniya G. Vasilyeva²**¹ *Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia*² *North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Krasnodar, Russia***Article info**

Received –

2025 November 29

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

Keywords

Collection, cumulative duty, balance of a single tax account, outstanding debt, arrears, accruals, taxpayer, individual

Subject. The authors characterized the reformed concept of “debt” by expanding its scope into the modern legal institution of “aggregate obligation”, establishing the specifics of its legal nature. The article examines current issues arising from the incorporation of debt not included in the aggregate obligation as a separate legal category. The legal nature of this debt is described in the context of the new concept of fulfilling aggregate obligations, highlighting individual aspects requiring improvement. Key aspects of the innovations introduced by Federal Laws No. 287-FZ and No. 425-FZ have been analysed.

The theoretical significance of this article is presented in the author’s vision of the theoretical aspects of “suspended debt”, its legal nature and its structure as an element of aggregate liability, which haven’t previously been considered by tax law science. The article touches upon a number of issues haven’t been regulated by current legislation and require special attention.

The purpose of this study is to understand theoretically a new digital phenomenon – the concept of “suspended debt” in tax law – as a structural element of the overall obligation, taking into account legislative amendments effective November 1, 2025, for judicial collection. Research methods: The leading method for investigating of the above issues is a formal legal approach. It was used to examine the main issues arising in the forced collection of debts not included in the overall liability.

Research results. This research article explores and details a number of legal issues. The authors argue their own point of view on the need of systematic approach to improving the institution under study, which is of comprehensive nature.

1. Введение

Развитие современной российской правовой системы в условиях масштабной цифровизации, обусловленной изменением законодательства о налогах и сборах, трансформацией налоговых правоотношений, требует эффективного подхода в правоприменительной деятельности. Новые цифровые решения в налоговом администрировании требуют особого внимания, поскольку влияют на развитие действующего законодательства, трансформацию существующих правовых институтов. Наступило новое время – эпоха цифровой реальности, трансформации системы права в условиях развития цифровой экономики, трансформации правовой системы государства в целом [1]. Этот этап развития человечества можно смело назвать эрой новых технологий [2, с. 5]. На современное развитие законодательства Российской Федерации о налогах и сборах решающее влияние оказывает постоянно увеличивающееся количество видов и форм информационных технологий, применяемых к отношениям между налогоплательщиками и налоговыми органами, а также цифровая трансформация налогообложения, которая влечет возникновение новых налоговых отношений [3, с. 84].

С 1 января 2023 г. в налоговой системе Российской Федерации реализована масштабная реформа – цифровая трансформация в сфере налогового администрирования, предусматривающая введение новых цифровых правовых институтов, конструкций: совокупной обязанности как цифрового права налогоплательщика [4; 5], а также отдельных инструментов, подинститутов, а именно: единого налогового счета (далее – ЕНС), единого налогового платежа (далее – ЕНП) [6–10], сальдо ЕНС (отрицательного, положительного, нулевого), задолженности и пр. – на основании Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 263-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» (далее – Закон № 263-ФЗ)¹. Закон № 263-ФЗ фактически ввел новую инновационную модель исполнения совокупной обязанности – цифровую обязанность (взамен существующего ранее института налогового обязательства), используя такие механизмы и инструменты, как ЕНС, ЕНП, сальдо ЕНС [11]. Отдельные авторы полагают, что существенного реформирования институтов налогового права не произошло [12–17]. Многие ученые до сих пор оставили без должного внимания вопросы системы налогового права, налоговой системы Россий-

ской Федерации ввиду отсутствия надлежащей системности при появлении новых институтов в налоговом праве.

В большей части отраслевой учебной литературы [18–26] отсутствует единообразие в отношении обновленного наименования и формирования в системе налогового права, налоговой системе Российской Федерации новых цифровых институтов совокупной обязанности, ЕНС, ЕНП, сальдо ЕНС, задолженности как структурных элементов совокупной обязанности.

Появление новых правовых конструкций и институтов в налоговом праве неизбежно ведет к необходимости формирования новой налоговой системы Российской Федерации, непосредственно системы налогового права, формирование новых структурных элементов в финансово-правовой науке [4, с. 22]. В настоящее время отсутствует единообразная позиция о характеристике новых институтов налогового права, поскольку многие ученые до сих пор переосмысливают законодательные новеллы, поэтому представляется целесообразным рассмотреть данные вопросы, требующие наиболее полного исследования и правоприменения.

Авторы убеждены, что конверсия реформированного института налогового обязательства и принудительного порядка взыскания в отношении физических лиц путем экспансии его содержания в современный правовой институт «совокупной обязанности» как основы публично-правового статуса налогоплательщика требует более детального и комплексного изучения наукой налогового права обновленного подхода в рамках принятых законодательных новелл в результате формирования новых правовых институтов и категорий налогового права.

2. О правовой природе задолженности, неучитываемой при размере совокупной обязанности

Самым обсуждаемым и анонсируемым событием 2025 г. стало введение с 1 ноября нового порядка взыскания задолженности с физических лиц, не являющихся индивидуальными предпринимателями. Фактически это стало следующим, последовательным этапом модернизации налогового администрирования в Российской Федерации после принятия Закона № 263-ФЗ, затронувшего принудительный порядок взыскания налоговой задолженности с физических лиц. За весь период действия Налогового кодекса (далее – НК) РФ подобной практики в Российской Федерации не существовало. Во испол-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5230.

нение Федерального закона от 31 июля 2025 г. № 287-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и Федеральный закон “Об исполнительном производстве”» (далее – Закон № 287-ФЗ)² с 1 ноября 2025 г. ФНС России получила полномочия по списанию задолженности, формирующей отрицательное сальдо ЕНС налогоплательщика – физического лица без обращения в суд при соблюдении соответствующего порядка и условий взыскания. Новеллы основаны на использовании данных ЕНС налогоплательщика (как формы учета) и направлены на повышение эффективности и оперативности взыскания публичных платежей, снижение нагрузки на судебную систему и улучшение собираемости налогов. Нововведение, принятое для улучшения налогового администрирования, ускорения фискальных процедур привело к возникновению ряда вопросов о правоприменении положений п. 8 ст. 48 НК РФ, фактически делегировавшего налоговым органам право обращения в суд с иском о взыскании задолженности в размере сумм, не учитываемых в совокупной обязанности, в соответствии с пп. 10.1 п. 5, пп. 3.1–3.3 п. 7 ст. 11.3 НК РФ.

Проведенный анализ НК РФ свидетельствует о следующем. При правоприменении возникают вопросы: что будет взыскивать с 1 ноября 2025 г. налоговый орган в суде с налогоплательщиков-физических лиц – налоги, долги (недоимку) или задолженность? с какой структурой, порядком формирования? какова правовая природа данного института, учитывая введенные Законом № 263-ФЗ цифровые институты: совокупная обязанность, ЕНС, ЕНП (в обновленной редакции в ст. 11.3 НК РФ)³, сальдо ЕНС, задолженность (с обновленным содержанием); денежные средства, формирующие положительное сальдо ЕНС; уведомление об исчисленных суммах; распоряжение (принадлежность денежных средств налогоплательщика) [8, с. 199] – и в последующем скорректированные Законом № 287-ФЗ и Федеральным законом от 28 ноября 2025 г. № 425-ФЗ «О внесении изменений в часть первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» (далее – Закон № 425-ФЗ)⁴, что отразилось на их правоприменении с 1 ноября 2025 г.?

Законодательно получили закрепление новые термины – совокупная обязанность, задолженность и сальдо ЕНС. Важно понимать, что на основании Закона № 263-ФЗ первичным правовым институтом стала совокупная обязанность, формирующая сальдо ЕНС налогоплательщика перед бюджетом. При неисполнении совокупной обязанности может образоваться задолженность в виде отрицательного сальдо ЕНС (сумма остатка на ЕНС меньше денежного выражения совокупной обязанности налогоплательщика). Сальдо ЕНС – это разница между общей суммой задолженности ее новых элементов в содержании и общей суммой перечисленных платежей на ЕНС, с учетом выполнения совокупной обязанности [6, с. 105]. Наличие отрицательного сальдо на ЕНС свидетельствует о формировании задолженности у налогоплательщика, что выступает основанием для применения принудительного порядка взыскания (ст. 46, 48, 76 НК РФ). Совокупная обязанность и задолженность сопоставимы между собой и равнозначны по содержанию, учитывая их структурные элементы, изложенные в ст. 11.3 НК РФ. Задолженность – это всегда отрицательное сальдо ЕНС, включающее несколько элементов задолженности, в том числе недоимку.

В рамках исследования заслуживает внимания изучение института совокупной обязанности в контексте задолженности, не учитываемой с учетом новелл с 1 ноября 2025 г.

Следует обратить внимание, что с 1 сентября 2026 г. пп. 12 п. 5 ст. 11.3 НК РФ излагается в новой редакции (Закон № 425-ФЗ), что отразится на актуальности формирования достоверного сальдо на ЕНС при реализации принудительного порядка взыскания задолженности в 2026 г.

Верное и точное понимание того, о какой задолженности (в п. 8 ст. 48 НК РФ) как о структурном элементе совокупной обязанности идет речь при судебном порядке взыскания, имеет принципиальное правовое значение при соблюдении прав и законных интересов налогоплательщиков, учитывая ч. 3 ст. 35 и ст. 57 Конституции РФ. Особое внимание в исследовании уделено правовой природе задолженности, подлежащей взысканию с 1 ноября 2025 г.

С введением Закона № 263-ФЗ основные дефиниции: совокупная обязанность, ЕНП, ЕНС, задолженность – нашли отражение в положениях ст. 11 и 11.3 НК РФ, их содержание в текущих реалиях не вызывало

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 31. Ст. 4641.

³ Статья введена законом № 263-ФЗ, вступила в силу с 1 января 2023 г.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 48 (ч. I–III). Ст. 7236.

вопросов при правоприменении до принятия Закона № 287-ФЗ, которым положения п. 7 ст. 11.3 НК РФ были видоизменены и затем дополнены Законом № 425-ФЗ. В результате новелл с 1 ноября 2025 г. возникли вопросы с элементами задолженности, не включенной в совокупную обязанность. Образовались трудности при правоприменении ввиду отсутствия норм права, регламентирующих их правовую природу и, собственно, саму структуру обновленной совокупной обязанности и видоизмененной задолженности, формирующей структуру сальдо ЕНС при судебном порядке взыскания задолженности.

Несмотря на положительную составляющую при совершенствовании налоговой системы Российской Федерации, с 1 ноября 2025 г. актуальным стал вопрос о сущности и правовой природе спорной задолженности, требующей внимания со стороны науки и практики. Таким образом, в результате нововведений путем простого перечисления в п. 7 ст. 11.3 НК РФ сформулирован новый правовой институт, содержание которого НК РФ не раскрывается. Возникает вопрос о правовой природе данного института, о правомерности его существования, с учетом Законов № 263-ФЗ, 287-ФЗ и 425-ФЗ.

Диссонанс заключается в следующем. Элементы и правовые институты, формирующие задолженность, определены НК РФ. В результате введения Закона № 287-ФЗ структура задолженности дополнена новыми элементами – суммы, не учитываемые в совокупной обязанности, в соответствии с пп. 10 и 10.1 п. 5, пп. 2–3, 4, 5 и 6 п. 7 ст. 11.3 НК РФ. Структура совокупной обязанности осталась неизменной. Полагаем возможным определить ее как «спорная или условная» задолженность, не учитываемая в совокупной обязанности при определении ее размера, более верное название – начисления налога, с учетом ст. 52 НК РФ. Пункт 5 ст. 11.3 НК РФ определяет, что совокупная обязанность формируется и подлежит учету на ЕНС лица, указанного в п. 4 ст. 11.3 НК РФ. Резюмируя, отметим: первоначально совокупная обязанность формируется с учетом ст. 52 НК РФ в виде начислений. Начисления станут недоимкой, структурным элементом задолженности после неуплаты налогов, к ним присоединится пеня с учетом ст. 75 НК РФ. Начисления перейдут в статус недоимки (задолженности на ЕНС) при отсутствии спора с налоговым органом. При возникновении спора все начисления (законодатель их определяет задолженностью) не учитываются при определении размера совокупной обязанности.

Считаем, что задолженность, не включенная в совокупную обязанность, является полноценным исключением и носит условный характер (как «условная, приостановленная задолженность»), она влияет на размер совокупной обязанности (первоначально при определении она учитывается (в налоговом уведомлении) и в последующем отражается на ЕНС в случае правомерности взыскания в суде).

Принимая во внимание изложенное, в силу Закона № 287-ФЗ налоговые органы смогут взыскать не только бесспорную задолженность, формирующую отрицательное сальдо ЕНС, но и спорную, исключенную из совокупной обязанности. В связи с чем у налогоплательщиков возникнет недопонимание, что с него взыскивается, поскольку НК РФ не регламентирует данные вопросы, учитывая структуру действующей совокупной обязанности в контексте введенных цифровых решений. Частью 7 ст. 11.3 НК РФ установлено пять категорий сумм, не учитываемых при определении совокупной обязанности, вызывающих вопросы при толковании норм права и требующих особого научного осмысления.

Исследуя вопрос правовой природы оспариваемой задолженности, можно выделить такие характеризующие ее признаки, как исключительность и условность, сформулировав ее как «условная», так как фактически она не входит в совокупную обязанность при наличии спора с налогоплательщиком, но в действительности может повлиять на текущий баланс сальдо ЕНС на основании судебного акта в последующем. После вступления в силу Законов № 287-ФЗ и 425-ФЗ проблема правовой природы задолженности, не включенной в совокупную обязанность, обострилась в связи с изменением порядка ее взыскания с 1 ноября 2025 г. Детализировать все суммы задолженностей, образовавшихся на сальдо ЕНС, можно справкой по КНД 1160082, утвержденной Приказом ФНС России от 5 ноября 2024 г. № ЕД-7-8/987@⁵. Тем не менее мы убеждены, что недосказанность в части содержания долга должна быть урегулирована НК РФ. Существующее противоречие демонстрирует отсутствие полного содержания «условной задолженности», вводит в заблуждение правоприменителя, подтверждая необходимость внесения соответствующих изменений в НК РФ.

Одним из важнейших шагов в этом направлении стало принятие Закона № 425-ФЗ, уточнившего положения о задолженности, подлежащей на время исключению из совокупной обязанности. Несмотря на необходимость более глобальных изменений в

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

НК РФ, Закон № 425-ФЗ показывает положительную тенденцию, свидетельствующую о верных намерениях законодателя расширить понимание правовой природы «условной задолженности», не останавливаясь на достигнутом.

Исследование нового цифрового феномена «условной задолженности» показало, что проблема заключается не только в вопросе транспарентности правовой природы, но и в неуместном использовании термина «задолженность» при ее описании. Поскольку исходя из положений НК РФ при образовании задолженности – отрицательного сальдо ЕНС с 1 ноября 2025 г. налоговым органом в соответствии со ст. 70 НК РФ в трехмесячный срок направляется требование, содержащее всю необходимую информацию о задолженности. Должник, не исполнивший требование и не возразивший в установленном порядке, получает от налогового органа решение о взыскании, после чего оно размещается в реестре и затем идет взыскание. Из анализа положений ст. 46, 69, 70 и 76 НК РФ не следуют исключения относительно «спорной» задолженности, что представляется нецелесообразным и необоснованным при правоприменении. Полагаем важным дополнить ст. 69 и 70 НК РФ положением, что при наличии спора с налогоплательщиком в рамках установленной процедуры требование не выставляется и не применяются положения ст. 46 и 76 НК РФ.

Обращаем внимание, что выставление требования по ст. 70 НК РФ свидетельствует о наличии задолженности, в обязательном порядке входящей в совокупную обязанность, что моментально отражается в сальдо ЕНС. В свою очередь, «условная задолженность» в силу Закона № 287-ФЗ к ней не относится и является спорной, пока суд не решит ее судьбу (установив, что это задолженность, а до этого – это совокупная обязанность в виде начислений налога). В действительности она может оказаться и не задолженностью (после суда). Считаем неверным именовать ее как задолженность с правовой точки зрения.

Важно указать, что новые цифровые механизмы позволяют налоговым органам искусственно приостанавливать процесс формирования и влияния условного долга на совокупную обязанность на ЕНС, ведь только после вступления в силу решения суда признак условности спорной задолженности уйдет и она будет включена в совокупную обязанность и отразится на сальдо ЕНС в виде задолженности, приводящей к отрицательным значениям. До окончания судебного спора задолженность не будет влиять на сальдо ЕНС, что является положительным и конструктивным для налогоплательщиков нововведением. Убеждены, что

технические возможности не должны опережать действующее правовое регулирование, тем более создавать проблемы в правоприменении.

Анализ вышеизложенного свидетельствует, что цифровизация налоговых правоотношений привела к появлению новых категорий, форм и видов задолженностей, не всегда однозначно квалифицируемых как совокупная обязанность. Полагаем, что для обеспечения правовой определенности в части урегулирования спорной задолженности необходимо четко сформулировать критерии отнесения такой задолженности к элементам совокупной обязанности, учитывая положения ст. 11.3 НК РФ, прописав для нее исключения, учитывая такие механизмы, как ЕНС и ЕНП.

Инновационные изменения системы уплаты налоговых платежей свидетельствуют о неполноте действующего правового регулирования. Представляется целесообразным законодателю совместно с профильными органами разработать нововведения, описывающие не только причины исключения, перечисленные в ч. 7 ст. 11.3 НК РФ, категорий задолженностей, но и подробно регламентировать их содержание в структуре совокупной обязанности в целях единообразного правопонимания, ее специфики, правовой природы и минимизации последствий, связанных с переходом сальдо ЕНС в отрицательное значение. Представляется целесообразным законодателю пересмотреть терминологию существования задолженности, не включенной в совокупную обязанность, поскольку последняя не может рассматриваться на законных основаниях в качестве долга до ее признания судебным органом, в связи с чем предлагается рассмотреть возможность ее именованья как начисления налога, чем сам же законодатель и оперирует в Законе № 287-ФЗ для включения ее в совокупную обязанность.

3. Новый принудительный (судебный) порядок взыскания задолженности, не включенной в совокупную обязанность физического лица

Анализ положений НК РФ свидетельствует, что при наличии оспариваемой задолженности у физического лица налоговый орган обращается в суд для взыскания в сроки и порядке, перечисленные в п. 10 ст. 48 НК РФ: в течение 6 месяцев с учетом пяти случаев, при соблюдении условий и оснований, перечисленных в п. 8 и 10 ст. 48 НК РФ. Требование об уплате задолженности не выставляется, поскольку задолженность является спорной, пеня не считается, корректировка сальдо ЕНС и полный его расчет будет произведен после суда при удовлетворении иска, учитывая актуальное сальдо ЕНС налогоплательщика.

Описывая реализацию нового порядка взыскания, необходимо заметить, что с 1 ноября 2025 г. у налогоплательщика появилась возможность возразить инспекции в досудебном порядке путем заявления о перерасчете⁶ либо в форме жалобы или уведомления о несогласии с решением вышестоящего налогового органа. Для переходного периода законодателем предусмотрены гарантии для налогоплательщиков при взыскании задолженности, сформированной на 1 ноября 2025 г., согласно положениям ст. 3 Закона № 287-ФЗ.

Таким образом, алгоритм действий налогового органа и налогоплательщика при оспаривании задолженности будет следующим. Получив уведомление (ст. 52 НК РФ), налогоплательщик может реализовать право на перерасчет, получив в последующем решение – о перерасчете или отказе. При несогласии с ним, лицо может подать жалобу в течение 30 дней (пп. 1 п. 8 ст. 48 НК РФ) со дня сообщения об отказе в перерасчете, в случае пропуска срока приложить ходатайство о его восстановлении (по результатам которого налоговый орган обязан вынести решение не позднее трех дней). Обращаем внимание, что законодатель в пп. 1 п. 8 ст. 48 НК РФ не уточняет, какую жалобу может подать налогоплательщик – в рамках положений ст. 139 НК РФ или в рамках ст. 140.1 НК РФ, устанавливая в ст. 48 НК РФ индивидуальный срок для обжалования – 30 дней, отличный от общего срока обжалования – 1 год в гл. 19 НК РФ, фактически вводя новый вид и предмет жалобы. Учитывая перечисленные новые предметы жалобы на основании гл. 19 и 20 НК РФ, следует говорить о возможности подачи общей жалобы в течение 1 года либо в течение 30 дней, как указано пп. 1 п. 8 ст. 48 НК РФ, что свидетельствует о несогласованности, противоречиях в законодательстве при реформировании принудительного порядка взыскания. Описанное однозначно вызовет путаницу и вопросы, какой способ защиты выбрать, какую жалобу подать. Полагаем недопустимым оставить это без внимания, потому что фактически пп. 1 п. 8 ст. 48 НК РФ введен новый вид жалобы, с новым сроком, не установленным положениями гл. 19 и 20 НК РФ.

Анализ положений пп. 2 п. 8 ст. 48 НК РФ еще больше может запутать налогоплательщика, поскольку допускает подачу жалобы (апелляционной жалобы) по результатам налоговой проверки, в том числе решения об отмене решения о предоставлении налогового вычета полностью или частично, не

указывая сроки для обжалования. Полагаем, что фактически законодатель использует действующий механизм защиты прав налогоплательщика (апелляционную или общую жалобу без соответствующих ссылок на гл. 19 и 20 НК РФ) и не персонифицирует основания. Важно понимать, что отсутствие отдельных сроков в пп. 2 п. 8 ст. 48 НК РФ для обжалования говорит о необходимости руководствоваться общими положениями гл. 19 и 20 НК РФ, соответственно – о праве и возможности подачи как апелляционной жалобы (в течение 1 месяца), так и общей жалобы в течение 1 года, с запретом подачи легкой жалобы в упрощенном порядке (ст. 140.1 НК РФ). Описанное однозначно вызовет сложности в правоприменении у налогоплательщиков.

Следовательно, при наличии спора с налоговым органом, с учетом положений п. 8 ст. 48 НК РФ для применения мер взыскания в отношении спорной задолженности, необходимо разделять отдельные виды жалоб и определенную процедуру и сроки обращения в суд для соблюдения досудебного порядка урегулирования спора. Налоговый орган при наличии спора с налогоплательщиком о сумме задолженности, не учитываемой в совокупной обязанности, не имеет право осуществлять ее взыскание в бесспорном, принудительном порядке, а обязан обратиться в суд с административным иском, как требуют п. 8 и 10 ст. 48 НК РФ при строгом соблюдении положений гл. 32 Кодекса об административном судопроизводстве РФ.

Среди законодательных новелл в части принудительного порядка взыскания в отношении физических лиц следует указать положения п. 10 ст. 48 НК РФ. Так, в случаях, предусмотренных п. 8 ст. 48 НК РФ, налоговый орган обращается в суд с административным иском заявлением о взыскании задолженности в течение шести месяцев с учетом пяти случаев, перечисленных в п. 10 ст. 48 НК РФ (отсчет ведется от новых документов, введенных положениями ст. 48 НК РФ), служащих досудебным порядком урегулирования налогового спора:

1. Налоговый орган обращается в суд в течение шести месяцев после вынесения решения по жалобе (в части перерасчета по налоговому уведомлению) либо со дня принятия решения по жалобе на уведомление о несогласии с решением вышестоящего налогового органа, при условии, что размер задолженности превышает три тысячи рублей.

⁶ Формы документов утвердил Приказ ФНС России от 3 сентября 2024 г. № ЕД-7-21/697@.

2. Налоговый орган обращается в суд в течение шести месяцев после вынесения решения по жалобе (апелляционной жалобе) по результатам налоговой проверки, в том числе решения о предоставлении налогового вычета полностью или частично, при условии, что размер задолженности превышает три тысячи рублей.

3. Со дня превышения общей суммы задолженности, подлежащей взысканию в судебном порядке, трех тысяч рублей. Указанный случай касается перечисленных выше двух случаев, когда сумма общей задолженности, подлежащей взысканию в судебном порядке, превысила три тысячи рублей.

4. При условиях первого случая с тем отличием, что обращаться возможно через три года с наиболее ранней даты вынесения решения по жалобе или уведомления о несогласии, при условии, что общая сумма задолженности не превысила три тысячи рублей.

5. При условиях второго случая, предусматривая обращение в суд только по истечении трех лет с наиболее ранней даты вынесения налоговым органом решения, при условии, что общая сумма задолженности не превысила три тысячи рублей.

Следует заметить, что целесообразность введения случаев 4 и 5 для обращения в суд представляется весьма спорной, поскольку при наличии разногласий с налоговым органом, спора о праве, необходимо будет только через три года обратиться в суд в случае, если сумма задолженности не превысит три тысячи рублей. Сокращая судебные расходы и издержки, чтобы не обращаться с суммами до трех тысяч рублей, представляется весьма сомнительным трехлетнее ожидание перед обращением в суд при налоговом споре – насколько оправданными и актуальными будут к тому моменту разногласия и насколько эффективным будет разрешение налогового спора?

4. Выводы

Анализ вышеизложенного показал, что при наличии спора физическое лицо имеет определен-

ные гарантии защиты, так как задолженность выведена из ЕНС, но она есть в совокупной обязанности. Если имеет место спор, налоговый орган не имеет право применять новый бесспорный порядок взыскания, установленный ст. 48 и 76 НК РФ. Он обязан реализовать новый судебный порядок, действующий с 1 ноября 2025 г. Поскольку задолженность не будет учитываться в совокупной обязанности и не будет являться таковой с учетом ст. 11 НК РФ, не формируя отрицательное сальдо ЕНС, отсутствуя в совокупной обязанности на ЕНС, являющейся приостановленной ко взысканию. На нее невозможно выставить требование об уплате задолженности с учетом положения ст. 69 и 70 НК РФ, поскольку в действительности задолженность отсутствует на ЕНС и не отразилась в сальдо ЕНС. Анализ положений ст. 11 НК РФ с введением Закона № 287-ФЗ показал, что какие-либо изменения в ст. 11 и 11.3 НК РФ отсутствуют, понятие задолженности (учитывая изменение ее элементного состава), понятие совокупной обязанности, их поэлементный состав остался неизменным, за исключением оговорки, что при определении размера совокупной обязанности не учитываются отдельные суммы (пп. 3.1–3.4 п. 7 ст. 11.3 НК РФ)⁷. Мы убеждены в необходимости системного подхода к совершенствованию исследуемого института, имеющего комплексный характер [27]. Выявленные закономерности и практические рекомендации ориентированы на повышение эффективности налогового администрирования в условиях динамично развивающейся цифровой среды в налоговых правоотношениях. Видится перспективной корректировка действующего законодательства Российской Федерации на данном этапе развития с учетом проведенного научного исследования. Полагаем, что законодатель обратит внимание на недостатки, описанные выше, и на ряд новаторских аспектов для надлежащего их правоприменения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tsindeliani I. Tax System of the Russian Federation: Current State and Steps towards Financial Sustainability / I. Tsindeliani, S. Kot, E. Vasilyeva, L. Narinyan // Sustainability. – 2019. – Vol. 11, Iss. 24. – Art. 6994. – DOI: 10.3390/su11246994.

2. Финансовое право в условиях развития цифровой экономики : моногр. / под ред. И. А. Цинделиани. – М. : Проспект, 2019. – 510 с.

⁷ Пункт 7 ст. 11.3 НК РФ дополнен пп. 3.1–3.4 с 1 ноября 2025 г. Законом № 287-ФЗ.

3. Цинделиани И. А. Исполнение совокупной налоговой обязанности / И. А. Цинделиани, Е. Г. Васильева // *Публичное право сегодня*. – 2024. – № 4 (22). – С. 84–102.
4. Цинделиани И. А. Совокупная обязанность в системе налогового права России / И. А. Цинделиани, Е. Г. Васильева // *Вестник Московского университета. Серия 26. Государственный аудит*. – 2025. – № 2. – С. 21–37.
5. Васильева Е. Г. Совокупная обязанность налогоплательщика: новая система учета, механизм расчета с бюджетом / Е. Г. Васильева // *Публично-правовое обозрение*. – 2023. – № 1. – С. 61–65.
6. Васильева Е. Г. Единый налоговый счет, единый налоговый платеж как инновационная модель исполнения совокупной налоговой обязанности / Е. Г. Васильева // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. – 2023. – № 4 (259). – С. 101–112. – DOI: 10.24412/2072-4098-2023-4259-101-112.
7. Васильева Е. Г. ЕНС – инновационный механизм исполнения совокупной обязанности при расчетах с бюджетом / Е. Г. Васильева, А. О. Поддубный // *Ученые записки юридического факультета*. – 2023. – № 1. – С. 14–18.
8. Васильева Е. Г. Единый налоговый счет – инновационная модель исполнения совокупной налоговой обязанности в налоговом администрировании / Е. Г. Васильева // *Государство и право России в современном мире : сб. докл. XII Моск. юрид. недели : в 5 ч. – М. : Издат. центр Ун-та им. О.Е. Кутафина, 2023. – Ч. 2. – С. 198–203.*
9. Васильева Е. Г. Единый налоговый платеж (ЕНП) и единый налоговый счет (ЕНС) – инновационные подходы в трансформации налоговых правоотношений в условиях развития цифровой экономики / Е. Г. Васильева // *Система финансового права в условиях цифровой трансформации экономических отношений: доктрина и правовая реальность : материалы Междунар. науч.-практ. конф. к 100-летию Верхов. Суда Рос. Федерации*. – М. : РГУП, 2023. – С. 52–63.
10. Васильева Е. Г. Единый налоговый счет – инновационная концепция в налоговом администрировании / Е. Г. Васильева // *Налоговое право России в условиях формирования цифровой экономики: современное состояние и перспективы развития : материалы Всерос. науч.-практ. конф.* – М. : РГУП, 2023. – С. 14–21.
11. Васильева Е. Г. Цифровое налоговое администрирование / Е. Г. Васильева // *Безопасность бизнеса*. – 2025. – № 3. – С. 33–36. – DOI: 10.18572/2072-3644-2025-3-33-36.
12. Лютова О. И. Система налогового права в условиях цифровизации: проблемы и перспективы / О. И. Лютова // *Правоприменение*. – 2024. – Т. 8, № 1. – С. 64–72. – DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(1).64-72.
13. Лютова О. И. Классификация налоговых обязанностей: развитие в условиях цифровизации / О. И. Лютова // *Актуальные проблемы российского права*. – 2024. – Т. 19, № 5. – С. 11–17. – DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.011-017.
14. Павленко С. П. Правовая природа положительного сальдо ЕНС и его влияние на начисление пеней и применение мер ответственности / С. П. Павленко // *Налоговед.* – 2024. – № 3. – С. 16–23.
15. Нестеренко Н. П. Положительное сальдо ЕНС / Н. П. Нестеренко // *Бюджетный учет*. – 2025. – № 11 (251). – С. 22–25.
16. Савсерис С. В. Споры об отказе в возврате сальдо ЕНС: тень невыученных уроков / С. В. Савсерис // *Налоговед.* – 2025. – № 3 (255). – С. 43–49.
17. Круглова К. И. Преимущества и недостатки ЕНП / К. И. Круглова, А. А. Суслова // *Учет, анализ и аудит: проблемы теории и практики*. – 2023. – № 30. – С. 75–79.
18. Колесниченко О. В. Налоговое право : учеб. пособие / О. В. Колесниченко. – М. : РИОР : ИНФРА-М, 2025. – 206 с.
19. *Налоговое право : учеб. для сред. проф. образования / под ред. Е. Ю. Грачевой, О. В. Болтиновой*. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 152 с.
20. Жутаев А. С. *Налоговое право : учеб. / А. С. Жутаев ; отв. ред. Е. В. Покачалова*. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 240 с.
21. Арзуманова Л. Л. *Налоговое право: общая часть : практикум / Л. Л. Арзуманова*. – М. : НОРМА : ИНФРА-М, 2023. – 52 с.
22. *Налоговое право (общая часть) : в схемах и табл. : учеб. пособие для бакалавриата / под ред. Е. Ю. Грачевой, Л. Л. Арзумановой*. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 36 с.
23. Белогорцева Х. В. *Налоговое право : практикум / Х. В. Белогорцева*. – Иваново : ПресСто, 2023. – 80 с.
24. Булгакова Л. С. *Налоговое право : в определениях, табл. и схемах : учеб. пособие / Л. С. Булгакова*. – СПб., 2023. – 45 с.

25. Финансовое право : учеб. / отв. ред. И. В. Рукавишникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 648 с.
26. Крохина Ю. А. Финансовое право России : учеб. / Ю. А. Крохина. – 6-е изд., перераб. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. – 568 с.
27. Цинделиани И. А. Современный механизм принудительного взыскания верифицированной суммы отрицательного сальдо ЕНС с налогоплательщиков – физических лиц / И. А. Цинделиани, Е. Г. Васильева // Российское правосудие. – 2025. – № 9. – С. 34–44. – DOI: 10.37399/issn2072-909X.2025.9.34-44.

REFERENCES

1. Tsindeliani I., Kot S., Vasilyeva E., Narinyan L. Tax System of the Russian Federation: Current State and Steps towards Financial Sustainability. *Sustainability*, 2019, Vol. 11, iss. 24, art. 6994. DOI: 10.3390/su11246994.
2. Tsindeliani I.A. (ed.). *Financial Law in the Context of the Developing Digital Economy*, Monograph. Moscow, Prospekt Publ., 2019. 510 p. (In Russ.).
3. Tsindeliani I.A., Vasilyeva E.G. Execution of the total tax obligation. *Publichnoe pravo segodnya = Public law today*, 2024, no. 4 (22), pp. 84–102. (In Russ.).
4. Tsindeliani I.A., Vasilyeva E.G. Aggregate liability in the Russian tax law system. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 26. Gosudarstvennyi audit = Bulletin of Moscow University. Series 26. State Audit*, 2025, no. 2, pp. 21–37. (In Russ.).
5. Vasilyeva E.G. The total obligation of the taxpayer: a new accounting system, a mechanism for calculating the budget. *Publichno-pravovoe obozrenie = Public law review*, 2023, no. 1, pp. 61–65. (In Russ.).
6. Vasilyeva E.G. Single tax account, single tax payment as an innovative model for execution of a total tax obligation. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*, 2023, no. 4 (259), pp. 101–112. DOI: 10.24412/2072-4098-2023-4259-101-112. (In Russ.).
7. Vasilyeva E.G., Poddunyy A.O. ENS [sic!] is an innovative mechanism for the performance of aggregate duties in calculations with the budget. *Uchenye zapiski yuridicheskogo fakul'teta*, 2023, no. 1, pp. 14–18. (In Russ.).
8. Vasil'eva E.G. Single tax account – an innovative model for fulfilling the aggregate tax liability in tax administration, in: *Gosudarstvo i pravo Rossii v sovremennom mire*, Collection of reports of the XII Moscow Legal Week, in 5 parts, Moscow, Kutafin Moscow State Law University Publ., 2023, pt. 2, pp. 198–203. (In Russ.).
9. Vasilyeva E.G. ENP and ENTS [sic!] - innovative approaches to transformation of tax relationships in the conditions of the development of the digital economy, in: *Sistema finansovogo prava v usloviyakh tsifrovoi transformatsii ekonomicheskikh otnoshenii: doktrina i pravovaya real'nost'*, Proceedings of the International scientific and practical conference, On the 100th anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation, Moscow, Russian State University of Justice Publ., 2023, pp. 52–63. (In Russ.).
10. Vasilyeva E.G. Single tax account – an innovative concept in tax administration, in: *Nalogovoe pravo Rossii v usloviyakh formirovaniya tsifrovoi ekonomiki: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya*, Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Moscow, Russian State University of Justice Publ, 2023, pp. 14–21. (In Russ.).
11. Vasilyeva E.G. Digital tax administration. *Bezopasnost' biznesa = Business Security*, 2025, no. 3, pp. 33–36. DOI: 10.18572/2072-3644-2025-3-33-36. (In Russ.).
12. Lyutova O.I. Tax law system in the context of digitalization: problems and prospects. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2024, vol. 8, no. 1, pp. 64–72. DOI: 10.52468/2542-1514.2024.8(1).64-72.
13. Lyutova O.I. Tax Responsibilities Classification: Development in the context of Digitalization. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2024, vol. 19, no. 5, pp. 11–17. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.162.5.011-017. (In Russ.).
14. Pavlenko S.P. Legal nature of a positive balance in the unified tax account and its effect on how default interest accrues and sanctions are imposed. *Nalogoved*, 2024, no. 3, pp. 16–23. (In Russ.).
15. Nesterenko N.P. Positive balance of the United Taxpayer Tax. *Byudzhetniy uchet*, 2025, no. 11 (251), pp. 22–25. (In Russ.).
16. Savseris S.V. Disputes concerning a refusal to return the balance of the unified tax account: a shadow of neglected homework. *Nalogoved*, 2025, no. 3 (255), pp. 43–49. (In Russ.).

17. Kruglova K.I., Suslova A.A. Advantages and disadvantages of a Single Tax Payment. *Uchet, analiz, audit: problemy teorii i praktiki*, 2023, no. 30, pp. 75–79. (In Russ.).
18. Kolesnichenko O.V. *Tax Law*, Teaching aid. Moscow, RIOR Publ., INFRA-M Publ., 2025. 206 p. (In Russ.).
19. Gracheva E.Yu., Boltinova O.V. (eds.). *Tax Law*, Textbook for Secondary Vocational Education. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2024. 152 p. (In Russ.).
20. Zhutaev A.S. *Tax Law*, Textbook, ed. by E.V. Pokachalova. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2024. 240 p. (In Russ.).
21. Arzumanova L.L. *Tax Law: General Part*, Educational aid. Moscow, Norma-M Publ., 2023. 52 p. (In Russ.).
22. Gracheva E.Yu., Arzumanova L.L. (eds.). *Tax Law (General Part)*, in Diagrams and Tables, Teaching aid for Bachelor's Degree Students. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2024. 36 p. (In Russ.).
23. Belogortseva H.V. *Tax Law*, Educational aid. Ivanovo, PressSto Publ., 2023. 80 p. (In Russ.).
24. Bulgakova L.S. *Tax Law*, in Definitions, Tables, and Diagrams, Teaching aid. St. Petersburg, 2023. 45 p. (In Russ.).
25. Rukavishnikova I.V. (ed.). *Financial Law*, Textbook, 3rd ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2025. 648 p. (In Russ.).
26. Krokhina Yu.A. *Financial Law of Russia*, Textbook, 6th ed. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2025. 568 p. (In Russ.).
27. Tsindeliani I.A., Vasilyeva E.G. The modern mechanism for the compulsory enforcement of recovery of a verified negative balance amount on the unified tax account from individual taxpayers. *Rossiiskoe pravosudie = Russian Justice*, 2025, no. 9, pp. 34–44. DOI: 10.37399/issn2072-909X.2025.9.34-44. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Цинделиани Имеда Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой финансового права
Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
117418, Россия, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, 69
E-mail: imeda_pravo@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3975-2958
SPIN-код РИНЦ: 1875-9506; AuthorID: 629680

Васильева Евгения Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного, финансового права и экономики
Северо-Кавказский филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
350020, Россия, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 234
E-mail: vasilyeva_e80@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0461-921X
SPIN-код РИНЦ: 8697-0727; AuthorID: 225753

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Цинделиани И.А. Взыскание задолженности, не учитываемой в совокупной обязанности налогоплательщика – физического лица / И.А. Цинделиани, Е.Г. Васильева // *Правоприменение*. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 64–73. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).64-73.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Imeda A. Tsindeliani – PhD in Law, Associate Professor; Head, Department of Financial Law
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
69, Novocheremushkinskaya ul., Moscow, 117418, Russia
E-mail: imeda_pravo@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3975-2958
RSCI SPIN-code: 1875-9506; AuthorID: 629680

Evgeniya G. Vasilyeva – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Administrative, Financial Law, and Economics
North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev
234, Krasnykh partizan ul., Krasnodar, 350020, Russia
E-mail: vasilyeva_e80@mail.ru
ORCID: 0000-0002-0461-921X
RSCI SPIN-code: 8697-0727; AuthorID: 225753

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tsindeliani I.A., Vasilyeva E.G. Collection of debts, not considered in the total obligation of a taxpayer – an individual. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 64–73. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).64-73. (In Russ.).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИСКАЛИЗАЦИИ РАСЧЕТОВ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ НАЛОГОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ*

А.А. Батарин^{1,2}

¹ Федеральная налоговая служба, г. Москва, Россия

² Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

30 мая 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Расчеты, фискализация, контрольно-кассовая техника, налоговая дисциплина, гражданский контроль, налоговая ответственность

Рассмотрена система фискализации расчетов с применением контрольно-кассовой техники в Республике Узбекистан. Выявлена неопределенность правового регулирования данной сферы, создающая почву для уклонения от налогообложения. В результате обозначены точки роста повышения уровня налоговой дисциплины за счет совершенствования правового поля (в условиях существования узкого подхода к пониманию обязанности применения контрольно-кассовой техники): демаркация сферы фискализации, пересмотр системы налоговых штрафов и введение новых видов санкций и обеспечительных мер к нарушителям, улучшение системы мотивации гражданского контроля.

IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF FISCALIZATION OF SETTLEMENTS IN THE REPUBLIC OF UZBEKISTAN AS A FACTOR IN INCREASING THE LEVEL OF TAX DISCIPLINE**

Aleksei A. Batarin^{1,2}

¹ Federal Tax Service of Russia, Moscow, Russia

² Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, Moscow, Russia

Article info

Received –

2025 May 30

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

Keywords

Calculations, fiscalization, cash register equipment, tax discipline, civil control, tax liability

Subject. The article considers the system of fiscalization of settlements using cash registers in the Republic of Uzbekistan. It is stated that the uncertainty of the legal regulation of this area creates the basis for tax evasion. As a result, the author identifies growth points for increasing the level of tax discipline by improving the legal framework: demarcation of the sphere of fiscalization, revision of the system of tax penalties and the introduction of new types of sanctions and interim measures against violators, improvement of the motivation system of civil control.

The purpose of the study. The purpose of the article is to develop regulatory proposals to eliminate legal uncertainty in the field of fiscalization of settlements in the Republic of Uzbekistan in order to increase the level of tax security of the country.

Methodology. The formal legal and comparative legal methods have been used in the course of the study.

* Статья подготовлена по материалам отчета «Подготовка рекомендаций по разработке налоговой политики Республики Узбекистан на среднесрочную перспективу в целях увеличения налоговых доходов бюджета и повышения прозрачности бизнеса», НИФИ Минфина России, 2025.

** The article is based on the materials of the report “Preparation of recommendations for the development of tax policy of the Republic of Uzbekistan for the medium term in order to increase budget tax revenues and increase business transparency”, Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation, 2025.

Conclusions. In the course of the research, the author has prepared a number of proposals to improve the legal mechanism of fiscalization of settlements in the Republic of Uzbekistan.

1. Введение

Общепринятым фактом на сегодняшний день является признание за налоговыми процедурами обеспечения баланса фискальных интересов публичной власти, с одной стороны, и имущественных интересов собственников денежных средств, с другой стороны [1, с. 13–14]. В этой связи ценностью цифрового развития налогового администрирования является то, что оно позволяет эффективно бороться с уклонением от налогов, повышает определенность налоговых правил, обеспечивает большую устойчивость государственных финансов с минимальными издержками на администрирование. Со стороны бизнеса цифровизация процессов расчета и уплаты налогов повышает прозрачность управленческих процессов компаний, снижает издержки ведения бизнеса, связанные с соблюдением законодательства, и риски привлечения к налоговой ответственности [2, с. 10].

Вопросы цифровизации налогового администрирования и налоговой системы государства не раз были предметом рассмотрения современных ученых как юридической [3–8], так и экономической направленности [9–18], в том числе в отношении государств Средней Азии [19–21]. Однако отдельное внимание фискализации расчетов современными методами налогового администрирования, а именно с помощью контрольно-кассовой техники (далее – ККТ), практически не уделялось. Вместе с тем последнее является одним из ключевых направлений цифровизации налоговых процедур, обеспечивающих налоговую дисциплину.

В Республике Узбекистан (далее также – РУз) среди основных нормативных правовых актов, касающихся вопросов применения ККТ, стоит отметить следующие:

1) Налоговый кодекс (далее – НК) РУз¹;

2) Постановление Президента РУз от 4 октября 2021 г. № ПП-5252 «О мерах по внедрению современных информационных технологий в систему расчетов в сфере торговли и оказания услуг, а также уси-

лению общественного контроля в данной сфере» (далее – Постановление № ПП-5252)²;

3) Указ Президента РУз от 6 сентября 2019 г. № УП-5813 «О дополнительных мерах по совершенствованию использования контрольно-кассовой техники в сфере розничной торговли и оказания услуг» (далее – Указ № УП-5813)³;

4) Постановление Кабинета Министров РУз от 23 ноября 2019 г. № 943 «О мерах по обеспечению использования онлайн-касс и виртуальных касс» (далее – Постановление № 943)⁴.

Несмотря на высокий с точки зрения юридической силы уровень нормативного правового регулирования, ключевые вопросы и положения о применении ККТ сохраняют достаточную степень неопределенности.

В целях повышения уровня налоговой дисциплины важна доработка правового регулирования сферы фискализации расчетов по нижеприведенным направлениям.

2. Демаркация сферы фискализации расчетов

Действующая редакция НК РУз не содержит прямого указания на обязанность налогоплательщика применять ККТ, что является явным упущением законодателя. На такую обязанность косвенно лишь указывают отдельные положения НК РУз.

В частности, абз. четвертым ст. 22 НК РУз отмечается, что налогоплательщик обязан «при реализации товаров (услуг) предоставлять покупателю счета-фактуры, чеки или другие приравненные к ним документы». Хотя и здесь явствует неопределенность: о каких чеках идет речь – о кассовых чеках, которые формируются на ККТ? Но даже если речь су- губо о них (хотя это положение спорно, так как в иных статьях НК РУз говорится именно про «кассовые чеки»), то содержание нормы свидетельствует о равноправном положении чеков и иных документов. Таким образом, ставится под вопрос обязанность применения ККТ при реализации товаров (услуг): чек может быть заменен каким-либо иным документом, формирование которого не требует применения

¹ URL: <https://lex.uz/docs/4674893> (дата обращения: 25.05.2025).

² URL: <https://lex.uz/docs/5665877> (дата обращения: 25.05.2025).

³ URL: <https://lex.uz/docs/4502384> (дата обращения: 25.05.2025).

⁴ URL: <https://lex.uz/docs/4603340> (дата обращения: 25.05.2025).

ККТ, и, следовательно, ККТ при таком расчете может не применяться? Именно подобная логическая цепочка будет обосновываться недобросовестным налогоплательщиком в суде.

Упоминание на необходимость применения ККТ содержится в абз. третьем ст. 139 НК РУз в части возможности проверки ее применения в рамках выездной налоговой проверки. Также на это указывает налоговая ответственность за неприменение ККТ в виде санкций, предусмотренных ст. 221 НК РУз (специализированная) и отдельными положениями ст. 223 НК РУз.

Однако и подзаконные акты не содержат в себе прямого указания на основополагающую обязанность применения ККТ и, что не менее важно, контур сферы фискализации. Соответствующие выводы можно сделать лишь из совокупности положений Постановления № 943 и утвержденного им Порядка применения онлайн-ККТ, согласно п. 3 которого установлена обязанность хозяйствующих субъектов при работе с наличными деньгами в установленный срок перейти на использование ККТ. Данный срок установлен Указом № УП-5813, в котором соответствующий график называется «график поэтапного перевода субъектов предпринимательства, имеющих *наличную выручку*, на использование онлайн-контрольно-кассовых машин либо виртуальной кассы», так как маркером является именно наличная выручка, хотя в самом тексте Указа № УП-5813 констатируется внедрение наряду с онлайн-ККТ платформы обмена данными (виртуальных касс) с функцией передачи онлайн органам государственной налоговой службы данных о расчетах с населением через торговые точки (точки оказания услуг) *в наличной форме и (или) посредством банковских карт*. Можно ли в таких условиях предполагать отсутствие обязанности применять ККТ, если наличные расчеты с населением не осуществляются налогоплательщиком? При этом согласно Постановлению № 943 под расчетом следует понимать информацию о поступлении или выплате денежных средств с использованием наличных денежных средств и (или) электронных средств платежа за реализованные товары (выполненные работы, оказанные услуги).

Согласно абз. первому ст. 34 Закона РУз от 1 ноября 2019 г. № ЗРУ-578 «О платежах и платежных системах»⁵ под электронным средством платежа (далее – ЭСП) понимается банковская карта или иной

электронный носитель, позволяющий плательщику осуществлять платеж и производить иные операции. Следовательно, в условиях нормативной неопределенности можно прийти к выводу что в Республике Узбекистан ККТ применяется при осуществлении наличных расчетов или расчетов с использованием ЭСП всеми субъектами предпринимательства, т. е. всеми организациями и индивидуальными предпринимателями. Физические лица не относятся к таким субъектам в силу абз. второго ст. 31 НК РУз. В этой связи целесообразно привести нормативные правовые акты Республики Узбекистан к единому определению: при каких действиях налогоплательщик обязан применять ККТ, для чего предлагается в качестве основного термина использовать термин «расчет», а обязанность применения ККТ увязать именно с осуществлением такого расчета. В таком случае в нормативных правовых актах отпадет необходимость описания операции (наличными деньгами оплачиваются товары или электронными деньгами либо каким-либо иным образом). Это же позволит оперативно вносить изменения в части расширения (сужения) сферы фискализации. Также указанное огорождает налоговые органы от претензий и исков относительно оспаривания привлечения к налоговой ответственности за неприменение ККТ под предлогом, например, использования ЭСП лишь на одном этапе расчета, который не будет являться единственным этапом. Хотя и такой подход применения термина «использование электронного средства платежа» является объективно спорным, но регулирование вопроса: что есть ЭСП? – всё же находится в сфере банковского законодательства, и действующие правовые конструкции однозначно не дают четкого определения применению ЭСП: является ли расчет с использованием ЭСП таковым, если в цепочке от покупателя к продавцу участвуют безналичные расчеты без его применения, либо конечное получение вовсе происходит наличными деньгами и т. д.

Тем более, что не обосновано на сегодняшний день предоставление преимущества в виде освобождения от применения ККТ (с финансовыми и административными издержками) лиц, принимающих денежные средства, к примеру исключительно путем перевода на расчетный счет, перед лицами, принимающими оплату через POS-терминал. Иными словами, если цель применения ККТ – контроль

⁵ URL: <https://lex.uz/docs/4575788> (дата обращения: 25.05.2025).

учета выручки, то почему из двух налогоплательщиков, ведущих один и тот же вид бизнеса на одной и той же территории и в одних и тех же объемах, один обязан применять ККТ, так как в расчетах принимает к оплате банковские карты, а второй – вправе не применять ККТ, поскольку допускает оплату исключительно через расчетный счет (банковским переводом)?

Предлагаемое распространение фискализации на безналичные расчеты будет способствовать обелению рынка и выравниванию конкурентных условий, на что сейчас существует запрос бизнеса, в первую очередь интернет-торговли.

Юридическая техника в данном вопросе достаточно проста. Исходя из положений ст. 790 Гражданского кодекса РУз⁶ о существовании двух видов расчетов: наличных и безналичных, – все те расчеты, в которых не участвуют наличные деньги (с момента начала расчета до момента его завершения) являются безналичными. В этой связи в целях всеобщего охвата фискализацией денежных расчетов достаточно внести изменения в термин «расчеты», употребляемый в Постановлении № 943, заменив слова «электронных средств платежа» на «в безналичном порядке».

Предлагаемый подход предоставляет своеобразный правовой задел на будущее: появляющиеся новые способы оплаты автоматически будут подпадать под применение ККТ, являясь безналичными расчетами.

Кроме этого, отказ от уточнения способа производства расчета покупателя и продавца значительно облегчит бремя доказывания фактов неприменения ККТ, поскольку не потребует определения наличия или отсутствия использования ЭСП.

В целом в Республике Узбекистан нормативно-правовое регулирование сферы фискализации налоговых процедур требует не только изменений подходов к юридической технике в отдельных структурных единицах действующего правового регулирования, но и концептуального пересмотра соответствующих актов.

3. Ответственность в сфере применения ККТ

В Республике Узбекистан ответственность в сфере применения ККТ прямо предусмотрена ст. 221 НК РУз и отдельными положениями ст. 223 НК РУз. При рассмотрении данных норм вызывают непонимание различные размеры штрафов в случаях, если

не применяется ККТ – даже при ее наличии (штраф 5 млн сумов) – и применяется ККТ, не зарегистрированная в налоговых органах (штраф 7 млн сумов). В последнем случае информация о расчетах не поступает в налоговые органы ровно так же, как в случае отсутствия у налогоплательщика ККТ в принципе. Даже если более серьезный штраф установлен за применение незарегистрированной ККТ как сопряженное с обманом потребителя правонарушение, то и в этом случае важно соотносить сумму штрафа за использование ККТ, которая не соответствует техническим требованиям. На наш взгляд, такие обстоятельства, как нерегистрация в налоговых органах либо невключение в реестр, должны быть приравнены к отсутствию кассового аппарата.

Вместе с тем представляется чрезмерно высоким приравнивание невыдачи чека к собственно неприменению ККТ. Таким образом, требует дифференциации подход законодателя к штрафу за неприменение ККТ и невыдачу чека при условии применения ККТ, так как не во всех случаях чек не выдается только тогда, когда не применен сам кассовый аппарат.

Далее, НК РУз определяет использование ККТ, не соответствующей техническим требованиям, или с нарушением электронной программы обслуживания как противоправное поведение, штраф за которое в 3–4 раза превышает штраф за неприменение ККТ и составляет 20 млн сумов. На наш взгляд, данный состав налогового правонарушения также требует дифференциации в зависимости от последствий несоответствия техническим требованиям: приводит ли это к занижению выручки или, допустим, лишь неверно печатается адрес расчетов в чеке. Представляется, что такие последствия создают разные категории угроз для налоговой безопасности государства, что должно найти отражение в линейке штрафов.

Узбекский законодатель также выделяет в отдельный состав действия по незаконному внесению изменений в программу обслуживания фискальной памяти ККТ (ст. 223 НК РУз), приведших к сокрытию (занижению) налоговой базы. Санкция за такое действие составляет 20 % от сокрытой (заниженной) выручки. Вызывает вопрос соотношение данной санкции, равно как и состава правонарушения, с упомянутым ранее использованием ККТ, не соответствующей техническим требованиям, или с нарушением электронной программы обслуживания. В чем

⁶ URL: <https://lex.uz/docs/1180550> (дата обращения: 25.05.2025).

заключается различие между этими составами, когда в обоих случаях нарушен алгоритм работы программы обслуживания? Причем в одной ситуации виновное лицо понесет ответственность в виде штрафа 20 млн сумов, а в другой – всего 20 % от суммы налога лишь в зависимости от соответствующей квалификации налоговым органом. На наш взгляд, подобная неопределенность требует устранения.

Использование ККТ, не соответствующей техническим требованиям, или с нарушением электронного обслуживания также требует четкого разграничения с предусмотренным ст. 223 НК РУз некорректным отражением в чеках ККТ идентификационных кодов номенклатуры товаров (услуг), за которое законодатель установил санкцию в размере 1 % от стоимости реализованных товаров (услуг). Очевидно, что неверная печать идентификационных кодов является нарушением установленных требований к ККТ и неверной настройкой программы обслуживания. Но, опять-таки, возможно применение различных санкций за одно действие.

С точки зрения юридической техники представляется эффективным объединение статей и исключение отдельных составов в зависимости от общественной опасности противоправного деяния. Поэтому предлагается дифференциация штрафов в сторону уменьшения, начиная с самого серьезного правонарушения, в результате которого от государства сокрыта выручка, к менее опасному:

1) неприменение ККТ (фактическое отсутствие ККТ, неиспользование либо использование ККТ на меньшую сумму, использование незарегистрированной в налоговом органе ККТ);

2) нарушение правил и условий применения ККТ (нарушения, не связанные с занижением фиксируемой суммы расчетов, например указание неверного адреса расчетов);

3) невыдача кассового чека (при условии отражения сведений о расчете в ККТ).

Нефиксация расчета представляет наибольшую угрозу охраняемым государством ценностям, так как непоступление в государственный орган информации о произведенном расчете с высокой долей вероятности означает сокрытие выручки в целях уклонения от налогообложения. Иными словами, речь идет о полном игнорировании государственных предписаний и правил поведения, что также негативно сказывается на добросовестных налогоплательщиках. Указанное должно сопровождаться наиболее жесткой санкцией и, если иметь в виду финансовые санк-

ции, то, соответственно, караться наиболее серьезным штрафом.

Сегодня согласно ст. 218 НК РУз за совершение налогового правонарушения в Республике Узбекистан предусматриваются финансовые санкции, применяемые в виде денежных взысканий (штрафов). Однако, учитывая специфику оперативного контроля, следует предусмотреть специализированные виды налоговых санкций, а именно:

1) приостановление деятельности налогоплательщика (в случае ведения деятельности в стационарных точках);

2) аннулирование доменного имени сайта, через который ведется торговля или заказ и оплата услуг (в случае осуществления деятельности в сети «Интернет»).

Несмотря на то, что подобного рода санкции не в полной мере свойственны налоговому законодательству, однако их введение – необходимое условие эффективного налогового администрирования, которое позволит физически остановить нарушения налогового законодательства. Для этого применение наказаний должно производиться максимально быстро и просто: без привлечения судов, согласований органами прокуратуры и прочих бюрократических нюансов, затягивающих принятие соответствующего решения и способствующих продолжению работы недобросовестных налогоплательщиков по получению прибыли.

Блокировка сайта является «болезненным» средством влияния для недобросовестного участника рынка, поскольку перекрывает самую стабильную коммуникацию между продавцом и покупателем (клиентом) – доменное имя, для популяризации и узнаваемости которого вкладываются значительные финансовые средства и время и которое является притяжением трафика, конвертируемого в покупки и приносящего прибыль своим владельцам. Одновременно воздействие именно на доменное имя освободит налоговые органы от розыска бенефициара владельца сайта для применения к нему штрафных санкций.

4. Обеспечительные меры при расчетах через платежные терминалы

Отдельного внимания заслуживает вопрос по оперативному пресечению противоправного поведения в виде осуществления расчетов без применения ККТ через платежные терминалы. Практика показывает ряд затруднений по привлечению владельцев платежных терминалов к ответственности, связанных, в отдельных случаях, с невозможностью

идентификации данных владельцев. Кроме этого, по ряду платежных терминалов дистанционно изменяются параметры работы, в том числе реквизиты лица, от имени которого осуществляется прием наличных денежных средств. Возникает ситуация, при которой после документальной фиксации факта нарушения требований законодательства платежный терминал продолжает осуществление приема наличных денег.

Иногда представляется физически возможным отключение платежного терминала от источника питания (как правило, это платежные терминалы, располагающиеся в стационарных торговых точках, например в торговых центрах). В такой ситуации даже самый недобросовестный владелец терминала в кратчайшие сроки идентифицирует себя, поскольку налоговые органы оказали влияние на саму возможность предпринимателя получать доходы. Указанный сценарий используется, когда установить принадлежность платежного терминала к конкретному налогоплательщику не представляется возможным (отсутствуют сведения о владельце, нанесенные на корпус платежного терминала либо отраженные на экране).

Безусловно, законодательства различных стран предполагают сценарии, при которых в ряде случаев пресечение описываемого правонарушения возможно.

Например, в Республике Узбекистан действует такая мера обеспечения, как арест имущества (ст. 114 НК РУз), а ст. 290 Кодекса РУз об административной ответственности⁷ предусмотрено изъятие вещей и документов.

В связи с тем, что одной из основных задач применения изъятия или ареста платежного терминала является прекращение деятельности по приему наличных денежных средств, то при опечатывании и опломбировании предпочтительно заблокировать работу купюроприемника.

Необходимо отметить, что наложение ареста на платежный терминал, в отличие от изъятия, не требует первоначального проведения процедуры осмотра с последующим составлением протокола. В случае ареста платежного терминала отсутствует потенциальная необходимость перемещения платежного терминала в специализированное место, для чего необходимы дополнительные финансовые расходы (услуги эвакуации платежного терминала, пе-

ревозки и хранения). В процессе ареста платежный терминал может быть передан на ответственное хранение уполномоченному налоговыми органами лицу без утверждения специального порядка.

Очевидно, что подобные процедуры (ареста и изъятия платежного терминала) возможны в Республике Узбекистан на основе действующего законодательства, но они сопряжены с рядом сложностей, делающих «нерентабельной» такую процедуру (время и затраты на нее значительно превышают эффект от пресечения правонарушения). Речь идет о необходимости найма специалистов по погрузке / разгрузке платежного терминала на транспортное средство – перевозчик, заключения договора на ответственное хранение и т. д.

Представляется, что, как и многие аспекты контроля за применением ККТ, процедура реализации обеспечительной меры должна быть максимально упрощена и оперативна, в связи с чем видится целесообразным введение отдельной статьи в НК РУз, прямо регламентирующей процедуру блокировки работы платежного терминала.

Указанное обосновывается также тем, что порой платежный терминал нельзя физически обесточить: он может быть, например, вмурован в стену в подземном переходе, и его отключение каким-либо образом от сети питания и изъятие в рамках соответствующей процедуры не реалистично. Подобное лишает налоговые органы возможности пресечь выявленные правонарушения в виде приема денежных средств без применения ККТ.

Таким образом, именно блокировка купюроприемника платежного терминала с помощью механического устройства, которым необходимо будет снабдить налоговых инспекторов, задействованных в рамках контроля за применением ККТ, значительно повысит эффективность борьбы с недобросовестными налогоплательщиками.

5. Совершенствование системы мотивации гражданского контроля

Неоспоримый факт, что мотивация потребителя является важным фактором создания эффективной системы гражданского контроля. В этой связи положительно оценивается реализованная Республикой Узбекистан согласно п. 1 Постановления № ПП-5252 идея 1%-го кэшбека за покупки при сканировании покупателем QR-кода чека, а также 20%-го кэшбека от суммы штрафа при сообщении

⁷ URL: <https://lex.uz/docs/97661> (дата обращения: 25.05.2025).

покупателем в налоговые органы о нарушении правил кассовой дисциплины пользователем.

Указанное, безусловно, в итоге окажет требуемый эффект на субъекты, обязанные в своей деятельности применять ККТ, в части повышения их кассовой дисциплины.

Вместе с тем предлагается рассмотреть варианты изменения данной модели:

1) увеличить кэшбек до 50–60 % при условии согласия продавца с вменяемым правонарушением; при этом следует отказаться от кэшбека в обратной ситуации (при несогласии продавца с вменяемым нарушением), т. е. поощрять только то, что существенно снижает трудозатраты налогового инспектора;

2) дифференцировать сумму кэшбека в зависимости от объема информации, поступившей в налоговый орган: минимальный процент, если сообщено только место правонарушения и покупатель анонимен, и максимальный кэшбек при развернутой жалобе с приложением возможных доказательств (например, приходный кассовый ордер, выписанный продавцом) и готовности покупателя быть свидетелем, т. е. юридически участвовать в рассмотрении дела о правонарушении;

3) смежный вариант.

Таким образом, в целом будет снижена административная нагрузка на предпринимателей, так как налоговым инспектором будет являться фактически любой покупатель, которому выгодно либо получить кассовый чек, либо при его неполучении – сообщить о данном факте в налоговые органы.

6. Заключение

Несмотря на постоянное совершенствование сферы применения ККТ в Республике Узбекистан,

прослеживается узкий подход к пониманию значения ККТ, который, однако, свойственен другим странам [22; 23].

Речь идет о том, что действующее Постановление № 943 лишь единожды упоминает категорию «налоги», и то в контексте обязанностей оператора фискальных данных «разрабатывать автоматизированные системы анализа, выявляющие потенциальные ситуации уклонения от уплаты налогов», а весь механизм фискализации расчетов завязан на том, как применять ККТ как механическое устройство, но перехода, смещения фокуса с применения кассового аппарата к фиксации расчета, под которым законодательно можно было бы определить действия, совершаемые налогоплательщиком с использованием средств автоматизации по формированию фискальных документов с применением ККТ либо расчетных документов в информационном ресурсе налогового органа [24, с. 164], так и не произошло. В этой связи только полноценная интеграция обязанности применения ККТ в налоговую обязанность ответит на концептуальный вопрос о смысле кассы и контроля за ее применением и закрепит парадигму, в соответствии с которой применение ККТ касается налогов [25, с. 989]. Указанное позволит в дальнейшем при сохранении единых подходов в налоговом администрировании добавлять иные инструменты фиксации расчетов: личный кабинет налогоплательщика, мобильное приложение и т. д. До этого момента предложенные в настоящей статье к реализации идеи смогут обеспечить должный уровень налоговой дисциплины при сегодняшних вызовах цифровизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Налоговые процедуры : учеб. пособие / под ред. А. Н. Козырина. – М. : Норма, 2008. – 256 с.
2. Синельников-Мурылев С. Г. Цифровизация налогового администрирования в России: возможности и риски / С. Г. Синельников-Мурылев, Н. С. Милоголов, А. Б. Берберов // Экономическая политика. – 2022. – Т. 17, № 2. – С. 8–33. – DOI: 10.18288/1994-5124-2022-2-8-33.
3. Пономарева К. А. Налогообложение операций с цифровыми финансовыми активами в контексте классических правил налогообложения / К. А. Пономарева, А. О. Симонов // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 35–44. – DOI: 10.52468/25421514.2023.7(4).35-44.
4. Грачева Е. Ю. Трансформация правового регулирования налоговых отношений в условиях цифровой экономики / Е. Ю. Грачева, Н. М. Артемов, К. А. Пономарева // Правоприменение. – 2021. – Т. 5, № 3. – С. 45–56. – DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).45-56.
5. Пономарева К. А. Налогообложение доходов от экономической деятельности на цифровых платформах: мировой опыт поиска решений / К. А. Пономарева, А. А. Батарин // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – Т. 17, № 3. – С. 239–262. – DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.239.262.

6. Маслов К. В. Правовые проблемы информационного обмена в системе налоговых органов / К. В. Маслов // *Правоприменение*. – 2017. – Т. 1, № 4. – С. 46–55. – DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4).46-55.
7. Пономарева К. А. Участие цифровых платформ в налогообложении доходов физических лиц от сдачи недвижимости в аренду: опыт Дании / К. А. Пономарева // *Налоговед*. – 2024. – № 8 (248). – С. 76–85.
8. Пономарева К. А. Правовые проблемы налогообложения цифровых бизнес-моделей / К. А. Пономарева // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. – 2022. – Вып. 58. – С. 605–620.
9. Милогонов Н. С. Налогообложение бизнес-моделей с высоким уровнем цифровизации: поиск консенсуса на международном и национальном уровнях / Н. С. Милогонов, К. А. Пономарева // *Налоги*. – 2020. – № 4. – С. 40–44.
10. Гончаренко Л. И. Современные формы налогового контроля как инструмент обеспечения бюджетной устойчивости / Л. И. Гончаренко, А. С. Адвокатова // *Инновационное развитие экономики*. – 2016. – № 6 (36), ч. 2. – С. 129–135.
11. Адвокатова А. С. Налоговый контроль в условиях модификации отношений налоговых органов и налогоплательщиков : моногр. / А. С. Адвокатова ; под науч. ред. Л. И. Гончаренко. – М. : Русайнс, 2020. – 190 с.
12. Петров А. А. Возможности и направления развития цифровой экономики в России и блокирующие факторы ее развития / А. А. Петров // *Актуальные проблемы российского права*. – 2019. – № 3. – С. 45–66. – DOI: 10.17803/1994-1471.2019.100.3.045-066.
13. Гусев А. Б. Постсоветское пространство 30 лет спустя: самостоятельность vs синергия / А. Б. Гусев, М. А. Юревич, Н. А. Екимова, А. С. Адвокатова // *Terra Economicus*. – 2022. – Т. 20, № 2. – С. 21–39. – DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-21-39.
14. Гончаренко Л. И. Эволюция содержательного наполнения сервисной функции налоговых органов / Л. И. Гончаренко, К. Д. Краюшкин // *Управленческие науки*. – 2024. – Т. 14, № 2. – С. 51–63. – DOI: 10.26794/2304-022X-2024-14-2-51-63.
15. Адвокатова А. С. Развитие налогового контроля как проявление объективной контрольной функции налогов / А. С. Адвокатова // *Инновационное развитие экономики*. – 2018. – № 6 (48), ч. 2. – С. 109–115.
16. Исследование альтернативных концепций налогового регулирования как фактора обеспечения новой индустриальной революции в России : моногр. / под науч. ред. Л. И. Гончаренко, В. П. Вишневого, А. В. Гурнака. – М. : КноРус, 2023. – 486 с.
17. Гончаренко Л. И. Налоговое администрирование как важный фактор обеспечения улучшения собираемости налогов / Л. И. Гончаренко, С. В. Богачев // *Экономика. Налоги. Право*. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 140–151.
18. Адвокатова А. С. Развитие моделей налогового контроля как фактора снижения уровня теневых экономических процессов в условиях цифровизации / А. С. Адвокатова // *Экономика. Налоги. Право*. – 2018. – Т. 11, № 5. – С. 136–145.
19. Пинская М. Р. Администрирование налогообложения добавленной стоимости в евразийском пространстве: компаративный анализ / М. Р. Пинская, А. Иванов // *Налоги и налогообложение*. – 2019. – № 10. – С. 19–24. – DOI: 10.7256/2454-065X.2019.10.31322.
20. Пинская М. Р. Управление рисками при сокращении неформальной экономики (на примере Республики Узбекистан) / М. Р. Пинская, С. Д. Шаталов, К. А. Пономарева // *Управленческие науки*. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 76–88. – DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-4-76-88.
21. Батарин А. А. Ограничение наличных расчетов как гарантия транспарентности налогообложения (на примере Кыргызской Республики) / А. А. Батарин, Л. И. Гончаренко // *Экономика. Налоги. Право*. – 2024. – Т. 17, № 5. – С. 137–145. – DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-5-137-145.
22. Батарин А. А. Налоговое законодательство государства и правила применения контрольно-кассовой техники: вопросы интеграции / А. А. Батарин // *Правоприменение*. – 2023. – Т. 7, № 1. – С. 62–71. – DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(1).62-71.
23. Батарин А. А. Особенности государственного регулирования применения контрольно-кассовых машин в Киргизской Республике / А. А. Батарин // *Финансовый журнал*. – 2022. – Т. 14, № 1. – С. 108–125. – DOI: 10.31107/2075-1990-2022-1-108-125.

24. Гончаренко Л. И. Идентификация обязанности фиксации расчетов в системе налоговых правоотношений / Л. И. Гончаренко, А. С. Адвокатова, А. А. Батарин // Экономика. Налоги. Право. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 156–166. – DOI: 10.26794/1999-849X-2022-15-2-156-166.

25. Батарин А. А. Оперативный контроль в системе государственного контроля (надзора): проблемы реализации и пути повышения эффективности / А. А. Батарин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2024. – Т. 15, вып. 4. – С. 974–992. – DOI: 10.21638/spbu14.2024.404.

REFERENCES

1. Kozyrin A.N. (ed.). *Tax procedures*, Teaching aid. Moscow, Norma Publ., 2008. 256 p. (In Russ.).
2. Sinelnikov-Murylev S.G., Milogolov N.S., Berberov A.B. Digitalization of tax administration in Russia: opportunities and risks. *Ekonomicheskaya politika = Economic Policy*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 8–33. DOI: 10.18288/1994-5124-2022-2-8-33. (In Russ.).
3. Ponomareva K.A., Simonov A.O. Taxation of digital financial assets in the context of classical rules of taxation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 4, pp. 35–44. DOI: 10.52468/2542-1514.2023.7(4).35-44.
4. Gracheva E.Yu., Artemov N.M., Ponomareva K.A. Transformation of the legal regulation of tax relations in the digital economy context. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2021, vol. 5, no. 3, pp. 45–56. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).4556.
5. Ponomareva K.A., Batarin A.A. Taxation of professional income on digital platforms: world experience in regulation. *Pravo. Zhurnal vysshei shkoly ekonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2024, vol. 17, no. 3, pp. 239–262. DOI: 10.17323/2072-8166.2024.3.239.262. (In Russ.).
6. Maslov K.V. The legal problems of information exchange in system of tax authorities. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2017, vol. 1, no. 4, pp. 46–55. DOI: 10.24147/2542-1514.2017.1(4).46-55.
7. Ponomareva K.A. The participation of digital platforms in the taxation of personal income from renting real estate: the Danish experience. *Nalogoved*, 2024, no. 8 (248), pp. 76–85. (In Russ.).
8. Ponomareva K.A. Legal issues of taxation of digital business models. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2022, iss. 58, pp. 605–620. (In Russ.).
9. Milogolov N.S., Ponomareva K.A. Taxation of business models with a high digitization level: a search for consensus on international and national levels. *Nalogi = Taxes*, 2020, no. 4, pp. 40–44. (In Russ.).
10. Goncharenko L.I., Advokatova A.S. Modern forms of tax control as a tool for ensuring budget stability. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 2016, no. 6 (36), pt. 2, pp. 129–135. (In Russ.).
11. Advokatova A.S. *Tax control in the context of modification of relations between tax authorities and taxpayers*, Monograph, ed. by L.I. Goncharenko. Moscow, Rusains Publ., 2020. 190 p. (In Russ.).
12. Petrov A.A. Opportunities and directions for digital economy development in Russia and blocking factors of its development. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2019, no. 3, pp. 45–66. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.100.3.045-066. (In Russ.).
13. Gousev A.B., Yurevich M.A., Ekimova N.A., Advokatova A.S. Post-Soviet space thirty years on: Independence vs synergy. *Terra economicus*, 2022, vol. 20, no. 2, pp. 21–39. DOI: 10.18522/2073-6606-2022-20-2-21-39. (In Russ.).
14. Goncharenko L.I., Krayushkin K.D. Evolution of the Content of the Service Function of the Tax Authorities. *Upravlencheskie nauki = Management Sciences*, 2024, vol. 14, no. 2, pp. 51–63. DOI: 10.26794/2304-022X-2024-14-2-51-63.
15. Advokatova A.S. Development of tax control as a manifestation of the objective control function of taxes. *Innovatsionnoe razvitie ekonomiki*, 2018, no. 6 (48), pt. 2, pp. 109–115. (In Russ.).
16. Goncharenko L.I., Vishnevskii V.P., Gurnak A.V. (eds.). *Study of alternative concepts of tax regulation as a factor in ensuring the new industrial revolution in Russia*, Monograph. Moscow, KnoRus Publ., 2023. 486 p. (In Russ.).
17. Goncharenko L.I., Bogachev S.V. Tax administration as an important factor in improving tax collection. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*, 2024, vol. 17, no. 6, pp. 140–151. (In Russ.).
18. Advokatova A.S. Development of Tax Control Models as a Factor Reducing Shadow Economic Processes under Digitalization Conditions. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*, 2018, vol. 11, no. 5, pp. 136–145. (In Russ.).

19. Pinskaya M.R., Ivanov A. Administration of the value-added tax in the Eurasian space: comparative analysis. *Nalogi i nalogooblozhenie = Taxes & taxation*, 2019, no. 10, pp. 19–24. DOI: 10.7256/2454-065X.2019.10.31322. (In Russ.).
20. Pinskaya M.R., Shatalov S.D., Ponomareva K.A. Risk management at the informal economy cutback (the example of the Republic of Uzbekistan). *Upravlencheskie nauki = Management sciences*, 2022, vol. 12, no. 4, pp. 76–88. DOI: 10.26794/2304-022X-2022-12-4-76-88.
21. Batarin A.A., Goncharenko L.I. Limitation of cash payments as a guarantee of tax transparency (on the example of the Kyrgyz Republic). *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*, 2024, vol. 17, no. 5, pp. 137–145. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-5-137-145. (In Russ.).
22. Batarin A.A. The tax legislation of the state and the rules for the use of cash registers: integration issues. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2023, vol. 7, no. 1, pp. 62–71. DOI: 10.52468/2542-1514.2021.5(3).45-56.
23. Batarin A.A. Features of state regulation of cash register use in the Kyrgyz Republic. *Finansovyi zhurnal = Financial Journal*, 2022, vol. 14, no. 1, pp. 108–125. DOI: 10.31107/2075-1990-2022-1-108-125. (In Russ.).
24. Goncharenko L.I., Advokatova A.S., Batarin A.A. Identification of the obligation to fix calculations in the system of tax relations. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*, 2022, vol. 15, no. 2, pp. 156–166. DOI: 10.26794/1999-849X-2024-17-5-137-145. (In Russ.).
25. Batarin A.A. Operational control in the system of state control (supervision): Implementation problems and ways to improve efficiency. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2024, vol. 15, iss. 4, pp. 974–992. DOI: 10.21638/spbu14.2024.404. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Батарин Алексей Алексеевич – кандидат юридических наук, ¹начальник отдела Управления оперативного контроля, ²ведущий научный сотрудник Центра налоговой политики

¹ Федеральная налоговая служба

² Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации

¹ 127381, Россия, г. Москва, ул. Неглинная, 23

² 127006, Россия, г. Москва, Настасьинский пер., 3/2

E-mail: batarin@nifi.ru

ORCID: 0000-0002-8975-265X

ResearcherID: KYQ-6477-2024

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Aleksei A. Batarin – PhD in Law; ¹Head, Department of the Operating Control Administration; ²Leading academic researcher, Center of Tax Policy

¹ Federal Tax Service of Russia

² Financial Research Institute of the Ministry of Finance of the Russian Federation

¹ 23, Neglinnaya ul., Moscow, 127381, Russia

² 3/2, Nastas'inskii per., Moscow, 127006, Russia

E-mail: batarin@nifi.ru

ORCID: 0000-0002-8975-265X

ResearcherID: KYQ-6477-2024

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Батарин А.А. Совершенствование правового регулирования фискализации расчетов в Республике Узбекистан как фактор повышения уровня налоговой дисциплины / А.А. Батарин // Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 74–83. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).74-83.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Batarin A.A. Improving the legal regulation of fiscalization of settlements in the Republic of Uzbekistan as a factor in increasing the level of tax discipline. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 74–83. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).74-83. (In Russ.).

СТАНДАРТЫ ДОКАЗЫВАНИЯ ЮРИСДИКЦИОННЫХ ОРГАНОВ ОБЩЕРОССИЙСКИХ СПОРТИВНЫХ ФЕДЕРАЦИЙ В ДИСЦИПЛИНАРНЫХ СПОРАХ*

И.А. Васильев, Н.А. Сидорова, Е.Г. Лукьянова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

30 сентября 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Общероссийские спортивные федерации, спортивный спор, юрисдикционный орган, обязательное досудебное урегулирование споров, стандарт доказывания, оценка доказательств, достаточная убежденность, баланс вероятностей, внутреннее убеждение

Проанализированы нормы общероссийских спортивных федераций, регламентирующие процедуру обязательного досудебного разрешения дисциплинарных споров в спорте на предмет закрепления стандартов доказывания и принципа оценки доказательств членами юрисдикционных органов федераций «по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании в совокупности всех обстоятельств дела» в различных вариантах приведенной формулировки. В результате проведенного мониторинга было выявлено, что закрепление одного из двух стандартов доказывания («достаточной убежденности» и «баланса вероятностей»), используемых в глобальном спорте для разрешения споров, имеет место у единичных федераций. Намного чаще встречается включение в регламентирующие нормы ссылки на «свое внутреннее убеждение» при оценке доказательств. Последнее можно рассматривать в качестве стандарта доказывания, однако его соответствие «достаточной убежденности» или «балансу вероятностей» остается неопределенным. Распространено и отсутствие в регламентирующих нормах федераций требования к членам-арбитрам юрисдикционных органов оценивать доказательства по «своему внутреннему убеждению». Однако к такой правовой политике федераций не следует относиться критически, ошибочно приравнивая ее к игнорированию гарантий субъектов спорта на предсказуемость решений по дисциплинарным спорам. Также авторы считают необходимым рассмотреть возможность снижения порога доказывания клубов по спорам о так называемой «строгой ответственности» до «баланса вероятностей».

STANDARDS OF PROOF OF THE JURISDICTIONAL BODIES OF THE ALL-RUSSIAN SPORTS FEDERATIONS IN DISCIPLINARY DISPUTES**

Iliia A. Vasilyev, Natalia A. Sidorova, Evgeniya G. Lukyanova

St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia

Article info

Received –

2025 September 30

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

Keywords

All-Russian sports federations, sport dispute, jurisdictional body, obligatory pre-trial litigation of sports disputes, standard of proof, evaluation

The subject. Some All-Russian sports federations have established jurisdictional bodies for mandatory pre-trial dispute resolution in professional and high-performance sports. Pre-trial dispute resolution is regulated by the rules of the federations. There are no literal “standards of proof” in Russian civil and arbitration procedural legislation. However, standards of proof have been developed at courts’ practice. The situation is different with regard to the rules of the All-Russian sports federations for resolving disputes in a pre-trial manner. Some federations have established literal standards of proof (“comfortable satisfaction”, “balance of probabilities”). Most federations either referred to dispute resolution by members of their jurisdictional bodies “according to their inner conviction” (in different versions of the phrase) or did not regulate this issue.

The purpose of the study. The article analyzes the norms of the All-Russian sports federations governing the procedure for mandatory pre-trial resolution of disciplinary disputes in sports in order to consolidate the standards of proof and the principle of evidence assessment by the members of the jurisdictional bodies of the federations

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00565, <https://rscf.ru/project/24-28-00565/>.

** The research was financially supported by the Russian Science Foundation, project No. 24-28-00565, “Standards of proof in the Russian legal system”, <https://rscf.ru/project/24-28-00565/>.

of evidences, balance of probabilities, comfortable satisfaction

“according to their inner conviction, based on a comprehensive, complete and objective study of the totality of all the circumstances of the case” in various versions of the above wording.

Methodology. The authors used the method of monitoring the norms of acts of All-Russian sports federations, the method of analyzing the norms-results of monitoring, and the method of comparing the analysis results.

The main results. As a result of the monitoring, it was revealed that the consolidation of one of the two standards of evidence (“comfortable satisfaction” and “balance of probabilities”) used in global sports for dispute resolution takes place among individual federations. It is much more common to include references to “one’s inner conviction” in regulatory norms when evaluating evidence. The latter can be considered as a standard of proof, but its compliance with “sufficient conviction” or “balance of probabilities” remains uncertain. There is also a widespread lack of a requirement in the regulatory norms of federations for members of arbitrators of jurisdictional bodies to evaluate evidence “according to their inner conviction”. However, such a legal policy of federations should not be treated critically, mistakenly equating it to ignoring the guarantees of sports entities for the predictability of disciplinary decisions. The authors also consider it necessary to consider the possibility of lowering the threshold of proof for clubs in disputes over so-called “strict liability” to a “balance of probabilities”.

Conclusions. All-Russian sports federations rarely establish literal “standards of proof”. To make progress, we may turn to the practice of courts in civil and arbitration proceedings, which has developed several “standards of proof”.

Conclusions. The legal framework of Russian smart cities, represented by sublegislative acts implementing plans and programs, is characterized by flexibility, mobility, and inconsistency.

1. Введение

В одном из наших предыдущих исследований мы пришли к выводу, что распределение стандартов доказывания в зависимости от категории спортивного спора может рассматриваться в качестве правильной нормотворческой политики спортивных организаций [1, с. 79]. В продолжение изучения вопроса мы обратились к сайтам общероссийских спортивных федераций (далее также – федераций) по состоянию реестра Министерства спорта РФ на 22 августа 2025 г.¹ на предмет наличия в открытом доступе норм, регламентирующих процедуру юрисдикционных органов по обязательному досудебному разрешению споров (далее также – юрисдикционные органы) в порядке принципа саморегулирования [2].

Наша цель заключается в выявлении буквальных и подразумеваемых «стандартов доказывания», используемых юрисдикционными органами федераций для разрешения дисциплинарных споров. Последние объединяют рассмотрение так называемых «дисциплинарных проступков», т. е. нарушений регламентирующих норм федераций об обязанностях и запретах, что является основанием для привлече-

ния признающих такие нормы субъектов к спортивной ответственности [3].

2. Стандарты доказывания и «внутреннее убеждение» в дисциплинарных спорах

Проведенный нами мониторинг регламентирующих норм федераций подтверждает, что в основном юрисдикционные органы созданы для разрешения дисциплинарных споров. Это вполне логично, поскольку данная категория охватывает собой любое преследование со стороны федераций поведения субъектов вида спорта, закрепленного в их регламентирующих нормах в качестве неправомерного [4].

Применение норм этики, которые в последнее десятилетие активно включаются в акты федераций и получают механизм обеспечения их исполнения в форме мер спортивной ответственности [5], также относится к категории дисциплинарных споров.

В регламентирующих нормах федераций мы нашли два примера закрепления стандартов «достаточной убежденности» (*comfortable satisfaction*) и «баланса вероятностей» (*balance of probabilities*) для процедуры разрешения дисциплинарных споров.

¹ Реестры общероссийских и аккредитованных региональных спортивных федераций // Министерство спорта Рос-

сийской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://minsport.gov.ru/sports-federation-registers/>.

«Достаточная убежденность» членов юрисдикционного органа называется в Положении о Дисциплинарной комиссии общероссийской общественной организации «Всероссийская федерация легкой атлетики»². Согласно п. 8.2, 8.3 ст. 8 приведенного положения «стандарт доказывания считается соблюденным, если коллегией Дисциплинарной комиссии было установлено совершение предполагаемого нарушения в большей степени, чем “баланс вероятностей”. При этом под стандартом “баланс вероятностей” понимается такой стандарт доказывания, когда какое-либо событие могло произойти (или не произойти) с вероятностью более 50 %». Мы назвали этот непоименованный в нормах федерации стандарт «достаточной убежденностью», поскольку именно последний находится уровнем выше в вертикали строгости требований доказанности³. При этом упоминание оценки доказательств по внутреннему убеждению также включено в п. 9.4 ст. 9 цитируемого положения: «Коллегия оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании в совокупности всех обстоятельств дела». В результате наличествует интересное сочетание предоставления членам юрисдикционного органа права оценки доказательств по внутреннему убеждению, которое должно соответствовать стандарту доказывания выше «баланса вероятностей».

«Баланс вероятностей» используется при рассмотрении споров юрисдикционным органом согласно Дисциплинарному регламенту Общероссийской общественной организации «Федерация пауэрлифтинга России» (ФПР)⁴. Согласно п. 7.9 акта «при установлении факта совершения нарушения юрисдикционный орган ФПР исходит из “баланса вероятностей”. Под “балансом вероятностей” понимается такой стандарт доказывания, когда какое-либо событие могло произойти (или не произойти) с вероятностью более 50 %». Однако, федерация не дополняет стандарт оценкой доказательств согласно внут-

реннему убеждению. Такой нормотворческий подход нам кажется вполне логичным, когда используется самый «мягкий» из стандартов доказывания, поскольку отсутствует риск «пониженного внутреннего убеждения» правоприменителя в наличии или отсутствии факта(ов).

Заметим, что различие используемых стандартов доказывания при разрешении дисциплинарных споров предопределено примерами как норм различных спортивных организаций, так и российских процессуальных отраслей права, в которых можно встретить «баланс вероятностей» [6; 7]; «достаточную убежденность» [8–11]; «перевес доказательств», «ясные и убедительные доказательства», «вне разумных сомнений» [12; 13].

Закрепление либо отсутствие принципа «внутреннего убеждения» в регламентирующих нормах позволяет нам выделить несколько подходов федераций.

Первый подход – стандартная для российских процессуальных кодексов норма об оценке членами юрисдикционных органов доказательств «по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании в совокупности всех обстоятельств дела»: ст. 52 Дисциплинарного регламента общероссийской общественной организации «Всероссийская федерация танцевального спорта, брейкинга и акробатического рок-н-ролла» (ФТСАРР)⁵; ст. 59 Дисциплинарного регламента общероссийской общественной организации «Федерация боулинга России»⁶; п. 9 ст. 24.1 Дисциплинарного регламента общероссийской общественной организации «Федерация гандбола России» (ФГР)⁷; ст. 62 Дисциплинарного регламента общероссийской общественной организации «Федерация Кикбоксинга России»⁸; ст. 70 Дисциплинарного регламента общероссийской общественной организации «Федерация компьютерного спорта России»⁹; п. 7 ст. 37.1 Кодекса этики общероссийской спортивной общественной организации «Федерация практи-

² URL: <https://rusathletics.info/wp-content/uploads/2025/05/polozhenie-o-disciplinarnoj-komissii-vfla.pdf>.

³ Arbitration CAS 2023/A/9364 Hisham Nasr v. International Handball Federation (IHF), award of 23 October 2023, para. 141. URL: <https://jurisprudence.tas-cas.org/Shared%20Documents/9364.pdf>.

⁴ URL: https://fpr.spb.ru/phocadownload/doc_dk/Disciplinarnyj%20reglament.pdf.

⁵ URL: <https://fdsarr.ru/federation/documents/aktualnye-normativnye-dokumenty-/distsiplinarnyy-reglament-ftsarr-ot-04-10-2024-/>.

⁶ URL: https://russianbowling.ru/netcat_files/multifile/1699/876/Distsiplinarnyy_reglament_FBR_31_1224_ot_24.12.2024.pdf.

⁷ URL: https://rushandball.ru/Files/Documents/disciplinary_regulations_2025.pdf.

⁸ URL: <https://фкр.пф/kontrolno-disciplinarnyj-komitet-fkr/>.

⁹ URL: <https://resf.ru/about/documentation/>.

ческой стрельбы России»¹⁰; ст. 28 Положения о Контрольно-дисциплинарном комитете общероссийской общественной организации «Спортивная федерация (союз) регби России»¹¹; п. 4 ст. 35 Дисциплинарного регламента общероссийской физкультурно-спортивной общественной организации «Всероссийская федерация рукопашного боя»¹²; п. 4.5 ст. 4 Положения о дисциплинарном комитете общероссийской общественной организации «Федерация фитнес-аэробики России»¹³; ст. 67 Дисциплинарного регламента¹⁴, ст. 34 Регламента по этике¹⁵ и ст. 29 Регламента по разрешению споров¹⁶ общероссийской общественной организации «Российский футбольный союз»; ст. 73 Дисциплинарного регламента общероссийской общественной организации «Федерация хоккея России»¹⁷; п. 28.3 ст. 28 Положения об Арбитраже при общественной организации «Всероссийская федерация волейбола» (ВФВ)¹⁸; п. 57.3 ст. 57 Положения о спортивных санкциях в виде спорта «Шахматы»¹⁹.

Второй подход – закрепление видоизмененной формулировки, которая отражена в п. 6.2 ст. 6 Положения о Комиссии по этике общероссийской общественной организации «Федерация шахмат России»²⁰: «В своей деятельности Комиссия также исходит... и принимает решения, руководствуясь внутренними убеждениями, на основе полного, всестороннего и объективного изучения каждого конкретного случая» (выделено курсивом нами. – Авт.). В сравнении с предыдущим вариантом, присутствует отличие, которое позволяет правоприменителю действовать в большем диапазоне усмотрения, упрощающего процедуру рассмотрения споров. Обратим внимание, что от арбитра юрисдикционного органа не требуется обосновывать свое внутреннее убеждение, которое необходимо раскрыть в мотивировочной части полного решения²¹, всесторон-

ним, полным и объективным исследованием в совокупности всех обстоятельств дела. Достаточно привести аргументы, подтверждающие полное, всестороннее и объективное изучение каждого конкретного нарушения норм этики федерации без внимания к «совокупности обстоятельств».

Третий подход – сокращение стандартной формулировки до «оценки доказательств по внутреннему убеждению» без раскрытия, что последняя должна быть основана на «всестороннем, полном и объективном исследовании в совокупности всех обстоятельств дела». Сошлемся в качестве примера на ст. 19 Положения об Апелляционном суде общероссийской общественной организации автомобильного спорта «Российская автомобильная федерация»: «оценка доказательств осуществляется судьями по своему внутреннему убеждению»²². Идентичная норма содержится в п. 1.7.4 Положения об Апелляционном суде общероссийской общественной организации «Федерация мотоциклетного спорта России»²³. Отсутствие требования к арбитрам юрисдикционных органов формировать свое внутреннее убеждение на всестороннем, полном и объективном исследовании в совокупности всех обстоятельств дела теоретически открывает для них возможность оценивать доказательство без системного обращения к остальным.

Четвертый подход – в нормах федерации, регламентирующих разрешение дисциплинарных споров, не закреплены ни какой-либо стандарт доказывания, ни оценка доказательств «по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании в совокупности всех обстоятельств дела», измененный или сокращенный вариант этой формулировки: Дисциплинарный регламент, Положение о Дисциплинарном

¹⁰ URL: <https://disk.yandex.ru/d/mAJNDb8VoXjIhA/11.%20Дисциплинарный%20комитет.>

¹¹ URL: <https://rugby.ru/wp-content/uploads/2023/09/Polozhenie-o-KDK-2023.pdf>.

¹² URL: <https://rffrb.ru/wp-content/uploads/2025/02/Distsiplinarnyj-Reglament-.pdf>.

¹³ URL: <https://disk.360.yandex.ru/i/cl1-Axxoi7vPiw>.

¹⁴ URL: https://rfs.ru/subject/1/documents?cat_id=59.

¹⁵ URL: https://rfs.ru/subject/1/documents?cat_id=60.

¹⁶ URL: https://rfs.ru/subject/1/documents?cat_id=57.

¹⁷ URL: https://fhr.ru/upload/iblock/8bb/Distsiplinarnyi-reglament-FKHR-_v-red.-ot-10.12.2024_.pdf.

¹⁸ URL: [https://volley.ru//assets/files/documents/5381/Положение%20об%20Арбитраже%20при%20ВФВ%20\(1\).pdf](https://volley.ru//assets/files/documents/5381/Положение%20об%20Арбитраже%20при%20ВФВ%20(1).pdf).

¹⁹ URL: <https://ruchess.ru/upload/iblock/57d/57d0ef54ee9b759e74f6f66f4884bb6b.pdf>.

²⁰ URL: <https://ruchess.ru/upload/iblock/ddd/0xeyy34gu903bo8ym7pxma3b5jn9rqx0/Polozhenie-o-komissi-po-etike-Fin.pdf>.

²¹ Если требование привести обоснование принятия либо отклонения доказательств и, в целом, мотивировать принятое решение установлено в регламентирующих нормах – к этому нюансу регуляторной политики федераций мы вернемся далее в настоящей статье.

²² URL: <https://raf.su/download/309983fb90a9667fe83de44da8ad8cd89a4ae375>.

²³ URL: <https://www.mfr.ru/upload/iblock/16d/f37a2llak8b6zw7hgjx9eysw7s66jkuw/Regulations-on-Court-of-Appeal-of-MFR.pdf>.

комитете²⁴ и Положение об Апелляционном комитете ФТСАРР²⁵; Положение о Спортивно-дисциплинарном комитете общероссийской спортивной общественной организации «Национальная федерация бадминтона России»²⁶; Регламент «Статус Игрока»²⁷ и Положение о Дисциплинарной комиссии общероссийской общественной организации «Российская Федерация Баскетбола»²⁸; Положение о Дисциплинарном комитете общероссийской общественной организации федерации биатлона «Союз биатлонистов России»²⁹; Дисциплинарный устав³⁰ и Положение о Дисциплинарной комиссии общероссийской общественной организации «Федерация бильярдного спорта России»³¹; Положение о Дисциплинарно-этической комиссии общероссийской общественной организации «Федерация бокса России»³²; Положение о Дисциплинарной комиссии ВФВ³³; Положение о Спортивно-арбитражной комиссии ФГР³⁴; Положение о Контрольно-дисциплинарном комитете общероссийской общественной организации «Российская федерация горнолыжного спорта»³⁵; Дисциплинарный регламент общероссийской физкультурно-спортивной общественной организации «Федерация дартс России»³⁶; Положение о Контрольно-дисциплинарном комитете Общероссийской спортивной общественной организации

«Федерация каратэ России»³⁷; Положение «О Дисциплинарной комиссии общероссийской общественной организации «Федерация кёрлинга России»³⁸; Дисциплинарный кодекс общероссийской общественной организации «Федерация конного спорта России»³⁹; Положение о Дисциплинарной комиссии общероссийской физкультурно-спортивной общественной организации «Федерация кудо России»⁴⁰; Дисциплинарно-этический регламент общероссийской общественной организации «Федерация нард России»⁴¹; Положение о Спортивно-дисциплинарной комиссии общероссийской общественной физкультурно-спортивной организации «Федерация настольного тенниса России»⁴²; Дисциплинарный кодекс общероссийской общественной организации «Федерация подводного спорта России»⁴³; Положение о Дисциплинарной комиссии общероссийской физкультурно-спортивной общественной организации «Всероссийская Федерация самбо»⁴⁴; Положение о Комиссии по этике и дисциплине Общероссийской общественной организации «Федерация санного спорта России»⁴⁵; Положение о Дисциплинарной комиссии общероссийской общественной организации «Федерация скалолазания России»⁴⁶; Дисциплинарный регламент общероссийской общественной организации «Федерация спортивной борьбы России»⁴⁷; Положение о дисциплинарной

²⁴ URL: <https://fdsarr.ru/federation/documents/obshchie-polozhenie-o-distiplinarnom-komitete-ftsarr-izmeneniya-utverzhdeny-protokolom-ot-04-12-2020-137/>.

²⁵ URL: <https://fdsarr.ru/federation/documents/obshchie-polozhenie-ob-apellyatsionnom-komitete-ftsarr-izmeneniya-utverzhdeny-protokolom-ot-04-12-2020-137/>.

²⁶ URL: [https://nfbr.ru/files/File/docs/2013/pologSDK1\(3\).doc](https://nfbr.ru/files/File/docs/2013/pologSDK1(3).doc).

²⁷ URL: <https://russiabasket.ru/federation/documents>.

²⁸ URL: <https://russiabasket.ru/Files/Documents/Polozhenie-o-Distsiplinarnoj-komissii-RFB-280916.pdf>.

²⁹ URL: <https://biathlonrus.com/upload/iblock/d95/irsxjzqqzm6n14s98l2eaaro26ke16c/Polozheniya-o-Distsiplinarnom-komitete-SBR-v-redaktsii-ot-04.10.2024.pdf>.

³⁰ URL: http://www.fbsrf.ru/sites/default/files/03-disciplinarnyj_ustav_fbsr_2024-01.pdf.

³¹ URL: https://www.fbsrf.ru/sites/default/files/polozhenie_o_disc_komissii_1.pdf.

³² URL: <https://rusboxing.ru/about/Documents>.

³³ URL: https://volley.ru/assets/files/documents/1783/4190_document.pdf.

³⁴ URL: https://rushandball.ru/Files/Documents/pologenie_SAK.pdf.

³⁵ URL: <http://fgssr.ru/sites/default/files/FGSSRDocument/27-03-2017/Положение%20о%20Контрольно-дисциплинарном%20комитете.pdf>.

³⁶ URL: <https://dartsrf.ru/wp-content/uploads/2025/07/reglament-disciplina-20250517.pdf>.

³⁷ URL: <https://ruswfk.ru/upload/iblock/6ab/ygdw373kqz6zcogzugcju94v0fx1kx/Положение%20о%20КДК.pdf>.

³⁸ URL: https://curling.ru/data/1678800039/files/16801004_02.pdf.

³⁹ URL: https://fksr.org/files/uploads/Disciplinarnyj_kodeks_s_prilozhenijami_utv_protokol__B_20-09_21_ot_03_09_2021_.pdf.

⁴⁰ URL: <https://kudo.ru/wp-content/uploads/2020/08/disciplinary-commission-2020.pdf>.

⁴¹ URL: https://sportnardy.ru/images/NARDI/Disciplinarno-eticeskij_reglament%20FNR.pdf.

⁴² URL: <https://kcr.ttfr.ru/storage/media/925/c344bc50a48e56f8f45e5c362971caaf8402fbc7.pdf>.

⁴³ URL: https://ruf.ru/assets/files/doc_FPSR/disciplinarnyj_kodex_fpsr_03.05.2023.pdf.

⁴⁴ URL: https://sambo.ru/media/resource/2018/10/24/dlya_sajta_polozhenie.docx.

⁴⁵ URL: <https://rusluge.ru/upload/iblock/2f3/9zpkrl9hc2ps5j10xap3g41w63clmrzw.pdf>.

⁴⁶ URL: <https://rusclimbing.ru/upload/iblock/ecf/Polozhenie-o-DK.pdf>.

⁴⁷ URL: https://hb.bizmrg.com/st.fsbr/documents/common/%7Bitem_id%7D/Дисциплинарный_регламент_ФСБР_от_27_03_2024.pdf.

комиссии (дисциплинарный регламент) общероссийской физкультурно-спортивной общественной организации «Спортивное метание ножа»⁴⁸; Дисциплинарный регламент общероссийской общественной организации «Федерация спортивного ориентирования России»⁴⁹; Положение о Дисциплинарной комиссии общероссийской общественной организации «Федерация тенниса России»⁵⁰; Положение дисциплинарной комиссии общероссийской общественной организации «Союз тхэквондо России»⁵¹; Кодекс Этики общероссийской общественной организации «Спортивная федерация «Универсальный бой»»⁵²; Дисциплинарный регламент общероссийской общественной организации «Федерация фехтования России»⁵³; Положение о комиссии по этике общероссийской общественной организации «Федерация фигурного катания на коньках России»⁵⁴; Кодекс этики общероссийской физкультурно-спортивной общественной организации «Всероссийская федерация фиджитал спорта (функционально-цифрового спорта)»⁵⁵; Положение о Контрольно-дисциплинарном комитете общероссийской общественной организации «Федерация хоккея с мячом России»⁵⁶.

В российской научной литературе можно встретить мнение, что «внутреннее убеждение» для оценки правоприменителем доказательств является отечественным доктринальным эквивалентом стандарта доказывания [14]. Придерживаясь этой точки зрения, в названном выше четвертом подходе федераций не фигурирует как буквальный стандарт доказывания (названный в положениях акта), так и подразумеваемый (через указание на «внутреннее убеждение»). Однако, это не так. Рассматриваемая нормотворческая политика федераций означает уполномочивание членов юрисдикционных органов выносить решения согласно самому «мягкому» варианту «убежденности» – «балансу вероятностей».

3. Выводы

В российской и зарубежной научной литературе можно встретить использование терминов «стандарт доказывания» [15–17], «стандарт доказанности» [18] и «обоснованность обвинения» [19].

Какой бы из приведенных точек зрения ни придерживались федерации, им достаточно выбрать и нормативно закрепить критерий (либо отказаться от определения такового), который позволяет юрисдикционному органу сделать заключение в условиях вероятности [20, с. 5]. Этот и будет являться стандартом доказывания.

Полученные результаты мониторинга норм федераций о порядке разрешения дисциплинарных споров практически полностью совпали с нашей гипотезой о редкости закрепления буквальных стандартов доказывания (в актах двух федераций). В оставшемся массиве проанализированных норм федерации либо установили подразумеваемый стандарт «достаточной убежденности» (через указание на «внутреннее убеждение» в полной или сокращенной редакциях формулировки), либо определили фактический «баланс вероятностей» как самый «мягкий» вариант порога «внутреннего убеждения».

Поскольку дисциплинарные споры связаны с применением к субъектам спорта ограничительных мер правового принуждения, неопределенность в аргументации последних как непредсказуемость негативных последствий выступает фундаментальным дефектом регулирования. Поэтому видится важным, чтобы федерации, которые не ссылаются в своих нормах на стандарты доказывания или внутреннее убеждение, обязывали свои юрисдикционные органы давать обоснование принятия либо отклонения доказательств и самого решения в целом.

Выбор федерации между «достаточной убежденностью» и «балансом вероятностей» применительно к дисциплинарным спорам может быть обусловлен (а) ориентиром на регламентирующие нормы международной федерации, членом которой она является, или (б) определением сложности процесса сбора доказательств в конкретном виде спорта в силу использования процессуальных институтов (проведение предварительных дисциплинарных расследований органом федерации; обязывание субъектов спорта к сотрудничеству; установление открытого или закрытого перечня доказательств;

⁴⁸ URL: <https://rusmn.ru/assets/images/docs/polopgenia/disciplinarnyy-reglament.pdf>.

⁴⁹ URL: <https://rufso.ru/wp-content/uploads/2017/07/2013-11-30-07-05-46.pdf>.

⁵⁰ URL: <https://tennis-russia.ru/upload/custom/f82/f824f96b1d229932fd50068afda42a56.pdf>.

⁵¹ URL: <https://tkdrussia.ru/wp-content/uploads/2025/03/2025-Дисциплинарная-Комиссия.pdf>.

⁵² URL: <https://unifight.ru/wp-content/uploads/2024/03/Kodeks-etiki-OSF-UB-1.doc>.

⁵³ URL: <https://www.rusfencing.ru/upload/iblock/630/630e6ce21d02e3306a6979afc04409da.pdf>.

⁵⁴ URL: https://fsrussia.ru/files/docs/commission_code_of_ethics_fsfr.pdf.

⁵⁵ URL: <https://phygital sport.ru/wp-content/uploads/2025/02/Kodeks-etiki-VFFS.pdf>.

⁵⁶ URL: <http://www.rusbandy.ru/document/127/>.

широкое либо узкое понимание допустимости доказательств; и некоторых других).

Среди оснований дисциплинарных споров в командных игровых видах спорта следует выделить группу нарушений, относимых к так называемой «строгой ответственности», наступающей, к примеру, для спортивного клуба вне зависимости от наличия либо отсутствия его вины за поведение своих зрителей (болельщиков). Сегодня регламентирующие нормы федераций не выделяют для этой группы споров свой стандарт (стандарты) доказыва-

ния или особые требования к внутреннему убеждению членов юрисдикционных органов. В то же время видится возможным закрепить сочетание двух стандартов в ситуации «строгой ответственности»: «баланса вероятностей» – для клуба в целях упрощения процедуры доказывания им (а) отсутствия события нарушения (поведения его зрителей (болельщиков) и (б) непринадлежности к нему зрителей (болельщиков), нарушивших нормы федерации; «достаточной убежденности» – для федераций, обладающих большей в сравнении с клубом возможностью доказывания названных фактов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев И. А. Свобода собирания и оценки доказательств юрисдикционными органами российских спортивных организаций / И. А. Васильев, Е. Г. Ветрова // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 1. – С. 74–83. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(1).74-83.
2. Dorskaia A. A. Co-regulation as a way to improve the effectiveness of legal regulation in sports / A. A. Dorskaia, A. Yu. Dorskii // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 2. – С. 263–275. – DOI: 10.21638/spbu14.2021.202.
3. Van Kleef R. The legal status of disciplinary regulations in sport / R. Van Kleef // The International Sports Law Journal. – 2014. – Vol. 14, Iss. 1–2. – P. 24–45. – DOI: 10.1007/s40318-013-0035-z.
4. Van Kleef R. Reviewing Disciplinary Sanctions in Sports / R. Van Kleef // Cambridge Journal of International and Comparative Law. – 2015. – Vol. 4, Iss. 1. – P. 3–28. – DOI: 10.7574/cjicl.04.01.3.
5. Vasilyev I. A. Legalization of Ethics in Sports and Disciplinary Liability for “Disrepute” / I. A. Vasilyev // Kutafin Law Review. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – P. 404–425. – DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.24.404-425.
6. Vetrova E. G. Exceptional circumstances beyond International Swimming Federation Doping Control Rules: The Sun Yang case of Court of Arbitration for Sport / E. G. Vetrova, R. I. Khalatova, A. A. Kashaeva // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, вып. 1. – С. 131–143. – DOI: 10.21638/spbu14.2021.109.
7. Exner J. Fixed sanction frameworks in the World Anti-Doping Codes 2015 and 2021: Can hearing panels go below the limits in the pursuit of proportionate punishments? / J. Exner // The International Sports Law Journal. – 2020. – Vol. 20, Iss. 3–4. – P. 126–144. – DOI: 10.1007/s40318-020-00173-9.
8. Смольников Д. И. Мифы о стандартах доказывания / Д. И. Смольников // Закон. – 2015. – № 12. – С. 199–205.
9. Васильев И. А. «Достаточная убежденность» при разрешении дисциплинарных споров о манипулировании результатами спортивных соревнований / И. А. Васильев, Дунмэй Пан, Н. А. Сидорова, Н. Г. Стойко, Цзюнь Цай // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2022. – № 45. – С. 20–37. – DOI: 10.17223/22253513/45/2.
10. Цай Цзюнь. Проблемы доказывания при привлечении футбольных клубов к дисциплинарной ответственности за манипулирование результатами матчей: практика Спортивного арбитражного суда (CAS) за 2009–2014 гг. / Цай Цзюнь, И. А. Васильев, М. П. Измалкова, Пан Дунмэй, Р. И. Халатова // Журнал СФУ. Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 12, № 3. – С. 343–362. – DOI: 10.17516/1997-1370-0398. – (На англ. яз.).
11. Diaconu M. The Court of Arbitration for Sport jurisprudence on match fixing: a legal update / M. Diaconu, S. Kuwelkar, A. Kuhn // The International Sports Law Journal. – 2021. – Vol. 21, Iss. 1–2. – P. 27–46. – DOI: 10.1007/s40318-021-00181-3.
12. Мезинов Д. А. Стандарт «вне разумных сомнений» как критерий достижения цели уголовно-процессуального доказывания / Д. А. Мезинов // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2017. – № 23. – С. 40–47. – DOI: 10.17223/22253513/23/5.

13. Sidorova N. Standard of proof and Russian procedure law: unknown or well-known? / N. Sidorova, N. Platonova, I. Vasilyev // *Balkan Social Science Review*. – 2022. – Vol. 19. – P. 89–106. – DOI: 10.46763/BSSR2219089s.

14. Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом / С. Л. Будылин // *Вестник Высшего арбитражного суда Российской Федерации*. – 2014. – № 3. – С. 25–57.

15. Щепельков В. Ф. «Стандарт доказывания» состояния опьянения по уголовным делам о нарушениях правил дорожного движения: реалии и перспективы / В. Ф. Щепельков, В. Н. Бурлаков, Н. Г. Стойко, Н. А. Сидорова // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2019. – Т. 10, вып. 2. – С. 373–389. – DOI: 10.21638/spbu14.2019.212.

16. Бурмагин С. В. Процессуальные стандарты доказывания в особых судебно-уголовных производствах / С. В. Бурмагин // *Правовая парадигма*. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 168–177. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.4.23.

17. Biedermann A. Decision Theory, Relative Plausibility and the Criminal Standard of Proof / A. Biedermann, D. Caruso, K. N. Kotsoglou // *Criminal Law and Philosophy*. – 2021. – Vol. 15, iss. 2. – P. 131–157. – DOI: 10.1007/s11572-020-09527-8.

18. Смирнов А. В. Стандарты доказанности: взаимосвязь с презумпциями и распределением бремени доказывания / А. В. Смирнов // *Уголовный процесс*. – 2021. – № 12. – С. 86–94. – DOI: 10.53114/20764413_2021_12_86.

19. Муравьев М. В. О пересмотре правовых стандартов доказывания и доказательств в уголовном процессе / М. В. Муравьев // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2017. – № 2 (38). – С. 141–145.

20. Карапетов А. Г. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование / А.Г. Карапетов, А. С. Косарев. – М.: Закон, 2019. – 96 с. – (Вестн. экон. правосудия Рос. Федерации. Прил. к № 5 (63) май 2019).

REFERENCES

1. Vasilyev I.A., Vetrova E.G. Freedom of keeping and evaluation of evidence by the jurisdictional bodies of Russian sports organizations. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 1, pp. 74–83. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(1).74-83.

2. Dorskaia A.A., Dorskii A.Yu. Co-regulation as a way to improve the effectiveness of legal regulation in sports. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, iss. 2, pp. 263–275. DOI: 10.21638/spbu14.2021.202.

3. Van Kleef R. The legal status of disciplinary regulations in sport. *The International Sports Law Journal*, 2014, vol. 14, iss. 1–2, pp. 24–45. DOI: 10.1007/s40318-013-0035-z.

4. Van Kleef R. Reviewing Disciplinary Sanctions in Sports. *Cambridge Journal of International and Comparative Law*, 2015, vol. 4, iss. 1, pp. 3–28. DOI: 10.7574/cjicl.04.01.3.

5. Vasilyev I.A. Legalization of Ethics in Sports and Disciplinary Liability for “Disrepute”. *Kutafin Law Review*, 2023, vol. 10, no. 2, pp. 404–425. DOI: 10.17803/2713-0533.2023.2.24.404-425.

6. Vetrova E.G., Khalatova R.I., Kashaeva A.A. Exceptional circumstances beyond International Swimming Federation Doping Control Rules: The Sun Yang case of Court of Arbitration for Sport. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2021, vol. 12, iss. 1, pp. 131–143. DOI: 10.21638/spbu14.2021.109.

7. Exner J. Fixed sanction frameworks in the World Anti-Doping Codes 2015 and 2021: Can hearing panels go below the limits in the pursuit of proportionate punishments?. *The International Sports Law Journal*, 2020, vol. 20, iss. 3–4, pp. 126–144. DOI: 10.1007/s40318-020-00173-9.

8. Smolnikov D.I. Myths about standards of proof. *Zakon*, 2015, no. 12, pp. 199–205. (In Russ.).

9. Vasilyev I.A., Pang Donmei, Sidorova N.A., Stoiko N.G., Cai Jun. “Comfortable satisfaction” in resolution of disciplinary disputes on match-fixing of the results of sporting competitions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2022, no. 45, pp. 20–37. DOI: 10.17223/22253513/45/2. (In Russ.).

10. Jun C., Vasilyev I.A., Izmalkova M.P., Dongmei P., Khalatova R.I. Problems of proof in football clubs' disciplinary liability for match-fixing: practice of the Court of Arbitration for Sport (CAS) (2009-2014). *Zhurnal SFU. Gumanitarnye nauki = Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 2019, vol. 12, no. 3, pp. 343–362. DOI: 10.17516/1997-1370-0398.

11. Diaconu M., Kuwelkar S., Kuhn A. The Court of Arbitration for Sport jurisprudence on match-fixing: a legal update. *The International Sports Law Journal*, 2021, vol. 21, iss. 1–2, pp. 27–46. DOI: 10.1007/s40318-021-00181-3.

12. Mezinov D.A. The standard “beyond reasonable doubt” as a criterion for achieving the purpose of criminal procedure proof. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2017, no. 23, pp. 40–47. DOI: 10.17223/22253513/23/5. (In Russ.).

13. Sidorova N., Platonova N., Vasilyev I. Standard of proof and Russian procedure law: unknown or well known?. *Balkan Social Science Review*, 2022, vol. 19, pp. 89–106. DOI: 10.46763/BSSR2219089s.

14. Budylin S.L. Inner conviction or balance of probabilities? Standards of evidence in Russia and abroad. *Vestnik Vysshego arbitrazhnogo suda Rossiiskoi Federatsii*, 2014, no. 3, pp. 25–57. (In Russ.).

15. Shchepel'kov V.F., Burlakov V.N., Stoyko N.G., Sidorova N.A. Standard evidence of alcohol intoxication in road traffic cases. Criminal law and criminal procedure value. Realities and perspectives. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, iss. 2, pp. 373–389. DOI: 10.21638/spbu14.2019.212. (In Russ.).

16. Burmagin S.V. Procedural Standards of Proof in Special Judicial and Criminal Proceedings. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 168–177. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2022.4.23. (In Russ.).

17. Biedermann A., Caruso D., Kotsoglou K.N. Decision Theory, Relative Plausibility and the Criminal Standard of Proof. *Criminal Law and Philosophy*, 2021, vol. 15, iss. 2, pp. 131–157. DOI: 10.1007/s11572-020-09527-8.

18. Smirnov A.V. Standards of proof: relationship with presumptions and burden of proof distribution. *Ugolovnyi protsess = Criminal procedure*, 2021, no. 12, pp. 86–94. DOI: 10.53114/20764413_2021_12_86. (In Russ.).

19. Muraviev M.V. On the revision of the legal standards of proof and evidence in criminal proceedings. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii = Legal science and practice: journal of Nizhny Novgorod academy of the Ministry of internal affairs of Russia*, 2017, no. 2 (38), pp. 141–145. (In Russ.).

20. Karapetov A., Kosarev A. *Standards of Proof: Analytical and Empirical Research*, Supplement to *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii*, no. 5 (63) May 2019. Moscow, Zakon Publ., 2019. 96 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильев Илья Александрович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ведущий научный сотрудник

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург,

Университетская наб., 7/9

E-mail: i.vasilev@spbu.ru

Scopus AuthorID: 57196348447

ResearcherID: I-7480-2013

SPIN-код РИНЦ: 7524-7480

Сидорова Наталия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, ведущий научный сотрудник

Санкт-Петербургский государственный университет

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Iliia A. Vasilyev – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Theory and History of Law; Leading Researcher

St. Petersburg University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: i.vasilev@spbu.ru

Scopus AuthorID: 57196348447

ResearcherID: I-7480-2013

RSCI SPIN-code: 7524-7480

Natalia A. Sidorova – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Criminal Proceedings; Leading Researcher

St. Petersburg University

7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

E-mail: n.sidorova@spbu.ru

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
E-mail: n.sidorova@spbu.ru
Scopus AuthorID: 57771834200
ResearcherID: G-5110-2015
SPIN-код РИНЦ: 2834-7677

Scopus AuthorID: 57771834200
ResearcherID: G-5110-2015
RSCI SPIN-code: 2834-7677

Лукьянова Евгения Германовна – лаборант-исследователь
Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Россия, г. Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7/9
E-mail: ginavet@rambler.ru
SPIN-код РИНЦ: 3881-0972; AuthorID: 1077378

Evgeniya G. Lukyanova – Research Assistant
St. Petersburg University
7/9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034,
Russia
E-mail: ginavet@rambler.ru
RSCI SPIN-code: 3881-0972; AuthorID: 1077378

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Васильев И.А. Стандарты доказывания юрисдикционных органов общероссийских спортивных федераций в дисциплинарных спорах / И.А. Васильев, Н.А. Сидорова, Е.Г. Лукьянова // Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 84–93. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).84-93.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Vasilyev I.A., Sidorova N.A., Lukyanova E.G. Standards of proof of the jurisdictional bodies of the All-Russian sports federations in disciplinary disputes. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 84–93. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).84-93. (In Russ.).

ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВЕ (на примере многопользовательских онлайн-игр)

У.А. Алиев¹, Д.В. Пятков², Ю.В. Холоденко²

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Россия*

² *Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

14 мая 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Виртуальная реальность, виртуальная собственность, право собственности, предметы виртуальной реальности, многопользовательская онлайн-игра, уступка права

На основе анализа современных подходов к определению понятия виртуальной реальности и отношений, возникающих в связи с оборотом предметов виртуальной реальности, утверждается возможность и потребность в регулировании таких отношений, в частности в сфере онлайн-игр. Желание урегулировать все сферы жизни человека избыточно и не влечет тех последствий, на которые оно нацелено, но игровая виртуальная деятельность будет подчиняться реальному праву, если лицо, вступающее в нее, осознает, что его действия повлекут последствия для реального мира. В центре внимания авторов – отношения, возникающие между участниками многопользовательских онлайн-игр, взятые как пример виртуальной реальности, мало изученной со стороны юриспруденции и не имеющей адекватного правового регулирования. В частности, рассматривается проблема юридической квалификации отношений между игроками по отчуждению друг другу различных игровых предметов в многопользовательской онлайн-игре: допустимы ли такие сделки, носят ли они юридический характер, какой институт и какой отрасли права призван регулировать действия игроков? Сделан вывод, что в таких случаях имеет место уступка права требования между пользователями-игроками: уступается право требования к разработчику игры, возникшее по договору об организации игрового процесса. Сегодня такая квалификация отношений оптимальна, однако имеет характер временного решения. По мнению авторов, ни вещное, ни обязательственное право в традиционном виде не способны стать полноценным регулятором виртуальной реальности, рано или поздно суды, а вслед за ними и законодатели будут вынуждены признать реальность виртуальной собственности как особой разновидности общественных отношений.

THE LEGAL MODEL OF VIRTUAL REALITY IN THE INTERNET SPACE (using the example of online multiplayer games)

Ulvi A. Aliyev¹, Dmitry V. Pyatkov², Yuri V. Kholodenko²

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia*

² *Altai State University, Barnaul, Russia*

Article info

Received –

2025 May 14

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

Keywords

Virtual reality, virtual property, ownership, virtual reality items, massively multiplayer online game, assignment of rights

The subject of study is the category of "virtual reality," as examined by the authors in the context of multiplayer online games.

The purpose of the article is to analyze modern approaches to defining the concept of virtual reality and the relationships arising from the circulation of virtual reality objects.

The research methodology incorporates general scientific methods, as well as a comparative research method and a formal legal approach.

Results. An analysis of modern approaches to defining the concept of virtual reality and the relationships arising from the circulation of virtual reality objects suggests both the possibility and the necessity of regulating such relationships, particularly in the context of online games. In identifying the philosophical basis of this study, the authors of the article believe that the ontological principle of virtual reality lies in overcoming the limitations of human nature within a virtual environment. The desire to regulate all aspects of human life is excessive and does not lead to the desired consequences. However, virtual gaming actions will be subject to real law if the participant understands that their actions will have consequences in the real

world. To support their position, the authors apply the so-called "magic circle theory": the rules in the game space differ from those in the real world until a violation of the game rules is detected, leading to negative consequences for the copyright holder in reality.

The authors focus on the relationships that develop between participants in multiplayer online games. These relationships are used as an example of virtual reality, which has been insufficiently studied from a legal perspective and lacks qualified legal regulation.

The authors identify three main approaches developed in legal scholarship regarding the description of virtual reality, gameplay, its objects, and relationships: reification of virtual world objects by applying property law to the relevant relationships; consideration of the relationships between players transferring game assets as services for modifying game parameters; and description of the relationships between players as the transfer of a claim (a claim) between the initial and subsequent users of virtual property under a contract for the provision of services for organizing the game process (an agreement between the initial user and the game organizer).

In examining the legal classification of relationships between players regarding the alienation of various in-game items in multiplayer online games, the authors seek to answer the question: are such transactions permissible, do they have legal significance, and which legal institution and branch of law should regulate the actions of players? The article concludes that in these cases, a transfer of rights of claim (right of claim) occurs between the users-players: the right of claim against the game developer, arising from the agreement with the gaming organization, is transferred. Currently, this classification of relationships is considered optimal, but it is temporary. According to the authors, neither property law nor contract law in their traditional forms can serve as a full-fledged regulator of virtual reality; sooner or later, courts and legislators will be forced to recognize virtual property as a special type of social relationship.

1. Введение

Реальность цифрового компьютерного пространства, которую для краткости можно обозначить термином «виртуальная реальность», – это просто компьютерный код. Та виртуальная реальность, которая соотносится с имуществом и собственностью в традиционных отношениях между людьми, в рамках юридического исследования может быть названа виртуальным имуществом или виртуальной собственностью. Компьютерный код виртуальной собственности разработан так, чтобы действовать как земля или движимое имущество [1]. Невещественный характер этого блага, которое имитирует вещи, создано по образу и подобию этих вещей, ставит перед юриспруденцией и другими науками сложную задачу квалификации отношений по поводу виртуальной реальности (можно сказать, отношений в виртуальной реальности).

Сложилась ли к сегодняшнему дню адекватные правовые модели виртуальной реальности? Нужна ли обществу правовая регламентация отношений по поводу предметов виртуальной реальности?

В качестве примера взяты многопользовательские онлайн-игры. Надо заметить, что получивший

распространение среди специалистов термин «виртуальное имущество» часто используется ими для того, чтобы обозначить так называемое «игровое имущество» – оружие, артефакты, снаряжение, внутриигровые деньги и иное. При этом под иным имуществом подразумевается также «внешность» и дополнительные способности аватара (персонажа) игрока в многопользовательской онлайн-игре.

Можно выделить три основных подхода, которые сложились в юриспруденции применительно к описанию виртуальной реальности игрового процесса, ее предметов и отношений.

Сторонники первого подхода «овеществляют» предметы виртуального мира. Таким образом, эти предметы предлагается считать объектами права собственности как вещного права. Но основная проблема наделения игроков правом собственности кроется в понимании вещи. Ведь одним из главных признаков отличия вещи от виртуальной реальности является отсутствие фактического господства субъекта над объектом виртуальной реальности. Эта идея осязаемости вещей четко не выражена в Гражданском кодексе (далее – ГК) РФ¹, но влияет на содержание многих институтов в гражданском праве.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Аналогичным образом в гражданском законодательстве Германии вещами признаются только физические предметы. Впрочем, могут быть и противоположные законодательные решения, когда в гражданском праве под вещью понимается всё, что отделено от лица и удовлетворяет потребности людей.

Некоторые специалисты отказываются отождествлять предметы виртуальной реальности и вещи. В таком случае приобретение виртуального игрового имущества – это не купля-продажа в обычном понимании этой сделки, с такой сделкой не связан переход права собственности. Сделки между пользователями-игроками квалифицируются как услуга по изменению параметров игрового процесса. Выходит, передавая какой-либо предмет виртуальной реальности, один игрок многопользовательской онлайн-игры оказывает другому игроку услугу, привнося в игру последнего полезные для него изменения². При таком подходе могут возникнуть проблемы чисто юридического свойства: лицензионным соглашением с пользователем может быть запрещено предоставление игровых услуг.

Описанные выше отношения можно было бы квалифицировать как уступку права требования (уступка права между первоначальным и последующим пользователями) по договору об оказании услуг по организации игрового процесса (по договору между первоначальным пользователем и организатором игрового процесса). Такой вывод следует из предложенной Федеральной налоговой службой (далее – ФНС России) квалификации отношений между пользователем и разработчиком игры, когда игрок отдает денежные средства. Во время судебного процесса в споре с ООО «Мэйл.Ру Геймз» по делу № А40-91072/14³ в Арбитражном суде г. Москвы ФНС России заявила, что воля сторон лицензионных договоров при их заключении в действительности была направлена на оказание со стороны ООО «Мэйл.Ру Геймз» клиентам услуг по организации игрового процесса.

² Архипов В.В., Рыбалов А.О. Право собственности на виртуальные объекты // Legal Academy. 2018. 17 мая. URL: <https://legalacademy.ru/course/1496348> (дата обращения: 11.05.2025).

³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 30 сентября 2015 г. № 305-КГ15-12154 по делу № А40-91072/14 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 32. Ст. 3340.

⁵ Бондарева О. Виртуальная реальность за реальные деньги: как регулируются правовые отношения между владельцем компьютерной игры и пользователями //

ООО «Мэйл.Ру Геймз» настаивало на том, что игровое имущество предоставляется участникам игрового процесса за деньги в порядке передачи прав на программное обеспечение по лицензии. В такой ситуации организатор игрового процесса освобождается от налогов в соответствии с пп. 26 п. 2 ст. 149 Налогового кодекса РФ⁴. ФНС России и суд иначе истолковали отношения организаторов игрового процесса с игроками: продажа игрового имущества и сервисов осуществляется по договору возмездного оказания услуг, а значит, подлежит налогообложению⁵. С технической точки зрения игрок приобретает строчки компьютерного кода. Активируя код, игрок получает преимущество над другими игроками – вот почему такие покупки можно квалифицировать как предоставление услуг⁶.

Позднее организатору игрового процесса удалось доказать, что описанные транзакции больше похожи на предоставление доступа к цифровому контенту, а не на услугу по организации игрового процесса. Приняв во внимание новое лицензионное соглашение, предлагаемое организатором игрового процесса игрокам, ФНС России подтвердила, что возникающие отношения являются предоставлением права доступа к неактивированным данным и командам игры, т. е. относятся к лицензионному договору, следовательно, на них распространяются положения пп. 26 п. 2 ст. 149 Налогового кодекса РФ⁷.

Всё же вернемся к варианту квалификации отношений между игроками как уступки права требования по договору об оказании услуг по организации игрового процесса (по договору между первоначальным пользователем и организатором игрового процесса). Цедент переводит свое право на виртуальный объект цессионарию. Нарушает ли такая сделка пользовательское соглашение? Не всегда, но такая сделка может подпадать под договорный запрет на уступку в лицензионных соглашениях некоторых игр⁸.

EzyBrand. 2023. 11 янв. URL: <https://ezybrand.ru/blog/pravovye-otnosheniya-mezhdu-vladelcem-kompyuternoj-igrы-i-polzovatelyami/> (дата обращения: 11.05.2025).

⁶ Кухно М. Внутриигровое имущество пользователей в онлайн-играх: особенности правового регулирования // StopGame. 2022. 11 февр. URL: https://stopgame.ru/blogs/topic/109695/vnutriigrovoe_imuschestvo_polzovatelya_v_onlayn_igrah_osobennosti_pravovogo_regulirovaniya (дата обращения: 11.05.2025).

⁷ Письмо Федеральной налоговой службы России от 23 января 2017 г. № СД-4-3/988 // СПС «Гарант».

⁸ Архипов В.В., Рыбалов А.О. Указ. соч.

Мы предлагаем не искать окончательные ответы в области действия традиционных институтов права. Конечно, первое время нельзя избежать применения существующих норм по аналогии: сегодня мы склонны рассматривать отношения виртуальной реальности так, как если бы это были обязательственные правоотношения. Пожалуй, оптимальным вариантом описания сделок между игроками по отчуждению игрового имущества будет вариант уступки права в отношениях с игровой компанией (разработчиком игры). Но в перспективе следует регулировать такие отношения как принципиально новые для общества и права. Не стоит в них искать признаки вещного права или обязательства. Виртуальную собственность следует понимать как *sui generis*, а сложившиеся в вещном праве правила о собственности и вещах применять по аналогии.

2. Теоретическая основа исследования

Важно и продуктивно рассматривать виртуальную реальность с точки зрения онтологии. В российской юриспруденции такое исследование было проведено, в частности, А.М. Асташкиным [2]. Им подготовлен обзор философских воззрений на виртуальную реальность. Ж. Деррида, например, придерживается мнения, что виртуальные сущности зависят от восприятия, а также от способности воспринимающего субъекта их осознавать. Виртуальные сущности, по мнению Дерриды, возникают из синтеза мышления и представления. Основные качества виртуальных объектов – призрачность и симулятивность. Напротив, Ж. Бодрийяр ставит под сомнение само понятие виртуальной реальности: когда мы используем словосочетание «виртуальная реальность», мы имеем дело не с философским виртуальным, которое находилось с актуальным в диалектических отношениях – стремилось превратиться в актуальное. Теперь виртуальное идет на смену реальному.

По мнению самого А.М. Асташкина, виртуальные объекты, порождаемые цифровыми технологиями, не присутствуют в самих технологиях, но рождаются в сознании человека.

Антрополог Н. Уее изучал количество времени, проведенного людьми в вымышленном мире Норрата, а также мотивы людей пребывать в этом мире. Оказалось, что подписчики игры проводят в вымышленном мире в среднем 22,71 часа в неделю, но примерно 10 % пользователей проводят в этой игре более 40 часов в неделю, а 2 % тратят до 60 часов в не-

делю [3]. Есть и другие исследования, согласно которым 22 % участников игрового процесса считают мир Норрата своим основным местом жительства и даже заявили, что согласились бы проводить там всё свое время [4].

Каждый день пользователи виртуальных миров тратят огромные денежные суммы на предметы виртуальной реальности. Самой дорогой покупкой считается планета *Calipso*, которая обошлась владельцу в 6 млн долларов США⁹.

В. Pollitzer объяснил причину приобретения виртуальными объектами реальной ценности: «Экономисты скажут вам, что стоимость конкретного предмета связана с его нехваткой. Чтобы игроки могли присвоить виртуальному предмету ценность в реальном мире, должен существовать какой-то дефицитный предмет реального мира, необходимый для его создания. Этот товар – время...» [5, р. 13]. О каком времени идет речь? Например, мир уже создан, но для победы над «красным драконом» требуется «зелье с заклятием». Для этого нужно достигнуть 10-го уровня, а это примерно 1 000 часов игрового времени. В силу этого пользователи готовы сразу приобретать необходимые им преимущества в игре у тех, кто уже имеет в запасе такие предметы. Можно просто купить соответствующий аккаунт.

Пользователи думают, что виртуальные объекты являются их собственностью. F.G. Lastowka и D. Hunter отмечают, что «исследователи в поведенческой экономике обнаружили склонность людей лично вкладываться в объекты, которые они считают принадлежащими им. “Эффект вклада” – это постоянный когнитивный уклон, когда люди переоценивают приобретенные ими активы по сравнению с теми, которые принадлежат другим. То есть люди выше оценивают объекты, которые, как они понимают, являются их собственными» [6, р. 46].

Интересны и другие причины популярности виртуальных реальностей. А.А. Трофимова отмечает, что осознание и страх смерти организуют и направляют деятельность человека на формирование условий комфортного и безопасного существования. Таким образом, формируется стремление к бессмертному существованию в других, более частных сферах – это игровая реальность, пространство художественного смысла, где человек прорабатывает разные возможные ситуации, и смерть в этом отношении лишь условность [7].

⁹ Ford S. Planet Calypso Sold for \$6 Million USD // MMORPG.com. Jan 27, 2011. URL: <https://www.mmorpg.com/entropia-universe/news/planet-calypso-sold-for-6-million-usd-1000019414> (дата обращения: 11.05.2025).

com/entropia-universe/news/planet-calypso-sold-for-6-million-usd-1000019414 (дата обращения: 11.05.2025).

Полагаем, право не может игнорировать виртуальную реальность как объект регулирования. Но важно найти в системе права институт, соответствующий виртуальной реальности. Наряду с общими правовыми принципами есть принципы отраслевые, принципы суботраслевого характера, даже на уровне отдельных институтов права встречаются характерные для конкретного института важные идеи, которые придают чрезвычайную специфику нормам этого института. Нельзя исключать, что одна и та же сфера общественной жизни может быть в разное время объектом воздействия со стороны различных отраслей и институтов права. Но выбор регулятора будет влиять на качество регламентации, степень защищенности прав, на качество жизни людей, вовлеченных в общественные отношения.

3. Основные результаты исследования

Сегодня человек может общаться с людьми, которые ранее ему никогда не были известны, «жениться и справить свадьбу» в виртуальном мире, не выходя из своей комнаты. Гражданка Японии была арестована за то, что «убила» виртуального «мужа», украв коды доступа к его профилю, после того как он с ней «развелся»¹⁰. Другой пример: за 2003 г. в полицию Южной Кореи поступило более 22 000 сообщений о киберпреступлениях, связанных с виртуальной собственностью, при этом за кражу виртуальной собственности были арестованы 10 187 подростков [1]. Еще пример: в 2005 г. Qui Chengwei, пользователь онлайн-игры *Legends of Mir III*, предоставил уникальный меч в пользование своему другу, тот не возвратил меч, а перепродал его на аукционе *eBay* за сумму, эквивалентную 820 евро. Поскольку полиция отказалась вмешиваться, Qui Chengwei взял правосудие в свои руки и убил своего бывшего друга¹¹. Известны случаи, когда на практике происходили кражи виртуальных объектов либо блокировались серверы [8].

Профессор А. Lakhani считает, что виртуальные миры имеют три основные характеристики. Во-первых, они интерактивны – хотя виртуальный мир может существовать на одном компьютере или одном сервере, к нему может обращаться удаленно большое количество людей. Во-вторых, виртуальные миры имитируют реальный мир, его уровень «фи-

зичности». Третья характеристика виртуальных миров заключается в их постоянстве, т. е. в способности виртуальной программы продолжать работу независимо от того, есть ли кто-либо в месте нахождения людей и владельца объектов [9].

В.В. Архипов выделяет также три признака виртуальной реальности, но по-иному их формулирует: содержать моделируемый мир (среду), допускать участие нескольких пользователей, которые могут быть идентифицированы, и обеспечивать возможность взаимодействия между пользователями [10].

Чаще всего виртуальные миры представлены массовыми многопользовательскими онлайн-играми. Это сложные части программного обеспечения, которые создают трехмерный мир и позволяют пользователям создавать индивидуальность (или «аватар»), которая может перемещаться и взаимодействовать с этим миром. Отличительной чертой виртуальных миров, является сложность поведения, возможная в играх.

К виртуальным предметам (виртуальному имуществу) относят те невещественные объекты, которые имеют экономическую ценность, но полезны или могут быть использованы только в виртуальном пространстве. Перечень виртуального имущества достаточно широк и является открытым.

Отношения по поводу аккаунтов, аватаров и иного виртуального имущества регулируются правом для целей эффективной реализации и защиты прав на виртуальное имущество. Даже если национальное законодательство какой-либо страны не имеет специальных норм, регулирующих виртуальную реальность, эта сфера общественной жизни всё же известна юриспруденции благодаря международному праву.

Для примера можно обратиться к разработанной Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) концепции имущества, которая в российских публикациях часто ошибочно именуется концепцией «собственности» [11]. Данная концепция предполагает очень широкое толкование понятия «имущество», используемого в ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Широкая трактовка понятия «имущество» поз-

¹⁰ Japanese woman arrested after 'murdering' virtual husband in online computer game // Telegraph. Oct. 23, 2008. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/asia/japan/3248106/Japanese-woman-arrested-after-murdering-virtual-husband-in-online-computer-game.html> (дата обращения: 11.05.2025).

¹¹ Cao Li. Death sentence for on-line gamer // China Daily. June 8, 2005. URL: http://www.chinadaily.com.cn/english/doc/2005-06/08/content_449494.htm (дата обращения: 11.05.2025).

воляет судьям ЕСПЧ распространять положения этой статьи, гарантирующей защиту имущества, не только на имущество в классическом его понимании (вещи, ценные бумаги, интеллектуальная собственность и пр.), но и объекты, которые прямо могут быть не упомянуты в качестве имущества в национальном законодательстве, но обладают вполне определенной экономической ценностью.

Понятием «виртуальное имущество» охватываются самые разнообразные объекты, права на которые, вне всяких сомнений, относятся к числу имущественных прав, несмотря на «нереальность» (нематериальность, неосвязаемость) самих объектов. Отсутствие сведений о перечисленных объектах в гражданском законодательстве в перечне объектов гражданских прав ничуть не влияет на признание за ними качества объекта гражданских прав. Например, в ст. 128 ГК РФ не определено, что подпадает под понятие «имущество», а содержащийся в ней перечень объектов гражданских прав является открытым. Поэтому можно сделать следующее заключение: понятием «имущество» охватывается всё то, что обладает экономической ценностью для участников гражданского оборота и допускает передачу (переход) от одного лица к другому.

Анализ научных публикаций по теме настоящего исследования заставил нас усомниться в принципиальной необходимости выделять виртуальные объекты с целью регулировать отношения по поводу них с помощью норм права, рассчитанных на реальный мир. Для регулирования отношений между участниками игр разумно обратиться к теории «магического круга», которая часто упоминается в работах юристов по данной тематике. Идея «магического круга» состоит в том, что любая игра заключает в себе отдельное, оторванное от реального мира этическое пространство. Внутри игрового пространства действуют иные правила, нежели в реальном мире. Поэтому, например, практика убийства других игроков не воспринимается как негативная [12].

Согласно теории «магического круга», поведение игроков не будет подчиняться юридическим нормам до тех пор, пока не обнаружится нарушение правил игры и не наступят негативные последствия для субъектов права в реальности.

Конечно, вывод о том, что виртуальная реальность в принципе подвержена правовому регулированию, как и вывод о том, что права на предметы виртуальной реальности могут защищаться в качестве права на имущество, еще не позволяют сделать

выбор конкретных норм права, применимых к виртуальной реальности.

Рассматривать отношения по поводу предметов виртуальной реальности исключительно с позиций обязательственного права означало бы существенно снизить уровень правового обеспечения интересов участников виртуальной реальности. Если международно-правовая и конституционная основа этих отношений не дает повода для большого беспокойства, то при переходе к специальному законодательству, например гражданскому, обязательно-правовая характеристика отношений по поводу предметов виртуальной реальности существенно ослабляет юридические позиции игроков. Это обстоятельство заставляет смотреть в сторону вещного права вообще и права собственности в частности. Но вряд ли право собственности в его традиционном виде готово распахнуть свои объятия для такой новой и загадочной сферы общественной жизни. Напротив, оно стремится убежать от виртуальной реальности, сосредоточив свое внимание на обычных вещах, которые можно потрогать, которые имеют вес и занимают некоторое пространство в реальном мире. Доказательством тому являются попытки реформировать российское законодательство о собственности, предполагающие прямую фиксацию в ГК РФ того, что право собственности – это только право на вещи, а вещи в современной российской юриспруденции принято понимать как предметы реального мира.

Вот почему уместна постановка вопроса о виртуальной собственности как собственности особого рода, не относящейся ни к вещному праву, ни к авторскому праву, ни к обязательственному праву. Если доказано, что виртуальная реальность – это отношения особого рода, почему же правовое регулирование этих отношений должно уместаться в рамки традиционных институтов права?

Например, J.A.T. Fairfield предлагает три характеристики, позволяющие определить, является ли что-то виртуальной собственностью или нет: соперничество, постоянство и взаимосвязанность [1]. Чтобы помочь идентифицировать эти защищаемые интересы виртуальной собственности, J.A.T. Fairfield проводит юридическую аналогию между традиционными и виртуальными имущественными интересами. Сходство с традиционной собственностью будет, но есть и существенные отличия. Игрок не может контролировать, использовать или владеть какой-либо виртуальной собственностью, не полагаясь на то, что разработчик предоставит механизм для

обеспечения сохранения виртуальной собственности. То есть, участник игрового процесса имеет доступ к своей виртуальной собственности в результате того, что разработчик игры сделал инвестиции в создание и представление как виртуального мира, так и способа получения доступа к виртуальному миру. Без сотрудничества с организатором игрового процесса у игрока не было бы собственности.

4. Критические замечания по поводу некоторых концепций

Среди разработчиков доминирует позиция о том, что предметы виртуальной реальности – это создание разработчика, которое является объектом интеллектуальной собственности. В свою очередь, пользователь получает доступ к такому предмету посредством заключения неисключительного лицензионного соглашения. Такая практика применима к компаниям *Wargaming*, ООО «Мэйл.ру». При этом *Electronic Arts* не определяет природу объекта, указывая только возможность покупки внутриигрового контента. Но право на результаты интеллектуальной деятельности в целом не дает четких указаний на то, применимо ли оно к виртуальной собственности. R.A. Bartle утверждает, что виртуальная собственность не попадает в четкую категорию как программное обеспечение или база данных. Он заявляет, что виртуальная собственность не рассматривается как программное обеспечение, а является результатом выполнения программного обеспечения. Виртуальная собственность – это не база данных, а просто записи в базах данных [13]. Мы склонны с ним согласиться.

Есть точка зрения, что действия с предметами виртуальной реальности, совершаемые игроками в порядке обмена или иного их отчуждения, являются услугами по изменению параметров игрового процесса¹². Но даже сторонники такой интерпретации склонны называть ее «юридическими костылями», не имея более удачного законодательного решения.

Наблюдение за практикой судов позволяет сделать вывод о двойных стандартах в по отношению к многопользовательским онлайн-играм. Если речь идет об ответственности разработчиков игр за неплату налогов, отношения разработчика многопользовательской онлайн-игры с игроками могут быть квалифицированы как отношения из смешанного договора, который включает в себя элементы как лицензионного договора, так и договора возмездного ока-

зания услуг. Совсем другую квалификацию суды дают отношениям, когда спор возникает между игроком и разработчиком игры: суд может отказать в удовлетворении исковых требований игрока, вызванных нарушением правил игры, на основании п. 1 ст. 1062 ГК РФ. Характеристика договора как смешанного, включающего в себя элементы договора возмездного оказания услуг, забывается, когда речь идет об отношениях между разработчиком игры и игроком; на первый план выводится понятие «игра»¹³.

5. Выводы

Без особой необходимости не нужно придавать виртуальным объектам правовой режим объектов гражданских прав, подчинять соответствующие отношения внутри игры нормам права, регулирующим отношения реального мира, поскольку игра представляет собой симулятор жизни человека, она позволяет «выйти» из правового поля. Однако, стоит только поведению третьего лица либо участника игрового процесса нарушить обычные принятые правила игры и повлечь реальные имущественные последствия, защита пострадавшему игроку должна быть обеспечена.

Сейчас это еще кажется странным, но со временем и различные виртуальные образы вполне могут оказаться частью вещи [14]. В перспективе могут добавиться и гораздо более экзотические объекты наподобие виртуальных вещей. Мы солидарны с теми экспертами, которые прогнозируют, что суды, а вслед за ними и законодатель рано или поздно признают реальность виртуальной собственности, будут вынуждены это сделать под напором общественной жизни [15].

В России пока не сложилось специальное регулирование отношений на игровых онлайн-платформах. Предметы виртуальной реальности рассматриваются то в качестве услуг, то в качестве дополнительного функционала программного обеспечения компьютерной техники, то в качестве азартной игры. При неопределенности подходов в правоприменительной практике снижается уровень защищенности прав геймеров, возникают риски для операторов игр. Принятие специальных норм позволит нивелировать негативные моменты в конструировании и развитии общественных отношений по организации игр в цифровой интернет-среде.

¹² Архипов, В.В., Рыбалов А.О. Указ. соч.

¹³ Бондарева О. Указ. соч.; Кухно М. Указ. соч.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Fairfield J. A. T. Virtual Property / J. A. T. Fairfield // *Boston University Law Review*. – 2005. – Vol. 85. – P. 1047–1102.
2. Асташкин А. М. Анализ онтологического статуса виртуальных объектов: модальная логика и современная французская философия (Ж. Делёз, К. Мейясу, Ж. Бодрийар и Ж. Деррида) / А. М. Асташкин // *Философская мысль*. – 2018. – № 10. – С. 75–85. – DOI: 10.25136/2409-8728.2018.10.26563.
3. Yee N. The Demographics, Motivations and Derived Experiences of Users of Massively-Multiuser Online Graphical Environments / N. Yee // *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*. – 2006. – Vol. 15, Iss. 3. – P. 309–329. – DOI: 10.1162/pres.15.3.309.
4. Castronova E. Virtual Worlds: A First-Hand Account of Market and Society on the Cyberian Frontier : CESifo Working Paper No. 618 / E. Castronova. – Munich : Center for Economic Studies & Ifo Institute for Economic Research, December 2001. – 40 p.
5. Pollitzer B. Serious Business: When Virtual Items Gain Real World Value / B. Pollitzer. – December 1, 2007. – 51 p. – DOI: 10.2139/ssrn.1090048.
6. Lastowka F. G. The Laws of the Virtual Worlds / F. G. Lastowka, D. Hunter // *California Law Review*. – 2004. – Vol. 92, No. 1. – P. 1–73. – DOI: 10.2307/3481444.
7. Трофимова А. А. Онтологическая специфика виртуальной реальности / А. А. Трофимова // *Вестник Томского государственного университета*. – 2012. – № 395. – С. 47–49.
8. Архипов В. В. Виртуальная собственность: системные правовые проблемы в контексте развития индустрии компьютерных игр / В. В. Архипов // *Закон*. – 2014. – № 9. – С. 69–90.
9. *Commercial Transactions in the Virtual World: Issues and Opportunities* / Ed. by A. Lakhani. – Hong Kong : City University of Hong Kong Press, 2014. – 376 p.
10. Архипов В. В. Виртуальное право: основные проблемы нового направления юридических исследований / В. В. Архипов // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. – 2013. – № 2 (307). – С. 93–114.
11. Рожкова М. А. Понятие «имущества» в правоположениях Европейского Суда по правам человека / М. А. Рожкова // *Объекты гражданского оборота : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова*. – М. : Статут, 2007. – С. 95–112.
12. Архипов В. В. Компьютерные игры, «магический круг» и смысловые пределы права / В. В. Архипов // *Международный журнал исследований культуры*. – 2019. – № 1. – С. 73–87.
13. Bartle R. A. Pitfalls of Virtual Property / R. A. Bartle. – April 2004. – URL: <https://mud.co.uk/richard/rovr.pdf> (дата обращения: 11.05.2025).
14. Иванов А. А. Интеллектуальная собственность и вещные права: проблемы соотношения / А. А. Иванов // *Закон*. – 2017. – № 1. – С. 84–90.
15. Duranske B. T. Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds / B. T. Duranske. – Chicago : ABA Publishing, 2008. – xv, 461 p.

REFERENCES

1. Fairfield J.A.T. Virtual Property. *Boston University Law Review*, 2005, vol. 85, pp. 1047–1102.
2. Astashkin A.M. Analysis of the ontological status of virtual objects: modal logic and contemporary French philosophy (G. Deleuze, Q. Meillassoux, J. Baudrillard and J. Derrida). *Filosofskaya mysl'*, 2018, no. 10, pp. 75–85. DOI: 10.25136/2409-8728.2018.10.26563. (In Russ.).
3. Yee N. The Demographics, Motivations and Derived Experiences of Users of Massively-Multiuser Online Graphical Environments. *Presence: Teleoperators and Virtual Environments*, 2006, vol. 15, iss. 3, pp. 309–329. DOI: 10.1162/pres.15.3.309.
4. Castronova E. *Virtual Worlds: A First-Hand Account of Market and Society on the Cyberian Frontier*, CESifo Working Paper No. 618. Munich, Center for Economic Studies & Ifo Institute for Economic Research Publ., December 2001. 40 p.
5. Pollitzer B. *Serious Business: When Virtual Items Gain Real World Value*. December 1, 2007. 51 p. DOI: 10.2139/ssrn.1090048.

6. Lastowka F.G., Hunter D. The Laws of the Virtual Worlds. *California Law Review*, 2004, vol. 92, no. 1, pp. 1–73. DOI: 10.2307/3481444.
7. Trofimova A.A. Ontological specificity of virtual reality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2012, no. 395, pp. 47–49. (In Russ.).
8. Arkhipov V.V. Virtual property: systemic legal issues in the context of the development of the computer games industry. *Zakon*, 2014, no. 9, pp. 69–90. (In Russ.).
9. Lakhani A. (ed.). *Commercial Transactions in the Virtual World: Issues and Opportunities*. Hong Kong, City University of Hong Kong Press, 2014. 376 p.
10. Arkhipov V.V. Virtual law: main problems of the new direction of legal studies. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2013, no. 2 (307), pp. 93–114. (In Russ.).
11. Rozhkova M.A. The concept of "property" in the legal provisions of the European Court of Human Rights, in: Rozhkova M.A. (ed.). *Obyekty grazhdanskikh prav*, Collection of articles, Moscow, Statut Publ., 2007, pp. 95–112. (In Russ.).
12. Arkhipov V. Computer games, "magic circle" and semantic limits of law. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniy kul'tury = International Journal of Cultural Research*, 2019, no. 1, pp. 73–87. (In Russ.).
13. Bartle R.A. *Pitfalls of Virtual Property*. April 2004. Available at: <https://mud.co.uk/richard/povp.pdf> (accessed: May 11, 2025).
14. Ivanov A.A. Intellectual property and real rights: issues of correlation. *Zakon*, 2017, no. 1, pp. 84–90. (In Russ.).
15. Duranske B.T. *Virtual Law: Navigating the Legal Landscape of Virtual Worlds*. Chicago, ABA Publishing, 2008. xv + 461 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Алиев Улви Амиль оглы – аспирант 3-го курса
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
119571, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 82/1
E-mail: u.aliyeff@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1577-7176

Пятков Дмитрий Валерьевич – кандидат юриди-
ческих наук, доцент, доцент кафедры граждан-
ского права юридического института
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: pitkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6029-0335
SPIN-код РИНЦ: 9436-1920

Холоденко Юрий Витальевич – кандидат юриди-
ческих наук, доцент, доцент кафедры граждан-
ского права юридического института
Алтайский государственный университет
656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: holodenko@de-kons.ru
ORCID: 0009-0002-0902-8002
SPIN-код РИНЦ: 9491-2601

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Ulvi A. Aliyev – 3rd-year Postgraduate Student
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration
82/1, Vernadskogo pr., Moscow, 119571, Russia
E-mail: u.aliyeff@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-1577-7176

Dmitry V. Pyatkov – PhD in Law, Associate Professor;
Associate Professor, Department of Civil Law of the
Law Institute
Altai State University
61, Lenina pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: pitkov@yandex.ru
ORCID: 0000-0001-6029-0335
RSCI SPIN-code: 9436-1920

Yuri V. Kholodenko – PhD in Law, Associate
Professor; Associate Professor, Department of Civil
Law of the Law Institute
Altai State University
61, Lenina pr., Barnaul, 656049, Russia
E-mail: holodenko@de-kons.ru
ORCID: 0009-0002-0902-8002
RSCI SPIN-code: 9491-2601

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алиев У.А. Правовая модель виртуальной реальности в интернет-пространстве (на примере многопользовательских онлайн-игр) / У.А. Алиев, Д.В. Пятков, Ю.В. Холоденко // Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 94–103. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).94-103.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Aliyev U.A., Pyatkov D.V., Kholodenko Yu.V. The legal model of virtual reality in the Internet space (using the example of online multiplayer games). *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 94–103. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).94-103. (In Russ.).

ОТ КРАУДСОРСИНГА К ГРАЖДАНСКОМУ СОТРУДНИЧЕСТВУ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА, ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЧНОГО УЧАСТИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

М.В. Кукушко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

03 сентября 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Гражданское сотрудничество, публичное управление, публичное участие, непосредственная демократия, общественный контроль, краудтехнологии, инициативный проект, электронное участие, правовые механизмы преодоления неравенства, дистанционное голосование, общественная инициатива

Цифровая трансформация публичной власти объективно расширяет инструменты вовлечения граждан в подготовку и принятие юридически значимых решений. Вместе с тем термин «краудсорсинг», сформировавшийся в частноправовой сфере, не обеспечивает должной юридической определенности в публичном управлении. Цель статьи – обосновать и ввести в научный оборот понятие гражданского сотрудничества как публично-правового института, определить его признаки и формы, отличающие его от частноправовых краудтехнологий, а также предложить направления правовой регламентации. Научная новизна исследования состоит в авторском определении гражданского сотрудничества как урегулированной нормами публичного права совокупности процедур вовлечения неопределенного круга граждан с использованием цифровых технологий, приводящих к юридически значимому результату (акту управления или иному публично значимому решению), при координации со стороны публичных органов и с соблюдением конституционных принципов народовластия, законности и равенства.

FROM CROWDSOURCING TO CIVIC COLLABORATION: LEGAL NATURE, FORMS AND FEATURES OF PUBLIC PARTICIPATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

Mikhail V. Kukushko

HSE University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2025 September 03

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

Keywords

Civic cooperation, public administration, public participation, direct democracy, public oversight, crowd technologies, initiative project, electronic participation, legal mechanisms for addressing inequality, remote voting, public initiatives

Subject and hypothesis. The article interrogates the legal nature, forms, and distinctive features of public participation mediated by digital technologies in the Russian Federation, arguing that the term “crowdsourcing”, rooted in private law, lacks normative certainty for public administration. The working hypothesis is that “civic cooperation” can and should be conceptualized as a distinct public law institution, differing from private law crowd technologies by its procedural legal framing, legally relevant outcomes, and enforceable guarantees of participation.

Goal. The study aims to substantiate and introduce into legal scholarship a definition of “civic cooperation” as a public law institution, identify its constitutive features and forms, and propose directions for legal regulation that ensure equality, transparency, and accountability of digitally mediated participation.

Methods and methodology. The research employs doctrinal legal analysis; historical and comparative perspectives on the evolution from early forms of collective problem-solving to digital platforms; functional comparison of private law crowd models (crowdprocessing, crowdsolving, crowdcreation, crowdrating, crowdvoting, crowdfunding) with public law analogues (public consultations, regulatory impact assessment, petitions, participatory budgeting, public control, e-voting, participation in procurement and PPP/concession frameworks); and normative analysis of Russian constitutional and statutory guarantees (popular sovereignty, equality, access to information, petitions, data protection) as well as sub-statutory procedural rules.

Results. The paper demonstrates that in the private sphere crowdsourcing is an organizational technological model whose outcomes are typically factual and legally consequential only at the initiator's discretion, while motivation is mixed and monetary incentives are ancillary. Transposed into public administration, identical technological forms require legal mediation: the object of regulation becomes legally significant procedures for engaging an indeterminate number of citizens in preparing and adopting administrative or regulatory acts; coordination by a public authority is mandatory; and results must be documented, reasoned, and linked to final acts with justiciable consequences. The study formulates an original definition of "civic cooperation" as a legally regulated set of procedures of citizen involvement that culminate in a legally relevant outcome (an administrative act or other public decision) and trigger obligations of consideration, reasoned assessment, publication, and accountability. The findings confirm the hypothesis: civic cooperation constitutes a distinct public law institution rather than a mere transfer of crowdsourcing techniques.

1. Введение

Краудсорсинг¹ активно интегрируется в публично-правовую сферу. На публичном уровне это вовлечение сопрягается с конституционными началами народовластия и правом граждан участвовать в управлении делами государства и местного сообщества (ст. 3 и 32 Конституции РФ), пользоваться правом обращения в органы публичной власти (ст. 33 Конституции РФ), а также правом доступа к информации о деятельности данных органов публичной власти (ст. 24 Конституции РФ)².

Вместе с тем в российском правопорядке до сих пор отсутствует ясная граница между краудсорсингом как организационно-технологической моделью и гражданским сотрудничеством как публично-правовым институтом совместной деятельности граждан и публичной власти, опосредованной юридически значимыми процедурами и ориентированной на принятие управленческого акта с порождением правовых последствий (т. е. предметом регулирования публичного права являются не платформы как таковые, а юридически значимые процедуры, результаты и гарантии прав).

2. Исторические корни публичного использования коллективного ресурса

Историческая ретроспектива демонстрирует, что обращение к коллективному ресурсу предшествовало эпохе Интернета. В XVIII–XIX вв. власти обращались к населению для решения общественно значимых задач, например: конкурс 1714 г. британского правительства на нахождение точного метода определения долготы на море (морской хронометр Дж. Гаррисона)³; объявление во Франции в 1795 г. вознаграждения за изобретение способа консервации продуктов⁴; конкурс 1901 г. в Австралии по разработке дизайна государственного флага⁵.

3. Доктринальная эволюция и ключевые определения краудсорсинга

Концептуализация краудсорсинга произошла в 2006 г. в публикации Дж. Хау, который описал его как метод извлечения идей, знаний и труда из открытого множества добровольцев через цифровые платформы [1]. Сопоставляя его с аутсорсингом и использованием дешевой рабочей силы, Дж. Хау выделял не только экономию издержек, но и творческую вовлеченность сторон и долгосрочный эффект накопления коллективного знания. Пример с платформой *Amazon* по микрозадачам (распознавание изображений и

¹ От англ. *crowd* – «толпа, народная масса».

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. № 1-ФКЗ, с изм., от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ). Здесь и далее нормативные правовые акты приводятся по СПС «КонсультантПлюс».

³ Harrison's Marine Chronometer // World history encyclopedia. URL: <https://www.worldhistory.org/article/2197/harrisons-marine-chronometer/> (дата обращения: 15.02.2025).

⁴ «Пока полон желудок»: почему Наполеон не накормил армию консервами // РИА Новости. 2012. 10 авг. URL: <https://ria.ru/20120810/720644364.html> (дата обращения: 15.02.2025).

⁵ Australian Flags / Australian Government, Department of the Prime Minister and Cabinet. 3rd ed. Commonwealth of Australia, 2022. P. 63–66. <https://www.pmc.gov.au/sites/default/files/resource/download/australian-flags-booklet-2024-11-18-150dpi.pdf> (дата обращения: 12.02.2025).

аудио, поиск информации) показал раннюю индустриализацию «человеческих вычислений»⁶, впоследствии в значительной мере замещившихся инструментами искусственного интеллекта.

В дальнейшем доктрина наполнилась содержанием за счет работ Дж. Шуровьески о «мудрости толпы»: диверсификация точек зрения, распределенность знания, автономность суждений и последующая консолидация обеспечивают статистическое сглаживание ошибок и повышение достоверности коллективного результата при корректном институциональном дизайне [2]. Д. Тапскотт и Э.Д. Вильямс предложили концепт «викиномики» [3, с. 15–27] – модели, основанной на открытости, равноправном обмене, совместности и глобальности. А.Б. Долгин, рассматривая «новую экономику», обозначил краудсорсинг как добровольное применение коллективного интеллекта и труда для достижения полезных целей, включая прибыль, выделив коллаборативную фильтрацию – вовлечение потребителей в создание продукта и контента, когда участники одновременно производят и потребляют [4, с. 13–14].

В определении Д. Маццолы и А. Дистефано краудсорсинг – целенаправленное привлечение участников посредством веб-технологий для решения конкретной задачи [5]; у Э. Эстеллес-Ароласа – особая форма онлайн-взаимодействия по открытому предложению инициатора (частного лица, компании, некоммерческой организации), где участники вносят труд, средства, знания, получая взаимные выгоды (компенсацию, признание, развитие навыков), а инициатор – результат коллективного труда [6]. Так, О.Е. Комаров и А.В. Соколов подчеркивают способность краудсорсинга привлекать широкие массы к решению задач безвозмездно или за символическую плату [7]. В.Е. Епинина фиксирует раскрытие творческого потенциала участников и консолидацию ресурсов для коллективных действий [8]. С.В. Полутин и А.В. Седлецкий выделяют гетерогенность мотиваций – от общественно значимых целей до материального интереса [9]. Л.В. Лапидус разграничивает коммерческий и социальный (некоммерческий) краудсорсинг: первый нацелен на прибыль через создание дополнительной потребительской ценности и спроса, второй – на решение общественных задач без извлечения прибыли [10]. Л.С. Панкратова и С.В. Шакарбиева также различают

бизнес-краудсорсинг и социально-публичные формы, что важно для юридической типологии [11].

4. Типология краудтехнологий и их частноправовые формы

Типологически формы краудсорсинга распадаются на *crowdprocessing* (обработка микрозадач), *crowdsolving* (решение сложных задач), *crowdrating* (сбор оценок), *crowdcreation* (создание продукта сообществами), *crowdvoting* (голосование и оценки) [12; 13, р. 389], а также краудпрогнозы, краудинновации, крауддаудит, краудконтроль и краудзаботу [14, р. 19–48].

В финансовом измерении *crowdfunding* и производные *crowdinvesting* / *crowdlending* обеспечивают платформенное взаимодействие между инициаторами проектов (кто ищет финансирование) и инвесторами [15].

Кроме того, в качестве метода подбора кадров, обладающих наиболее подходящими компетенциями, исследователями выделяется *crowdrecruiting* [16].

Таким образом, краудсорсинг – организационно-технологическая модель привлечения неограниченного круга лиц к решению задач посредством цифровых платформ; в частноправовой сфере доминируют договорные и корпоративные регуляторы, результат чаще носит фактический характер (идея, контент, оценка), а юридические последствия опосредованы волей инициатора. Доминирующим мотивом выступает интерес к участию и со-творчеству; денежное вознаграждение, как правило, вспомогательно.

5. Особенности публично-правового участия граждан в Российской Федерации

Цифровизация государственного управления в России активизировала институты непосредственной демократии и публичного участия, закрепленные в Конституции РФ и отраслевом законодательстве. На практике сформировался широкий спектр цифровых форм коллективного участия – от общественных обсуждений проектов нормативных правовых актов, публичных обсуждений в рамках оценки регулирующего воздействия (далее – ОРВ), обязательности отчетов об учете / неучете предложений, до работы платформ общественных инициатив и петиций, включая Российскую общественную инициативу (далее – РОИ) по Указу Президента РФ № 183 (далее – Указ № 183)⁷, инициативного бюджетирова-

⁶ Учебник по машинному обучению. 11.2. Краудсорсинг // Яндекс.Образование. URL: <https://education.yandex.ru/handbook/ml/article/kraudsorsing> (дата обращения: 12.04.2025).

⁷ Указ Президента Российской Федерации от 4 марта 2013 г. № 183 «О рассмотрении общественных инициатив,

ния на региональном и муниципальном уровнях⁸, дистанционного электронного голосования как дополнительного способа волеизъявления⁹, общественного контроля по Федеральному закону от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (далее – Закон № 212-ФЗ)¹⁰ и цифрового наблюдения, участия в закупочной деятельности¹¹ и инфраструктурных проектах государственно-частного, муниципально-частного партнерства (далее – ГЧП, МЧП соответственно) и концессий¹², инструментов краудфинансирования публичных инициатив при соблюдении требований защиты инвесторов и раскрытия информации (включая регулирование инвестиционных платформ)¹³, а также кадровых конкурсов и программ подбора персонала в органы власти или публично-правовые организации с использованием цифровых платформ и модельных кейсов (федеральные проекты «Лидеры России»¹⁴ и «Время героев»¹⁵).

В рамках реализации РОИ можно отметить, как практика *crowdcreation* сопрягается с *crowdvoting*, при которой граждане формируют инициативы, осуществляют коллективную экспертизу и их ранжирование, а уполномоченные органы рассматривают представленные предложения для возможной реализации (Указ № 183). С.А. Авакьян, сравнивая РОИ с петициями и правотворческой инициативой, указывает на неопределенность судьбы инициатив [17, с. 303]: фильтрация организаторами, высокие барьеры регистрации, консервативная экспертная оценка и отсутствие четких механизмов снижают результативность даже при достижении порогов поддержки [18].

направленных гражданами Российской Федерации с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”» (в ред. от 17 сентября 2020 г.).

⁸ Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (в ред. от 20 марта 2025 г.).

⁹ Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (в ред. от 23 мая 2025 г.).

¹⁰ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» (в ред. от 25 декабря 2023 г.).

¹¹ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (в ред. от 30 ноября 2024 г.).

¹² Федеральные законы от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2025 г.) и от 21 июля

Наличие правил рассмотрения обращений, инициатив, обеспечение доступа к информации¹⁶ и защита персональных данных¹⁷, эквивалентные офлайн-альтернативы цифровым каналам через многофункциональные центры (далее – МФЦ) и иные механизмы¹⁸, – необходимые элементы публично-правовой процедурности.

Отсутствие же легального понятия, признаков и стандартов гражданского сотрудничества порождает риски неопределенности статуса результатов участия, неравного доступа, угроз защиты персональных данных и подмены демократических институтов консультативными опросами без юридических последствий. В ходе реализации Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Правовые механизмы преодоления неравенства» были выявлены риски неравенства участия: социальное и экономическое (низкий доход), информационное (цифровые навыки), пространственное (удаленность), физиологическое (инвалидность), языковое, – для нивелирования которых необходимы правовые и организационные меры, встроенные в дизайн гражданского сотрудничества:

– обязательная альтернатива каждой цифровой процедуре участия граждан (прием через МФЦ, общественные приемные, почтовые каналы, выездные формы и др.); установление на федеральном уровне минимальных стандартов эквивалентности;

– закрепление в подзаконных актах требований к платформам (доступность для инвалидов, мультязычность и др.);

2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (в ред. от 23 июля 2025 г.).

¹³ Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 8 августа 2024 г.).

¹⁴ Конкурс «Лидеры России»: офиц. сайт. URL: <https://лидерыроссии.рф/> (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁵ Программа «Время героев»: офиц. сайт. URL: <https://времягероев.рф/> (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁶ Федеральные законы от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (в ред. от 24 июня 2025 г.) и от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (в ред. от 14 июля 2022 г.).

¹⁷ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (в ред. от 28 февраля 2025 г.).

¹⁸ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (в ред. от 28 декабря 2024 г.).

– обязанность владельца платформы публиковать правила и логи автоматизированной обработки; запрет дискриминационного ранжирования; обеспечение аудита;

– юридическая обязанность уполномоченного органа давать мотивированные ответы по результатам участия; закрепление процессуальных сроков и формата публикации;

– в регламентах – показатели доли участников из социально уязвимых групп; публичная отчетность¹⁹.

6. От краудсорсинга к гражданскому сотрудничеству: признаки и разграничение

Сопоставление частноправовых форм краудсорсинга с публичными практиками позволяет выделить содержательные признаки публично-правового института гражданского сотрудничества (см. табл.).

Соотношение краудсорсинга с гражданским сотрудничеством

<i>Критерии различения</i>	<i>Краудсорсинг</i>	<i>Гражданское сотрудничество</i>
Цель	Получение фактического результата или управленческой гипотезы	Подготовка и принятие публично-властного решения (нормативного правового акта, административного акта, программы и др.)
Объект и результат	Результат чаще фактический (идея, контент, рейтинг) и приобретает юридическую форму только через волю инициатора	Результат встроен в процедуру подготовки акта и порождает юридические последствия (обязательность рассмотрения, мотивированное решение, возможная обязательность учета)
Режим результатов	Диспозитивный, по усмотрению инициатора	Сочетание императивного (процедуры, сроки, компетенция, оспоримость) и диспозитивного (выбор форм и цифровых каналов)
Регулятор	Регулируется договорными / корпоративными нормами и пользовательскими соглашениями	Регулируется публично-правовыми нормами, процедурами и гарантиями
Гарантии	Условия сервиса (ограниченные и частноправовые)	Равный доступ, процессуальные права участника, защита данных, доступ к информации (ст. 24 Конституции РФ, Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (в ред. от 14 июля 2022 г.)), сроки и формы ответа (Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (в ред. от 28 декабря 2024 г.; далее – Закон № 59-ФЗ)), учет мнений при нормотворчестве (Постановление Правительства РФ от 25 августа 2012 г. № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения» (в ред. от 20 апреля 2024 г.; далее – Постановление № 851)), механизмы общественного контроля (Закон № 212-ФЗ)
Мотивация	Доминирует смешанная мотивация (интерес / призы)	Участие ради влияния на управленческие решения; материальное вознаграждение возможно в узких формах (краудфинансирование, возмещение расходов волонтерам) при соблюдении законодательства

Предметом регулирования становятся юридически значимые процедуры участия неопределенного круга граждан в подготовке и принятии управленческих актов и реализации публичных программ; необходимым признаком – наличие правового основания и координации со стороны публичного субъекта; обя-

зательными принципами – законность, открытость, доступность, технологическая надежность, подотчетность и последующий публичный контроль, а также документированность и связь результата участия с итоговым актом. В отличие от частноправового краудсорсинга, где юридические последствия вторичны и

¹⁹ Представленный подход к снижению асимметрий участия опирается на результаты научно-исследовательского проекта «Модель правового преодоления неравенства». Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ («Правовые механизмы преодоления неравенства») и направлено на комплексный анализ видов и форм неравенства (социального,

экономического, информационного, пространственного и др.), их причин, условий и правовых последствий, дифференциацию факторов неравенства, не имеющих дискриминационного эффекта, и факторов, разрушающих общественные отношения и требующих правовых инструментов устранения.

обусловлены волей инициатора, в публичном праве последствия участия predeterminedены законом: возникает обязанность организовать процедуру, обеспечить учет мнений, оформить результаты, дать мотивированный ответ и опубликовать итоги. Следует также отметить, что ряд авторов в качестве признака гражданского сотрудничества выделяет некоммерческий характер реализуемых проектов [19], однако практика реализации проектов краудфандинга в сфере публичного управления подтверждает обратное: данная форма сотрудничества позволяет достичь, в том числе, целей извлечения прибыли как гражданами, так и государством. А.Н. Латышева справедливо отмечает, что краудфандинг – это не просто бизнес-инструмент, а способ компенсировать дефициты государственной социальной и культурной политики за счет нематериальной мотивации пользователей, поддерживающих общественно значимые проекты [20]. На стороне публичной политики возникновение данных форм обусловлено потребностью в кооперации государства и бизнеса: привлечение частного капитала повышает доступность и качество товаров, работ и услуг, что согласуется с практиками ГЧП, МЧП и концессий [21].

7. Авторское определение гражданского сотрудничества

Исходя из проведенного анализа частных форм краудсорсинга и их публичных аналогов, предлагается следующее определение: **гражданское сотрудничество в публичном управлении** – публично-правовой институт совместной деятельности граждан, их объединений и публичной власти, опосредованный установленной законом или подзаконным актом процедурой, направленной на подготовку и принятие управленческого решения (нормативного или индивидуального), в результате которой обеспечивается юридически обязательный учет предложений, их мотивированная оценка и последующее закрепление в публично-властном акте либо мотивированный отказ, порождающий правовые последствия.

8. Действующие формы гражданского сотрудничества в публичном управлении в России

Российская правовая система в настоящее время содержит разрозненные элементы гражданского сотрудничества: общественное обсуждение

проектов актов и публичные обсуждения при ОРВ²⁰, петиционные платформы участия, общественный контроль и экспертизу, инициативное бюджетирование, дистанционное электронное голосование, участие в закупках и инфраструктурных проектах, краудфинансирование с использованием инвестиционных платформ, кадровые конкурсы с использованием цифровых технологий. Российская практика оперирует платформами РОИ (Указ № 183), федеральным порталом общественного обсуждения (Постановление № 851), региональными сервисами («Активный гражданин», «Наш город», «Добродел», «Решаем проблемы вместе», «Решаем вместе»), инициативным бюджетированием, институтами общественного контроля (Закон № 212-ФЗ).

Исходя из анализа существующих в российской правоприменительной практике форм гражданского сотрудничества в публичном управлении, при их сопоставлении с краудсорсинговыми типами можно выделить следующие:

– нормотворческое сотрудничество (соответствует *crowdcreation* и *crowdrating* в части генерации и оценки предложений о разработке нормативного правового акта): инициативы по разработке актов, голосование, обсуждение проектов нормативных правовых актов, сбор альтернативных мнений и аргументов; результат – учет в пояснительной записке, реестр разногласий, доработка текста проекта, отчеты об общественных консультациях;

– общественная экспертиза (*crowdrating*, *crowdaudit*): общественная оценка проектов нормативных правовых актов, мониторинг правоприменения; результат – заключения с обязательным рассмотрением и мотивированным ответом;

– бюджетное сотрудничество (*crowdfunding* / *crowdinvesting* в публичной сфере): инициативное бюджетирование, ГЧП, МЧП, концессия и др.; результат – соответствующее решение компетентного органа о взаимодействии;

– управленческо-сервисное сотрудничество (*crowdprocessing*, *crowdsolving*): платформы для решения локальных задач (например, ЖКХ, благоустройство); результат – индивидуальные административные акты / задания подрядчикам, отчетность и контроль исполнения;

²⁰ Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов

решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (в ред. от 13 июля 2024 г.).

– стратегическое планирование и программирование (*crowdsolving* и краудпрогнозы): сбор предложений к стратегиям и программам развития, национальным проектам; результат – включение мероприятий и индикаторов;

– краудмониторинг и общественный контроль (*crowdcontrol, crowdaudit*): мониторинг качества услуг, соблюдения стандартов; результат – предписания, меры реагирования, отчеты органов, возможность обращений по Закону № 59-ФЗ и применение Закона № 212-ФЗ;

– соисполнение публичных задач и краудзабота: участие добровольцев и некоммерческих организаций в реализации социальных услуг и помощи; результат – административные решения о подключении ресурсов, соглашения о социальном партнерстве;

– кадровое сотрудничество (*crowdrecruiting*): реализация программ по подбору кадров на управленческие и иные должности в публично-правовые структуры.

9. Заключение

Публичное право не может заимствовать краудсорсинг в «чистом виде»: для легитимности требуется юридическое опосредование – процедуры, гарантии, правовая сила результатов и их оспоримость. Гражданское сотрудничество следует признать самостоятельным публично-правовым институтом, отличным от частноправового краудсорсинга: если последний – технология мобилизации коллективного ресурса, то первый – юридически регламентированная совместная деятельность граждан и органов публичной власти по подготовке и принятию решений с юридически значимыми последствиями. Его базовые признаки: нормативная процедурность, направленность на принятие публично-властного акта, обязательность мотивированности, равнодоступность, защита данных и подотчетность.

Развитие цифровых коммуникаций расширяет пространство непосредственной демократии, но требует правового закрепления процедур и стандартов, обеспечивающих доступность и прозрачность. Видится необходимым закрепление обязательных индикаторов легитимности и эффективности гражданского сотрудничества в системе стратегического планирования (в соответствии с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (в ред. от 13 июля 2024 г.)), введение ежегодной публичной отчетности, а также минимальных требований к платформам и эквивалентным офлайн-каналам в подзаконных актах. Необходимо ввести в федеральное законодательство легальное определение гражданского сотрудничества и общие требования к его процедурам (например, новой главой Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (в ред. от 31 июля 2025 г.) или Закона № 59-ФЗ с отсылочными нормами), закрепить механизмы, обеспечивающие прослеживаемость функционирования платформ формирования общественных инициатив [22], а также дополнительные требования к учету / неучету предложений при общественных и публичных обсуждениях нормативных правовых актов, унифицировать порядок их проведения. Кроме того, требуется расширить механизмы общественного контроля по Закону № 212-ФЗ применительно к цифровым платформам: ввести общественные наблюдательные советы, регулярные отчеты о соблюдении процедурных требований.

Встраивание данных критериев в регламенты органов власти, технические задания ИТ-платформ и систему оценочных индикаторов создаст воспроизводимую инфраструктуру участия, превращающую «мудрость толпы» из разрозненной практики в устойчивый механизм публичного управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Howe J. The Rise of Crowdsourcing / J. Howe // Wired Magazine. – 2006. – Iss. 14.06. – URL: <http://www.wired.com/wired/archive/14.06/crowds.html>.
2. Шуровьески Дж. Мудрость толпы: почему вместе мы умнее, чем поодиночке, и как коллективный разум влияет на бизнес, экономику, общество и государство / Дж. Шуровьески. – М. : Вильямс, 2007. – 320 с.
3. Тапскотт Д. Викиномика: Как массовое сотрудничество изменяет всё / Д. Тапскотт, Э. Д. Уильямс. – М. : Альпина, 2020. – 456 с.
4. Долгин А. Б. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка / А. Б. Долгин. – М. : АСТ, 2010. – 256 с.

5. Mazzola D. Crowdsourcing and the Participation Process for Problem Solving: The Case of BP / D. Mazzola, A. Distefano // *Information Technology and Innovation Trend in Organization : Proceedings of the VII Conference of the Italian Chapter of AIS*. – Naples, 2010. – URL: <https://www.itaio.org/proceedings/itaio2010/pdf/041.pdf>.
6. Estellés-Arolas E. Towards an integrated crowdsourcing definition / E. Estellés-Arolas, F. González-Ladrón-de-Guevara // *Journal of Information Science*. – 2012. – Vol. 20, No. 10. – P. 189–201. – DOI: 10.1177/0165551512437638.
7. Соколов А. В. Краудсорсинг в процессах гражданской кооперации / А. В. Соколов, О. Е. Комаров // *Девятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения : в 2 т.* – Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2016. – Т. 1. – С. 82–87.
8. Епинина В. С. Развитие партисипативных институтов публичного управления в субъектах ЮФО / В. С. Епинина // *Региональная экономика. Юг России*. – 2014. – № 1 (3). – С. 204–210.
9. Полутин С. В. Краудсорсинг как механизм активизации инновационного потенциала общества / С. В. Полутин, А. В. Седлецкий // *Интеграция образования*. – 2012. – № 3 (68). – С. 68–74.
10. Лапидус Л. В. Краудсорсинг и краудфандинг. Маркетинговое продвижение проектов, продукции и услуг / Л. В. Лапидус // *Вестник Финансового университета*. – 2016. – Т. 20, № 4. – С. 32–41.
11. Панкратова Л. С. Коммуникативные технологии краудсорсинга в современной глобальной и российской публичной политике / Л. С. Панкратова, С. В. Шакарбиева // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения*. – 2018. – Т. 23, № 6. – С. 208–216. – DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.6.17. – (На англ. яз.).
12. Geiger D. Crowdsourcing Information Systems - Definition, Typology, and Design / D. Geiger, M. Rosemann, E. Fieft, M. Schader // *ICIS 2012 : 33rd International Conference on Information Systems : Proceedings*. – Association for Information Systems, 2012. – Art. 53. – URL: <https://aisel.aisnet.org/icis2012/proceedings/ResearchInProgress/53>.
13. Leimeister J. M. Crowdsourcing: Crowdfunding, Crowdvoting, Crowdcreation / J. M. Leimeister // *Zeitschrift für Controlling und Management*. – 2012. – Ausg. 56, No. 6. – S. 388–392. – DOI: 10.1365/s12176-012-0662.
14. Lebraty J.-F. Crowdsourcing: One Step Beyond / J.-F. Lebraty, K. Lobre-Lebraty. – Wiley, 2013. – xv, 119 p. – DOI: 10.1002/9781118760765.
15. Суворов Н. С. Краудное финансирование как альтернативный источник финансового обеспечения предприятий малого бизнеса / Н. С. Суворов // *Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий*. – 2016. – № 3. – С. 401–403. – DOI: 10.20914/2310-1202-2016-3-401-403.
16. Усманов Б. Ф. Краудсорсинг: инновационные технологии для местной инициативы / Б. Ф. Усманов // *Знание. Понимание. Умение*. – 2013. – № 3. – С. 80–85.
17. Авакьян С. А. Представительство в конституционном праве: вопросы теории и практики : моногр. / С. А. Авакьян. – М. : Юстицинформ, 2022. – 484 с.
18. Волошинская А. А. «Российская общественная инициатива»: парадоксы отечественной электронной демократии // *Власть*. – 2016. – Т. 24, № 1. – С. 47–51.
19. Гамбеева Ю. Н. Краудсорсинг – технология гражданского участия в государственном управлении / Ю. Н. Гамбеева, С. Н. Медведева, Е. Л. Балашов // *Российское предпринимательство*. – 2018. – Т. 19, № 12. – С. 3947–3954.
20. Латышева А. Н. Это не просто бизнес: социальная составляющая российского краудфандинга / А. Н. Латышева // *Журнал исследований социальной политики*. – 2017. – Т. 15, – № 4. – С. 660–668. – DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-660-668.
21. Михальченко Т. А. Перспективы использования краудфандинга в проектах государственно-частного партнерства / Т. А. Михальченко, А. М. Воротников // *Журнал экономических исследований*. – 2019. – Т. 5, № 2. – С. 55–64.
22. Насыров И.Р. Технологии краудсорсинга в государственном управлении / И. Р. Насыров, И. Л. Савельев // *Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки*. – 2012. – Т. 154, Кн. 6. – С. 94–104.

REFERENCES

1. Howe J. The Rise of Crowdsourcing. *Wired Magazine*, 2006, iss. 14.06, available at: <http://www.wired.com/wired/archive/14.06/crowds.html>.
2. Surowiecki J. *The Wisdom of Crowds: Why the Many Are Smarter Than the Few and How Collective Wisdom Shapes Business, Economies, Societies and Nations*. Anchor, Doubleday Publ., 2004. 320 p.
3. Tapscott D., Williams A.D. *Wikinomics: How Mass Collaboration Changes Everything*. New York, Portfolio Publ., 2006. 324 p.
4. Dolgin A.B. *Manifesto of the New Economy. The Second Invisible Hand of the Market*. Moscow, AST Publ., 2010. 256 p. (In Russ.).
5. Mazzola D., Distefano A. Crowdsourcing and the Participation Process for Problem Solving: The Case of BP, in: *Information Technology and Innovation Trend in Organization*, Proceedings of the VII Conference of the Italian Chapter of AIS, Naples, 2010, available at: <https://www.itais.org/proceedings/itais2010/pdf/041.pdf>.
6. Estellés-Arolas E., González-Ladrón-de-Guevara F. Towards an integrated crowdsourcing definition. *Journal of Information Science*, 2012, vol. 20, no. 10, pp. 189–201. DOI: 10.1177/0165551512437638.
7. Sokolov A.V., Komarov O.E. Crowdsourcing in the processes of civil societies, in: *The Ninth Baikal International Socio-Humanitarian Readings*, in 2 volumes, Irkutsk, Irkutsk State university Publ., 2016, vol. 1, pp. 82–87. (In Russ.).
8. Epinina V.S. Development of the participative institutes of the public management in the regions of the South Federal District. *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii = Regional Economy. South of Russia*, 2014, no. 1 (3), pp. 204–210. (In Russ.).
9. Polutin S.V., Sedletsky A.V. Crowdsourcing as a mechanism of galvanisation of society's innovative potential. *Integratsiya obrazovaniya = Integration of Education*, 2012, no. 3 (68), pp. 68–74. (In Russ.).
10. Lapidus L.V. Crowdsourcing and crowdfunding. Marketing promotion of projects, products and services. *Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*, 2016, vol. 20, no. 4, pp. 32–41. (In Russ.).
11. Pankratova L.S., Shakarbieva S.V. Communication Technologies of Crowdsourcing in Contemporary Global and Russian Public Policy. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya = Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 2018, vol. 23, no. 6, pp. 208–216. DOI: 10.15688/jvolsu4.2018.6.17.
12. Geiger D., Rosemann M., Fiel E., Schader M. Crowdsourcing Information Systems - Definition, Typology, and Design, in: *ICIS 2012*, 33rd International Conference on Information Systems, Proceedings, Association for Information Systems Publ., 2012, art. 53, available at: <https://aisel.aisnet.org/icis2012/proceedings/ResearchInProgress/53>.
13. Leimeister J.M. Crowdsourcing: Crowdfunding, Crowdvoting, Crowdcreation. *Controlling & Management*, 2012, vol. 56, no. 6, pp. 388–392. DOI: 10.1365/s12176-012-0662. (In German).
14. Lebraty J.-F., Lobre-Lebraty K. *Crowdsourcing: One Step Beyond*. Wiley Publ., 2013. xv + 119 p. DOI: 10.1002/9781118760765.
15. Suvorov N.S. Crowdfunding as alternative financial resource for small business. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernykh tekhnologii = Proceedings of the Voronezh State University of Engineering Technologies*. 2016, no. 3, pp. 401–403. DOI: 10.20914/2310-1202-2016-3-401-403. (In Russ.).
16. Usmanov B.F. Crowdsourcing: innovative technologies for a local initiative. *Znanie. Ponimanie. Umenie = Knowledge. Understanding. Skill*, 2013, no. 3, pp. 80–85. (In Russ.).
17. Avak'yan S.A. *Representation in constitutional law: issues of theory and practice*, Monograph. Moscow, Yustitsinform Publ., 2022. 484 p. (In Russ.).
18. Voloshinskaya A.A. Russian Public Initiative: paradoxes of e-democracy. *Vlast' = The Authority*, 2016, vol. 24, no. 1, pp. 47–51. (In Russ.).
19. Gambееva Yu.N., Medvedeva S.N., Balashov E.L. Crowdsourcing – the technology of civil participation in public administration. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*, 2018, vol. 19, no. 12, pp. 3947–3954. (In Russ.).

20. Latysheva A.N. Not just a business: the social components of Russian crowdfunding. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki = The Journal of Social Policy Studies*, 2017, vol. 15, no. 4, pp. 660–668. DOI: 10.17323/727-0634-2017-15-4-660-668. (In Russ.).

21. Mihal'chenko T.A., Vorotnikov A.M. Prospects of using crowdfunding in public-private partnership projects. *Zhurnal ekonomicheskikh issledovaniy = Journal of Economic Studies*, 2019, vol. 5, no. 2, pp. 55–64. (In Russ.).

22. Nasyrov I.R., Savelev I.L. Crowdsourcing technologies in public administration. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Kazan Journal of Historical, Linguistic, and Legal Research*, 2012, vol. 154, iss. 6, pp. 94–104. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кукушко Михаил Викторович – аспирант департамента публичного права факультета права Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, 20
E-mail: Kukushko.M.V@hse.ru
SPIN-код РИНЦ: 1332-8124

INFORMATION ABOUT AUTHORSS

Mikhail V. Kukushko – PhD Candidate, Department of Public Law of the Faculty of Law
HSE University
20, Myasnitskaya ul., Moscow, 101000, Russia
E-mail: Kukushko.M.V@hse.ru
RSCI SPIN-code: 1332-8124

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кукушко М.В. От краудсорсинга к гражданскому сотрудничеству: правовая природа, формы и особенности публичного участия в Российской Федерации / М.В. Кукушко // *Правоприменение*. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 104–113. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).104-113.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kukushko M.V. From crowdsourcing to civic collaboration: legal nature, forms and features of public participation in the Russian Federation. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 104–113. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).104-113. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN PRIVATE LAW

УДК 349.222

DOI 10.52468/2542-1514.2026.10(1).114-123

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОРОКА ВОЛИ РАБОТНИКА В ТРУДОВЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ

К.С. Тишкович

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

10 февраля 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Воля, волеизъявление, порок воли, существенное заблуждение, кабальные условия трудового договора, вынужденное согласие, принуждение к увольнению, трудовой спор, баланс интересов сторон трудовых правоотношений

В связи с обширной практикой рецепции норм гражданского законодательства о пороке воли в трудовых спорах предпринята попытка осмысления этого понятия в контексте трудовых правоотношений. Отраслевые особенности трудового права требуют выработки специальных правил и особого подхода к использованию категорий, заимствованных из других областей права. На основе проведенного анализа судебной практики утверждается, что при разрешении трудовых споров категории, относящиеся к пороку воли, используются бессистемно, что приводит к многочисленным ошибкам правоприменения. Опровергается допустимость применения аналогии, бесконтрольного использования терминов гражданского законодательства в судебной практике по трудовым спорам и предлагается к рассмотрению ряд специальных правил, подлежащих применению в случае необходимости установления дефектов воли работника.

FEATURES OF THE ESTABLISHMENT OF THE VICE OF THE EMPLOYEE'S WILL IN LABOR RELATIONS

Kseniya S. Tishkovich

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2025 February 10

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

Keywords

Will, expression of will, vice of will, essential misconception, bonded terms of an employment contract, forced consent, forced dismissal, labor dispute, balance of interests of the parties of labor relations

The subject of the article. Traditionally, it is used to assess the legality of actions taken by participants in civil matters. Nevertheless, although the concept of "vice of will" is deeply developed in civil law, its application to labour relations remains ambiguous due to the specific socio-economic nature of labour and the special legal mechanisms designed to protect the interests of employees.

The purpose of the study. Development of a special approach to the use in labor law of categories borrowed from civil law related to the vice of the will, as well as special rules for identifying defects in the will of the employee.

Methods. Empirical methods of comparison, description, interpretation as well as formal legal method.

Conclusions. The admissibility of applying analogies and uncontrolled use of terms from civil law in labour dispute judicial practice are refuted, and a set of special rules is proposed for consideration in cases where it is necessary to establish defects in the will of an employee. Among these rules is the need to maintain a balance of interests between the parties to labour relations as a defining principle in adjudication on the matter of establishing the will of the parties. The freedom of defining the legal terms of any agreement between an employee and an employer, in the absence of legal restrictions, should in any case be limited by the inadmissibility of attributing objective risks associated with the employer's business activities to the employee. At the same time, the application

of "contra proferentem" interpretation to disputed terms, with the burden of proof placed on the employer to demonstrate the employee's voluntary consent to such terms, is permissible only if the employee provides evidence of the clearly and obviously onerous nature of these conditions. The priority of the actual will of the parties and the refusal to recognize the legal significance of the expression of will is possible in any case in the absence of signs of bad faith referring to the depravity of the party, declared within the time limits prescribed by law to appeal to the court, provided that such a decision will not entail violations of the requirements of the law or other legal act or infringe on public interests. If circumstances of vice of will are identified, arising from lawful managerial decisions of the employer or the likelihood of such decisions being made regarding the employee, the legal consequences are inapplicable. The assessment of the appropriateness of the employer's lawful managerial decisions should not be subject to judicial review.

1. Введение

Применение гражданско-правовой терминологии к трудовым правоотношениям – явление отнюдь не исключительное и часто встречающееся критику в науке. Так, Л.А. Чиканова отмечает, что с использованием терминов гражданского права «как имеющих универсальное значение при рассмотрении трудовых споров» нельзя согласиться, «ибо гражданское и трудовое законодательство основано на различных принципах» [1, с. 16]. Исследованию гражданско-правовой концепции порока воли посвящено значительное количество научных трудов [2–7]. Трудовому законодательству это понятие не знакомо. В науке же трудового права существует обширная дискуссия относительно возможности законодательного закрепления оснований признания трудового договора недействительным. Взгляды ученых на этот вопрос различны: от недопустимости самой концепции недействительности трудового договора до необходимости обязательного дополнения Трудового кодекса (далее – ТК) соответствующей статьей или, по крайней мере, легального закрепления возможности применения аналогии с соответствующим институтом гражданского права. Так, С.Ю. Головина отмечает, что «для решения вопроса о последствиях нарушения правил заключения трудового договора достаточно п. 11 ст. 77 ТК РФ, предусматривающего соответствующее основание прекращения трудового договора, а для нейтрализации условий трудового договора, ухудшающих положение работника, есть ч. 2 ст. 9 ТК РФ» [8, с. 13]. Другими авторами отмечается, что понятие недействительности трудового договора при условии правового регулирования порядка, процедур и последствий имеет достаточно оснований для закрепления в ТК РФ [9, с. 98]. Н.Н. Тарусина, проводя аналогию с семейно-правовыми отношениями, в ряде которых так же невозможно реституцирование правоотношений, не усматривает никаких препятствий повторения этого

опыта и в трудовом законодательстве [10, с. 50]. Д.В. Агашев предлагает дополнить ТК РФ понятием ничтожности трудового договора с фиксацией в ст. 9 соответствующих оснований и правовых последствий [11, с. 257]. И, наконец, некоторыми учеными не исключается и возможность субсидиарного применения положений Гражданского кодекса (далее – ГК) РФ о недействительности сделок [12, с. 47; 13, с. 519].

Несмотря на то, что в ТК некоторых стран ЕАЭС такие конструкции имеются и, более того, конкретизируются основания для признания недействительным договора ввиду порока воли работника, необходимо признать тот факт, что применение последствий недействительности сделки, свойственное гражданскому праву, для трудовых отношений недопустимо, и выявление порока воли или волеизъявления в трудовых отношениях должно влечь последствия, учитывающие особенности отрасли [14, с. 408].

Однако дискуссия о недействительности трудового договора как правовом последствии установления порока воли вызывает к обсуждению и другие спорные вопросы, актуальность которых подтверждается обширной и непоследовательной судебной практикой. Одним из таких вопросов является применение понятия порока воли в трудовых отношениях, процедура его установления в судебном порядке и особенные его трудовые черты. И на этот вопрос взгляды ученых расходятся. Так, М.В. Лушникова отмечает, что «цель заключения договора о труде, а тем более мотивы не имеют юридического значения. Иными словами, порок воли как таковой не имеет в трудовых отношениях существенного значения». Объясняется это тем, что работник волен в любой момент прекратить трудовые отношения, такая же возможность, но уже по предусмотренным законом основаниям имеется и у работодателя [15, с. 29]. Другие авторы, имея различные представления о последствиях установления порока

воли, напротив, находят, что дефекты воли и волеизъявления имеют правовое значение и требуют внимания законодателя [16, с. 45; 17, с. 111; 18].

Заметим, что вопрос дефектов в формировании воли выходит за границы положений трудового договора и касается практически любых ситуаций, в которых работник и работодатель должны прийти к согласию, отдельного внимания заслуживает и исследование воли в контексте понятия «инициатива» в трудовых правоотношениях. И пока вопрос о наличии и необходимости восполнения пробела в части недействительности трудовых договоров в ТК РФ не получил своего разрешения, проблема преодоления легальными средствами дефектов формирования воли и волеизъявления остается достаточно острой.

В следующих разделах настоящей статьи будет приведен анализ судебной практики в части использования некоторых цивилистических терминов, связанных с пороком воли, применительно к толкованию воли и волеизъявления работника. Отметим, что приводимые в настоящей статье аналогии с гражданским законодательством являются умозрительными конструкциями, направленными на выработку подхода к определению воли и волеизъявления, а также их порочности в трудовых отношениях.

2. Существенное заблуждение в трудовых правоотношениях на примере споров о признании отношений трудовыми

Одним из самых распространенных случаев обращения к этому термину в трудовых спорах являются случаи установления факта трудовых отношений или признания их таковыми в случае заключения гражданско-правового договора. В таких спорах предполагаемые работники часто шаблонно применяют конструкцию: «не понимал значение подписываемого договора», «не осознавал, что подписываю трудовой договор», «не понимал разницы между подписываемым гражданско-правовым договором и трудовым», «думал, что с ним заключен трудовой договор». Фактически в приведенных выше примерах речь идет о заблуждении относительно природы сделки.

Вместе с тем в связи с активной рецепцией этой категории возникает ряд вопросов. В случае, когда судом установлены признаки трудовых правоотношений, но не установлено существенного заблуждения, например, если наличие высшего юридического образования дает основание полагать, что ис-

тец понимал природу заключаемого договора и его правовые последствия, должен ли суд отказать в преквалификации договора, и каковы были бы перспективы этого спора в случае, если бы истец указал на вынужденный характер подписания гражданско-правового характера в связи с затруднительными жизненными обстоятельствами (затянувшийся поиск работы, долговые обязательства, наличие иждивенцев и пр.)? Ввиду недопустимости непосредственного применения норм гражданского законодательства к трудовым правоотношениям, каким образом следует разрешить спор суду в случае, если им установлено заблуждение относительно мотивов сделки или ее правовых последствий? В соответствии с ГК РФ и правовыми позициями высших судов указанные случаи не являются примерами существенного заблуждения и не влекут за собой последствия в виде признания сделки недействительной.

Поскольку ч. 2 ст. 15 ТК РФ прямо запрещает заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения между работником и работодателем, то в терминологии гражданского законодательства такого рода сделки являлись бы сделками, нарушающими требования закона или иного правового акта, а с учетом публичного интереса, характерного для трудовых отношений, квалифицировались бы, вероятно, как ничтожные. В судебной практике этот тезис также находит свое подтверждение. В решениях нередко встречается следующий аргумент: «факт добровольного подписания истцом договоров на выполнение работ физическим лицом не свидетельствует об отсутствии трудовых отношений, поскольку работник является экономически более слабой стороной в трудовом правоотношении, и все сомнения должны толковаться в пользу наличия трудовых отношений»¹.

Примечательно, что несмотря на однозначный и конкретный законодательный запрет заключения договора гражданско-правового характера вместо трудового, в случае обращения работодателя в суд с иском о признании незаконным предписания государственной инспекции труда, обязывающего истца заключить трудовой договор, суды нередко исходят из наличия воли или отсутствия таковой у самих работников, отмечая, что для решения вопроса о преквалификации «прежде всего надлежит учитывать мнение исполнителя (работника)»². При этом

¹ Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 8 мая 2018 г. по делу № 33-8242/2018; Решение Октябрьского районного суда

г. Екатеринбурга Свердловской области от 24 мая 2017 г. по делу № 2-1975/2017.

² Решение Октябрьского районного суда г. Краснодара Краснодарского края от 5 марта 2024 г. по делу № 2а-

практика не дает однозначного ответа, должен ли сам государственный инспектор интересоваться волей работника. Впрочем, в некоторых решениях суды отмечают, что из содержания ч. 1 ст. 19.1 ТК РФ следует, что «согласия исполнителя не требуется», поскольку государственная инспекция труда наделена полномочиями самостоятельно направить материалы проверки в суд с целью признания договора трудовым. Если вновь прибегнуть к аналогии и предполагать такую подмену договора сделкой, посягающей на публичный интерес, то этот вопрос ввиду ничтожности такой сделки должен разрешаться однозначно не в пользу свободного выбора работника.

Видится целесообразным прояснить поставленные выше вопросы, сохранив приоритет за установлением признаков трудовых отношений, в своей совокупности достаточно свидетельствующих о наличии трудовых отношений, при обнаружении которых недостаточность доказательств, свидетельствующих о порочности воли, в частности доказательств существенного заблуждения, обмана или тяжелого стечения обстоятельств, не будет иметь существенного значения.

3. «Кабальные» условия в трудовых отношениях

Вопрос о возможности применения к трудовым договорам или его отдельным условиям категории кабальности в случае установления факта согласия на недопустимые условия ввиду безвыходного положения работника не нов и обсуждался трудовым правом неоднократно [19, с. 224; 20, с. 69, 21, с. 76]. Следует отметить, что конструкция кабальных сделок применительно к трудовым отношениям использовалась в законодательстве и ранее, например в Циркуляре Народного комиссариата юстиции № 106 от 7 августа 1928 г.

Понятие кабальности условий трудового договора, дополнительных соглашений к нему или соглашений о расторжении нередко используется и в судебных решениях. Причем используется этот термин по-разному, в некоторых случаях – в его общепотребительном лексическом значении, без установления признаков кабальности. Так, в одном из судебных решений суд счел обоснованным отказ ра-

ботника от подписания трудового договора, предложенного работодателем во исполнение решения суда о признании отношений трудовыми, по мотивам кабальности условия об оплате труда³. Представляется, что в отсутствие легальной возможности применения аналогии закона и самостоятельного отраслевого регулирования этого вопроса, более оправданным было бы применение других терминов – «невыгодные условия», «несогласованные условия», «навязанные условия».

В другом деле, отказывая в удовлетворении требования работника о признании недействительным соглашения о расторжении трудового договора в связи с отсутствием в нем встречного предоставления, что по мнению работника делало такое соглашение кабальным, суд исследовал традиционные признаки кабальности со ссылкой на ст. 179 ГК РФ и отказал в удовлетворении требований в связи с недостаточностью признаков кабальной сделки⁴. Если предположить саму возможность распространения этих признаков и на практику разрешения трудовых споров, то, вероятно, доказывание факта заключения сделки на крайне, а не просто невыгодных условиях, а также действий другой стороны, свидетельствующих о том, что она такими тяжелыми обстоятельствами сознательно воспользовалась, оказывается практически невозможным.

И, наконец, в третьей группе судебных актов, напротив, указывается на недопустимость применения положений о «кабальности» к трудовым правоотношениям ввиду отсутствия соответствующих норм в ТК РФ⁵.

Практика заключения трудовых договоров без реального согласования его условий отнюдь не исключение. Работник зачастую оказывается перед выбором заключить не удовлетворяющий его по некоторым пунктам договор или вернуться на стадию поиска работы, который, возможно, затянется на непредсказуемо долгий срок. Этот аргумент редко служит для суда основанием принять сторону работника. Так, в спорах о признании заключенными на неопределенный срок срочных трудовых договоров в случае, если стороны определили срочный их ха-

1146/2024; Решение Нижегородского районного суда г. Нижний Новгород Нижегородской области от 17 ноября 2016 г. по делу № 2-11348/2016; Апелляционное определение СК по гражданским делам Суда Еврейской автономной области от 26 июня 2015 г. по делу № 33-307/2015.

³ Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 9 декабря 2019 г. по делу № 8Г-1595/2019.

⁴ Решение Сургутского городского суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 24 октября 2024 г. по делу № 2-10358/2024.

⁵ Апелляционное определение СК по гражданским делам Псковского областного суда от 24 марта 2015 г. по делу № 33-411/2015.

рактен на одном из оснований ч. 2 ст. 59 ТК РФ, суды часто отказывают в удовлетворении требований работника, не находя доказательств вынужденности. Доводы о необходимости как можно более скорого трудоустройства, наличии иждивенцев и кредитных обязательств также не убедительны⁶. Применение разъяснений Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2, согласно которым для трансформации договора в указанном случае необходимо установление вынужденного согласия о срочном характере, остается обусловленным исключительно усмотрением суда.

Почти «родственной» отрасли трудового права является другая предусмотренная ГК РФ конструкция договора присоединения, и идея этого сравнения далеко не нова [22, с. 86; 23 с. 83; 24, с. 408]. В редакции Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ п. 3 ст. 428 ГК РФ распространяет ее действие и на правоотношения, возникшие хотя и не вследствие договора присоединения, но в условиях явного неравенства переговорных возможностей, ввиду чего для одной из сторон затруднительно влияние на содержание условий договора. Указанная конструкция направлена на справедливую реализацию принципа свободы договора, в которой законодатель не ограничивается признанием юридического равенства сторон, а юридическими средствами выравнивает положение сторон, одна из которых является экономически слабой и зависимой.

Имеется ли в целом необходимость законодательной легализации этих категорий как самостоятельных категорий трудового права? Представляется, что такой необходимости нет. Сущностно неравное положение сторон предопределяет публично-правовые начала отрасли трудового права. Закон по общему правилу также предоставляет работнику право влиять на договорные условия. А правоприменитель в случае обнаружения явного дисбаланса в интересах сторон обязан принимать решение, соответствующее целям и задачам трудового законодательства.

4. Вынужденное согласие работника

Бесспорно, одним из наиболее часто встречающихся в судебных актах примеров упоминания порока воли является категория дел, связанных с спа-

риванием прекращения трудовых отношений в связи с недобровольным характером написания заявления об увольнении или подписания соглашения о расторжении трудового договора. Кроме того, в судебной практике встречается немало примеров, когда работники обращаются с требованием прекратить понуждающие к увольнению действия работодателя превентивно. Однако статистически суды значительно реже становятся на сторону работника, мотивируя это отсутствием достаточных доказательств склонения работника к подобному решению. В мотивировочной части суды ограничиваются весьма формальными пояснениями, согласно которым факт отсутствия понуждения подтверждается отсутствием действий по отзыву заявления об увольнении по собственному желанию, ознакомление с приказом без замечаний, получением расчета, невыходом на работу, а также отсутствием обращений в правоохранительные и надзорные органы по поводу факта принуждения⁷. Доказательства, подтверждающие конфликтный характер отношений между работником и работодателем, также часто не являются достаточным аргументом в подобных спорах.

В то же время встречаются немногочисленные примеры, в которых суды, удовлетворяя требования работника, обосновывают недобровольный характер подписания вышеуказанных документов особым психологическим состоянием работника, связанным с предложением подписать соглашение о расторжении трудового договора, а также неразъяснением работодателем последствий подписания такого соглашения. В случае с признанием незаконными действий работодателя по принуждению к увольнению по собственному желанию в части решений можно встретить доводы о том, что работа является основной, иные источники дохода отсутствуют, предложения о новой работе не поступали и даже указание на наличие кредитных обязательств⁸. Аргументы ответчика об ознакомлении с приказом и отсутствии отзыва в таких случаях признаются несостоятельными.

Отдельное внимание следует уделить случаям вынужденного согласия работника, продиктованного не реальной угрозой потери работы, не вынужденным положением работника, связанным с особыми тяжелыми жизненными обстоятельствами, а

⁶ Определение Смоленского областного суда от 6 июня 2012 г. по делу № 33-1748; Определение Санкт-Петербургского городского суда от 24 мая 2012 г. по делу № 6649; Решение Усть-Канского районного суда Республики Алтай от 20 июня 2022 г. по делу № 2-137/2022.

⁷ Решение Тушинского районного суда г. Москвы от 12 сентября 2023 г. по делу № 02-4966/2023.

⁸ Решение Чулымского районного суда Новосибирской области от 18 сентября 2024 г. по делу № 2-565/2024; Решение Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 21 июня 2024 г. по делу № 2-1773/2024.

условиями, прямо связанными с управлением трудом. Вынужденное согласие может быть продиктовано самыми разными причинами: от корпоративной культуры, побуждающей работника действовать так, как большинство других работников, до опасений встретить нелояльность работодателя при решении вопросов, связанных с оценкой результатов труда, перспектив карьерного роста или удовлетворения личных просьб работника. Следует отметить, что такого рода причины являются специфическими для трудовых отношений. В аналогичном случае при оценке действительности гражданско-правовой сделки маловероятно, что подобные обстоятельства были бы истолкованы судом как достаточные для констатации порока воли.

Следует отметить, что проанализированные выше примеры судебных решений не отражают всей картины истинного положения дел в части соотношения воли и волеизъявления работников. Неисчислимо количество случаев условно добровольного привлечения к работе в выходные дни или к сверхурочной работе, в которых работники в лучшем случае вынужденно соглашались, получая законную компенсацию, а в худшем привлекаются к работе за пределами нормальной продолжительности рабочего времени без должного оформления и оплаты. Кроме того, ТК РФ предусматриваются некоторые случаи альтернативных способов реализации права, предполагающие по выбору работника получить причитающуюся ему гарантию тем или иным способом. На практике совершение этого выбора происходит отнюдь не самостоятельно – работник оказывается принужден к выбору той формы, которая будет ему указана работодателем. Так, по желанию работника сверхурочная работа может быть компенсирована либо повышенной оплатой, либо предоставлением дополнительного времени отдыха, не менее времени, отработанного сверхурочно. Аналогичный выбор предоставляет закон при привлечении работника к работе в нерабочие и праздничные дни. Кроме того, кодекс содержит и примеры предоставления некоторых видов гарантий по требованию работника. И вновь, несмотря на право работника, прямо обозначенное в законе, практически решение остается за работодателем. Все вышеприведенные примеры представляют собой случаи нарушения закона, носящие массовый характер, и вместе с тем относящиеся к той категории нарушений, с существованием которых работники чаще всего соглашались, не пытаясь отстоять свои права в суде.

5. Заключение

Принципиальные отличия, не позволяющие распространить цивилистический подход к пороку воли на трудовые правоотношения, заключаются в целом ряде факторов. К ним относятся, в частности, специфические мотивы, влияющие на формирование воли работника, которые могут быть обусловлены не только субъективными факторами, но и объективными, например соотношение спроса и предложения на конкретную профессию в конкретный период, стабильность рынка труда в целом, специфика организации (скажем, планируемый карьерный рост в замкнутой системе организаций одного типа, где в случае несговорчивого поведения работника на предшествующем месте работы, вероятность трудоустройства в другие организации этого сектора существенно снижается). Другой немаловажной особенностью является преимущественно желаемый длительный характер правовой связи. В сравнении с некоторыми гражданско-правовыми отношениями, для которых также характерно неравенство участников, например отношений с потребителем, работник, чаще тяготеющий к стабильности в трудовых отношениях, оказывается в положении «выбора без выбора» даже при отсутствии какого-либо внешнего влияния на свободное волеизъявление со стороны работодателя. Третьей особенностью является специфика хозяйской власти работодателя, что не может не предполагать как законную возможность работодателя осуществлять управление самостоятельным трудом, по собственному выбору определяя наиболее эффективные правомерные способы воздействия на поведение работника, так и влияние «организационной ответственности» на свободное решение работника. И, наконец, процессуальная особенность трудовых споров – преимущество работодателя в части представления доказательств.

Безусловно, пробельность правового регулирования в законодательстве в этой части предполагает одновременное решение целого ряда вопросов. В частности, разрешения вопроса о последствиях выявления такого порока, роли мотивов формирования порочной воли, случаев, в которых установление воли сторон не будет иметь юридического значения, в конце концов, определения терминов, доктринально относящихся к пороку воли и волеизъявления. Каждый из указанных вопросов заслуживает самостоятельного исследования.

Однако, разрешая вопрос о процессе выявления воли в трудовых правоотношениях, с учетом изложен-

ного выше, представляется важным произвести несколько уточнений на законодательном уровне.

1. По справедливому замечанию М.А. Драчук, «конкуренция на рынке рабочей силы без относительной свободы трудового договора невозможна, а обратная ситуация будет сдерживать развитие производительных сил» [25, с. 386], потому всякое выявление воли сторон с целью изменения правоотношений должно осуществляться не иначе как с позиции баланса интересов сторон трудовых правоотношений.

2. Свобода определения юридических условий соглашений любого рода между работником и работодателем в случае отсутствия законных ограничений во всяком случае ограничена недопустимостью отнесения объективных рисков, связанных с хозяйственной деятельностью работодателя, на сторону работника.

3. Применение толкования *contra proferentem* в отношении спорных условий с возложением на работодателя бремени доказывания обстоятельств добровольного согласия работника на такие условия

допустимо только при представлении стороной работника доказательств явной, совершенно очевидной обременительности этих условий.

4. Приоритет действительной воли сторон и отказ в признании юридической значимости волеизъявления возможен во всяком случае при отсутствии признаков недобросовестного поведения ссылающейся на порочность стороны, заявленного в предусмотренные законом сроки обращения в суд при условии, что такое решение не будет влечь за собой нарушения требований закона или иного правового акта или посягать на публичные интересы.

5. В случае выяснения обстоятельств порока воли, сформировавшегося под влиянием не противоречащих закону управленческих решений работодателя или вероятностью совершения таковых в отношении работника, правовые последствия неприменимы. Оценка целесообразности правомерных управленческих решений работодателя не должна быть предметом судебного рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чиканова Л. А. Использование отдельных гражданско-правовых категорий в регулировании трудовых отношений: актуальные проблемы / Л. А. Чиканова // Кадровик. – 2024. – № 5. – С. 15–28.
2. Ойгензихт В. А. Воля и волеизъявление : очерки теории, философии и психологии права / В. А. Ойгензихт ; отв. ред. С. А. Раджабов. – Душанбе : Дониш, 1983. – 256 с.
3. Политова И. П. Категория воли в гражданском праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И. П. Политова. – М., 2014. – 28 с.
4. Манджиев А. Д. Свобода воли в договорных правоотношениях / А. Д. Манджиев. – М. : Статут, 2017. – 192 с.
5. Родионова О. М. Правовые формы реализации волевых отношений в механизме гражданско-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / О. М. Родионова. – М., 2017. – 54 с.
6. Сенина Ю. Л. Категория воли в гражданском праве России (В аспекте гражданско-правовой сделки) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю. Л. Сенина. – Томск, 2006. – 28 с.
7. Уруков В. Н. Теория воли и волеизъявления в гражданском праве / В. Н. Уруков. – М. : Юстицинформ, 2019. – 620 с.
8. Головина С. Ю. Особенности трудового договора по законодательству государств-членов ЕАЭС / С. Ю. Головина // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 3 (99). – С. 9–18.
9. Мершина Н. Д. Недействительность трудового договора: проблемы правоприменения / Н. Д. Мершина, Ю. И. Клепалова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». – 2017. – № 5. – С. 96–98.
10. Тарусина Н. Н. Субсидиарное применение правовых норм: цивилистические этюды / Н. Н. Тарусина // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2021. – № 2 (66). – С. 44–52. – DOI: 10.26456/vtpravo/2021.2.044.
11. Агашев Д. В. Недействительность трудового договора и признание трудового договора недействующим как перспективные способы защиты трудовых прав / Д. В. Агашев // Ежегодник трудового права. – 2023. – № 13. – С. 245–260. – DOI: 10.21638/spbu32.2023.117.
12. Князева Н. А. Признание трудового договора недействительным как способ защиты трудовых прав работников / Н. А. Князева // Законодательство. – 2017. – № 2. – С. 42–49.

13. Комков С. А. К вопросу об отраслевой природе трудового договора (памяти профессора В.М. Лебедева) / С. А. Комков // Академический юридический журнал. – 2023. – Т. 24, № 4. – С. 514–521.
14. Лушников А. М. Курс трудового права : учеб. для студентов высш. учеб. заведений, обуч. по направлению «Юриспруденция» и специальности «Юриспруденция» / М. В. Лушникова, А. М. Лушников. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2009. – Т. 2. – 1151 с.
15. Лушникова М. В. Условия действительности договоров о труде, изменение юридической квалификации договоров о труде, аннулирование трудового договора: вопросы теории и практики / М. В. Лушникова // Российский ежегодник трудового права. – СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009. – № 4. – С. 22–46.
16. Комков С. А. Сделки в российском трудовом праве / С. А. Комков // Сибирский юридический вестник. – 2017. – № 2 (77). – С. 43–47.
17. Офман Е. М. Механизм исцеления трудового договора: взгляд законодателя и позиция судов / Е. М. Офман // За права трудящихся! Реализация социально-трудовых прав граждан: опыт, проблемы, перспективы : материалы Восьмой Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 15–16 дек. 2022 г.) / под общ. ред. Ю. В. Иванчиной, Е. А. Истоминой. – Екатеринбург : Ур. гос. юрид. ун-т, 2022. – С. 108–112.
18. Князева Н. А. Правовые последствия заключения трудового договора и соглашений об изменении определенных сторонами условий трудового договора с пороками воли / Н. А. Князева // Науч. тр. / Рос. акад. юрид. наук ; отв. ред. В. В. Гриб. – М. : Юрист, 2017. – Вып. 17, т. 2. – С. 421–424.
19. Современное трудовое право (опыт трудового компаративизма) / под ред. В. М. Лебедева. – М. : Статут, 2007. – Кн. 1. – 301 с.
20. Головина С. Ю. Трудовой договор как юридическая конструкция / С. Ю. Головина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 3 (21). – С. 65–72.
21. Предко Н. В. Содержание трудового договора / Н. В. Предко, Е. Б. Хохлов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 5 (232). – С. 59–77.
22. Драчук М. А. Еще раз к дискуссии о трудовом договоре как источнике права (памяти Л.Ю. Бугрова) / М. А. Драчук // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2013. – № 3 (21). – С. 84–88.
23. Лютов Н. Л. Законодательные инициативы, связанные с дистанционным трудом: временный ажиотаж на фоне пандемии или устойчивая тенденция? / Н. Л. Лютов // Журнал российского права. – 2020. – № 12. – С. 78–88. – DOI: 10.12737/jrl.2020.149.
24. Ершова Е. А. Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих в России / Е. А. Ершова. – М. : Статут, 2008. – 666 с.
25. Драчук М. А. Юридический механизм управления несамостоятельным трудом : моногр. / М. А. Драчук. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – 422 с.

REFERENCES

1. Chikanova L.A. The use of certain civil law categories in the regulation of labor relations: current problems. *Kadrovik*, 2024, no. 5, pp. 15–28. (In Russ.).
2. Oigenzikht V.A. *Will and expression of will*, Essays on theory, philosophy and psychology of law, ed. by S.A. Radzhabov. Dushanbe, Donish Publ., 1983. 256 p. (In Russ.).
3. Politova I.P. *The category of will in Russian civil law*, Cand. Diss. Thesis. Moscow, 2014. 28 p. (In Russ.).
4. Mandzhiev A.D. *Freedom of will in contractual legal relations*. Moscow, Statut Publ., 2017. 192 p. (In Russ.).
5. Rodionova O.M. *Legal forms of realization of volitional relations in the mechanism of civil law regulation*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2017. 54 p. (In Russ.).
6. Senina Yu.L. *The category of will in Russian civil law (In the aspect of a civil law transaction)*, Cand. Diss. Thesis. Tomsk, 2006. 28 p. (In Russ.).
7. Urukov V.N. *Theory of will and expression of will in civil law*. Moscow, Yustitsinform Publ., 2019. 620 p. (In Russ.).
8. Golovina S.Yu. Peculiarities of the employment contract under the laws of the EAEU member states. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2017, no. 3, pp. 9–18. (In Russ.).
9. Mershina N.D., Klepalova Yu.I. Invalidity of the labor contract: the problem of enforcement. *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya «Ekonomika i pravo» = Modern Science: actual problems of theory & practice. Series “Economics and Law”*, 2017, no. 5, pp. 96–98. (In Russ.).

10. Tarusina N.N. Subsidiary application of legal norms: civil studies. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2021, no. 2 (66), pp. 44–52. DOI: 10.26456/vtpravo/2021.2.044. (In Russ.).
11. Agashev D.V. Invalidity of the employment contract and recognition of the employment contract as not valid as a promising way to protect labour rights. *Ezhegodnik trudovogo prava = Russian Journal of Labour & Law*, 2023, iss. 13, pp. 245–260. DOI: 10.21638/spbu32.2023.117. (In Russ.).
12. Knyazeva N.A. Recognizing employment contract invalid: remedy of employees. *Zakonodatel'stvo*, 2017, no. 2, pp. 42–49. (In Russ.).
13. Komkov S.A. On the issue of the sectoral nature of the employment contract (in memory of Professor V.M. Lebedev). *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2023, vol. 24, no. 4, pp. 514–521. (In Russ.).
14. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. *The course of labor law*, Textbook for students of higher educational institutions studying in the field of “Jurisprudence” and the specialty “Jurisprudence”, 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2009. Vol. 2. 1151 p. (In Russ.).
15. Lushnikova M.V. Conditions of validity of labor contracts, changes in the legal qualification of labor contracts, cancellation of an employment contract: issues of theory and practice, in: *Rossiiskii ezhegodnik trudovogo prava*, St. Petersburg, St. Petersburg University Publ., 2009, no. 4, pp. 22–46. (In Russ.).
16. Komkov S.A. Transactions in the labor law of Russia. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Law Herald*, 2017, no. 2 (77), pp. 43–47. (In Russ.).
17. Ofman E.M. Mechanism of labor contract healing: legislator's view and courts' position, in: Ivanchina Yu.A., Istomina E.A. (eds.). *Za prava trudyashchikhsya! Realizatsiya sotsial'no-trudovykh prav grazhdan: opyt, problemy, perspektivy*, Collection of scientific papers of the Eighth International scientific and practical conference (Yekaterinburg, December 15–16, 2022), Yekaterinburg, Ural State University of Law Publ., 2022, pp. 108–112. (In Russ.).
18. Knyazeva N.A. The legal consequences of concluding an employment contract and agreements on changing the terms of an employment contract defined by the parties with defects of will, in: Grib V.V. (ed.). *Scientific works*, by Russian Academy of Legal Sciences, Moscow, 2017, iss. 17, vol. 2, pp. 421–424. (In Russ.).
19. Lebedev V.M. (ed.). *Modern labor law (experience of labor law comparativism)*. Moscow, Statut Publ., 2007. Bk. 1. 301 p. (In Russ.).
20. Golovina S.Yu. Labour contract as the legal structure. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2013, no. 3, pp. 65–72. (In Russ.).
21. Predko N.V., Khokhlov E.B. Content of the employment contract. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2000, no. 5 (232), pp. 59–77. (In Russ.).
22. Drachuk M.A. Once again to discussion of a labour contract as a legal source (in memory L.Yu. Bugrova [sic!]). *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki = Perm University Herald. Juridical Sciences*, 2013, no. 3 (21), pp. 84–88. (In Russ.).
23. Lyutov N.L. The Legislative Initiatives Regarding the Remote Work: A Temporary Pandemic Turmoil or Sustainable Trend?. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 12, pp. 78–88. DOI: 10.12737/jrl.2020.149. (In Russ.).
24. Ershova E.A. *Labor relations of the state civil and municipal employees in Russia*. Moscow, Statut Publ., 2008. 666 p. (In Russ.).
25. Drachuk M.A. *Legal mechanism for managing dependent labor*, Monograph. Omsk, Omsk State University Publ., 2015. 422 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тишковиц Ксения Сергеевна – старший преподаватель кафедры трудового и социального права Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: tishkovichks@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7515-6438
ResearcherID: HDN-2246-2022
SPIN-код РИНЦ: 2442-2007; AuthorID: 845952

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Kseniya S. Tishkovich – Senior Lecturer, Department of Labor and Social Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: tishkovichks@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7515-6438
ResearcherID: HDN-2246-2022
RSCI SPIN-code: 2442-2007; AuthorID: 845952

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тишкович К.С. Особенности установления порока воли работника в трудовых правоотношениях / К.С. Тишкович / Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 114–123. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.10(1).114-123.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Tishkovich K.S. Features of the establishment of the vice of the employee's will in labor relations. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 114–123. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).114-123. (In Russ.).

**ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ ПРАВА
ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ И ДОЗНАНИЯ
THE LAW ENFORCEMENT BY THE BODIES
OF PRELIMINARY INVESTIGATION AND INQUIRY**

УДК 343.34

DOI 10.52468/2542-1514.2026.10(1).124-133

**ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 210¹ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

О.А. Дизер, А.В. Максименко, И.Н. Архипцев

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

06 мая 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Квалификация, расследование, преступная иерархия, занятие высшего положения в преступной иерархии, «вор в законе», «положенец», «смотрящий», организованная преступная группа, совершенствование законодательства, методические рекомендации

Проанализированы изменения, внесенные в Уголовный кодекс РФ в связи с принятием Федерального закона от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности». Изучены проблемные аспекты квалификации преступления, связанного с занятием высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ Уголовного кодекса РФ), а также судебная практика по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии. Установлен ряд основных проблем при расследовании и квалификации анализируемого преступления, а также объективные проблемы, препятствующие эффективному, объективному и результативному уголовному судопроизводству по данной категории дел. Изучен зарубежный опыт противодействия организованной преступности. Сделан ряд предложений по изменению уголовного законодательства и практики его применения.

**PROBLEMS OF QUALIFICATION AND INVESTIGATION OF THE CRIME PROVIDED
FOR IN ARTICLE 210¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Oleg A. Dizer, Alexander V. Maksimenko, Ivan N. Arkhitektsev

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belgorod, Russia

Article info

Received –

2025 May 06

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

Keywords

Qualification, investigation, criminal hierarchy, taking the highest position in the criminal hierarchy, “kingpin”, “kingpin’s henchman”, “supervisor”,

Subject. Problematic issues of legislative regulation of Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation and its application in practice.

Methodology. The methodological basis is the principles of scientific knowledge: objectivity, interrelation of phenomena and their characteristics, unity of theory and practice.

The purpose of the study is theoretical and practical problematic aspects of the application of criminal legislation for taking the highest position in the criminal hierarchy, and formulates ways to solve them.

Main results. The authors have established that there are a number of problems related to the application of Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation: there is no legislative consolidation of the concept of a person taking the highest position in the criminal hierarchy, as well as the accompanying conceptual apparatus fixed by law; the legislator does not regulate the list of actions that a person performs for taking the appropriate status in the criminal world, as well as actions to maintain and strengthen it.

organized criminal group,
improvement of legislation,
methodological recommendations

These shortcomings significantly complicate criminal proceedings and allow the leaders of the criminal world to avoid liability, and this has a negative impact on the eradication of organized crime in the country.

1. Установление в Российской Федерации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии

Проблема организованной преступности для государства всегда была актуальной и острой, Российская Федерация в этом отношении не является исключением. Наиболее сложными в современной истории нашей страны признаются 1990-е гг. Однако и сейчас организованная преступность всё еще представляет серьезную угрозу для российского общества и государства, о чём говорит судебная практика. В современной России организованная преступность особенно активно проявляет себя в легализации денежных средств, добытых преступным путем, незаконном обороте наркотических и психотропных веществ, незаконном обороте оружия, организации занятия проституцией.

Одной из ключевых характеристик организованных преступных групп является их иерархичность, проявляющаяся в четком распределении ролей, обязанностей и, соответственно, «полномочий» в преступном сообществе, значительная роль в которых принадлежит так называемым «ворам в законе», «смотрящим», «положенцам», которые, руководя преступными организованными группами, определяют преступную специализацию данной группы, обеспечивают ее функционирование, выступая в ней в качестве своего рода закона. Без их решения, указания и контроля деятельность организованной преступной группы невозможна. Поэтому эффективные инструменты борьбы с криминальными лидерами, привлечение их к ответственности предстает важной и необходимой для государства задачей.

В 2019 г. российский законодатель дополнил Уголовный кодекс (далее – УК) РФ ст. 210¹, в которой основанием для привлечения к уголовной ответ-

ственности стал криминальный статус лица, его высшее положение в преступной иерархии¹.

Так, согласно данным судебной статистики Российской Федерации, в 2021 г. по ст. 210¹ УК РФ было осуждено 8 лиц, в 2022 г. – 20 лиц, в 2023 г. – 33 лица². По информации Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2024 г. судами было осуждено 23 лица по ст. 210¹ УК РФ³.

Таким образом, исследование данной проблематики имеет актуальность для теории и практики применения ст. 210¹ УК РФ.

2. Проблемные аспекты квалификации и расследования преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ

Прежде всего следует отметить, что законодательное закрепление понятия «занятие высшего положения в преступной иерархии» в ст. 210¹ УК РФ отсутствует, и решать, кого относить к субъекту данного преступления, следователям чаще всего приходится, основываясь на своем личном убеждении, что безусловно сказывается на качестве и эффективности предварительного расследования. Кроме того, отсутствие законодательного закрепления такого основополагающего для применения данной уголовно-правовой нормы понятия создает проблему привлечения к уголовной ответственности виновного лица, которое стремится в первую очередь обезопасить свою преступную деятельность и деятельность подчиненного ему преступного сообщества. Данные лица нередко устанавливают связи с государственными органами власти, что в свою очередь служит ярким коррупциогенным фактором и также снижает эффективность предварительного расследования и борьбу с организованной преступностью в целом.

Заметим, что Верховный Суд РФ также не дает каких-либо разъяснений по данному вопросу⁴.

¹ Федеральный закон от 1 апреля 2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 14. Ст. 1459.

² Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.ани-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 15.01.2025).

³ Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год.

№ 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 06.05.2025).

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда от 10 июня 2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

В связи с этим у правоохранительных органов на практике возникают трудности, являются ли такими лицами только «воры в законе» или же к этим лицам возможно относить «смотрящих» и «положенцев». Исходя из выполняемых «смотрящими» и «положенцами» функций в криминальном мире, их с уверенностью возможно отнести к лицам, находящимся на вершине преступного мира, стоящим во главе преступной, криминальной иерархии. Однако в законодательстве этот аспект также не имеет закрепления, и, соответственно, существует необходимость в толковании в уголовном законодательстве понятий «смотрящий» и «положенец».

В теории уголовного права, к сожалению, также отсутствует единая точка зрения по рассматриваемому вопросу.

В.Н. Куфлева считает, что под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, следует понимать лицо, обладающее достаточным криминальным авторитетом в преступном мире [1, с. 28].

В.М. Быков отождествляет названных лиц с организаторами, руководителями преступного сообщества [2, с. 21]. А.А. Лихолетов и М.У. Михайлов аналогично полагают, что лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, необходимо определить как организатора, руководителя преступного сообщества (преступной организации) [3, с. 36].

По мнению И.В. Никитенко и Т.В. Якушевой, иерархия в структуре преступного сообщества (преступной организации) понимается как психологическая структура объединения, в соответствии с которой его члены осознают конкретное лицо как лидера [4, с. 61].

По мнению И.В. Годунова, «преступная иерархия» – это система, которая определяет «структуру подчинения и взаимоотношений лиц, придерживающихся принятых в криминальной среде правил и традиций» [5, с. 60].

С.Д. Белоцерковский считает, что к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, следует относить так называемых «воров в законе» [6, с. 29].

С.А. Бажутов и А.А. Кунашев [7, с. 29], а также А.В. Шеслер [8, с. 120] относят к лицам, занимающим высшее положение в преступной иерархии, еще два типа криминальных авторитетов – «положенцев» и «смотрящих».

По мнению Ж.В. Виденькиной, в этой роли может выступать не только «вор в законе», но и любое другое лицо, которое смогло организовать и осуществить руководство деятельностью преступного сообщества (преступной организацией) [9, с. 113].

В.В. Агильдин, С.Е. Ловцевич, А.А. Лохова пришли к выводу, что в соответствии со смыслом ст. 210¹ УК РФ занятие высшего положения в преступной иерархии – это нахождение лица на самой высокой ступени, подразумевающей управление «профессиональной» преступной средой на всей территории Российской Федерации [10, с. 167].

С.В. Кондратюк считает, что занятие высшего положения в преступной иерархии представляет собой процедуру подготовки и проведения собрания (воровской сходки) [11, с. 10].

Д.А. Григорьев и В.И. Морозов указывают, что высшее положение в преступной иерархии нельзя ограничивать только криминальными титулами воровского сообщества [12, с. 54]. С приведенным выше мнением согласны Е.А. Хлебницына и Е.К. Шершакова [13, с. 134]. На широкую трактовку рассматриваемого понятия указывают и другие исследователи [14, с. 57; 15, с. 15; 16, с. 69; 17, с. 36–37].

Напротив, по мнению Н.А. и А.Г. Егоровых, преждевременно делать вывод о тождестве высшего положения в преступной иерархии со статусом «вора в законе» [18, с. 40]. А.С. Морозов и А.Н. Сухаренко аналогично полагают, что понятия «вор в законе» и «лицо, занимающие высшее положение в преступной иерархии» не всегда тождественны и в каждом случае надо устанавливать содержание выполняемых лицом функций [19, с. 116].

Далее приведем пример из судебной практики. Эльмаханов Д.А., отбывая наказание в исправительном учреждении, осуществлял функции «смотрящего», придерживаясь правил и обычаев, принятых в криминальной среде: назначал «смотрящих» за различными участками колонии и лишал их данных полномочий, рассматривал споры и конфликтные ситуации между заключенными, между заключенными и администрацией колонии, устанавливал запреты на определенное поведение, давал указания заключенным о противодействии администрации, обеспечивал поступление средств в преступную кассу и их распределение⁵.

⁵ Кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 ноября 2024 г. по делу в отношении Эльмаханова Д.А. № 31-УД24-11-А4.

URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/gubvabL7rJWO/> (дата обращения: 23.01.2025).

Проанализировав судебную практику по делам о занятии высшего положения в преступной иерархии с 2019 по 2024 г., авторы настоящей работы пришли к выводу о том, что она складывается неоднозначно, имеет существенные особенности. Изучение приговоров судов, апелляционных постановлений и кассационных определений на сайте «Судебные и нормативные акты РФ» (<https://sudact.ru/>) позволило нам прийти к выводу, что наиболее часто встречающимися проблемами при расследовании данных преступлений выступает невозможность установления конкретного периода совершения преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ. Это связано с тем, что данное преступление является длящимся; латентностью, обусловленной высокими мерами конспирации, имеющими место в преступной среде; невозможностью свидетелям назвать источник своей осведомленности; недостаточной правовой регламентацией рассматриваемого состава преступления, требующего внесения изменений и дополнений в действующее законодательство.

Приведем еще пример из судебной практики.

Наличие у ФИО8 статуса «положенца» подтверждается свидетельскими показаниями, что также отражено в приговоре суда, о наличии данного статуса и о том, что он получен от «воров в законе», он заявил сам в ходе нанесения телесных повреждений потерпевшим. Помимо вышесказанного, в приговоре суда указано, что ФИО8 занимал высшее положение в преступной иерархии конкретный период – с декабря 2019 г. по 21 марта 2020 г.⁶

Разбирая смысловое содержание рассматриваемой нормы, можно сделать вывод, что уголовная ответственность предусмотрена за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии, т. е. за определенное состояние лица [20, с. 53], что, по нашему мнению, противоречит положениям ст. 8 УК РФ.

Кроме того, отчетливо прослеживается и противоречие с ч. 2 ст. 6 УК РФ, которой закреплен принцип справедливости, означающий, что никто не может быть осужден дважды за одно и то же уголовно наказуемое деяние. Оно происходит в связи с тем, что для занятия высшего положения в преступной иерархии лицо совершает определенные действия, являющиеся уголовно наказуемыми, иначе получить данный статус не представляется возможным. И если рассматривать понятие «занятие», содержащееся в диспозиции анализируемой статьи как опреде-

ленный процесс, предусматривающий конкретные действия, учитывая, что за них лицо уже могло понести наказание, то наличествует прямое нарушение принципа справедливости, закрепленного в УК РФ.

Еще одной из существенных проблем при квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии выступает конкуренция сходных уголовно-правовых норм. Так, ч. 4 ст. 210 УК предусмотрена ответственность за совершение запрещенных уголовным законом действий при нахождении в статусе лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, данные действия перечислены в ч. 1, 1.1 и 2 ст. 210 УК РФ. При этом основанием привлечения лица к ответственности при квалификации по ст. 210¹ УК РФ является сам статус лица, т. е. его социально опасное состояние, посягающее на общественную безопасность. Для квалификации же по ч. 4 ст. 210 УК это лицо должно также выполнить объективную сторону преступления, содержащегося в ч. 1, 1.1 и 2 вышеназванной статьи.

Учитывая вышесказанное, назревает еще один актуальный вопрос разграничения применения общей и специальной нормы при квалификации занятия высшего положения в преступной иерархии. Согласно ч. 3 ст. 17 УК РФ при конкуренции уголовная ответственность должна наступать по норме специальной, а не общей. Если руководствоваться положениями Общей части УК РФ, являющейся основой уголовного законодательства, то в данном конкретном случае можно прийти к выводу, что в случае конкуренции уголовно-правовых норм, предусмотренных ч. 4 ст. 210 УК РФ и ст. 210¹, дополнительная квалификация по ст. 210¹ не требуется [21, с. 280]. Обоснованием этому служит то, что лицо и так уже имеет статус лидера криминального мира, выполняя объективную сторону преступления, указанного в ч. 1 ст. 210 УК РФ.

В ст. 210 УК РФ некоторые положения подробно детализированы, например такие, как координация действий организованных преступных сообществ, создание условий для их успешной деятельности, участие в сборах криминальных лидеров преступного мира. Соответственно, и уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 210¹ УК РФ, включает в себя положения ч. 4 ст. 210 УК РФ. Для разрешения данной проблемы необходима разработка методических рекомендаций для следователей и других сотрудников Следственного комитета РФ, в

⁶ Приговор Волгоградского областного суда № 2-26/2022 2-4/2023 от 9 октября 2023 г. по делу № 2-26/2022. URL:

<https://sudact.ru/regular/doc/52lbw2ev1YHQ/> (дата обращения: 23.01.2025).

которых будет отражен алгоритм производства следственных действий, а также разъяснены вопросы правильной квалификации и расследования анализируемого деяния.

Проблемным является и сам процесс доказывания при производстве по уголовному делу по ст. 210¹ УК РФ, поскольку в ходе него должны быть обязательно установлены все обстоятельства, закрепленные в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК) РФ, а это вызывает определенные трудности, учитывая длящийся характер данного преступного деяния. Так, в ходе предварительного расследования необходимо установить место совершения преступного деяния, время его совершения, способ и другие значимые обстоятельства. Следовательно, учитывая требования уголовно-процессуального законодательства, необходимо установить:

1. Когда и на протяжении какого времени лицо имеет статус криминального лидера.

2. При каких обстоятельствах и где лицом был получен высший в преступной иерархии статус.

3. Руководство каким преступным сообществом это лицо осуществляет.

4. Какие функциональные обязанности непосредственно выполняет и выполняло это лицо в преступном сообществе.

Устанавливая время совершения данного деяния, следователям следует учитывать, что и при привлечении к уголовной ответственности лицо не теряет своего статуса, т. е. отсутствует такая важная и необходимая задача уголовного законодательства, как исправление осужденного, и, поскольку статус лицо не утрачивает, оно может оказывать существенное влияние в исправительном учреждении, пропагандируя воровские традиции, негативно воздействуя на других осужденных, вовлекая их в криминальную субкультуру, соответственно, продолжая осуществлять свои функции и иметь высший статус в преступном мире. Таким образом, это говорит о том, что цели уголовного судопроизводства, закрепленные в ст. 6 УПК РФ, в этом случае не достигаются, поскольку наказание не несет в себе тех мер, которые способствовали бы прекращению преступной деятельности лица, т. е. его исправление. Прекращение данного преступного деяния возможно лишь при утрате лицом статуса лидера в криминальной иерархии [22, с. 54].

Как известно, ст. 9 УК РФ устанавливает, что преступность действия либо бездействия, а также его наказуемость могут устанавливаться только законом, действовавшим во время совершения данного действия или бездействия. Соответственно, установление периода занятия лицом лидирующего положения в преступной иерархии является необходимым условием доказывания по данному составу преступления, так как должно быть установлено, что лицо не прекратило преступные действия либо его действия не были пресечены до введения ст. 210¹ УК РФ, и данное деяние, по мнению В.Н. Боркова, является длящимся [23, с. 10], как мы указывали ранее.

3. Зарубежный опыт борьбы с лидерами организованной преступности (на примере США)

В настоящее время доктрина уголовного права в США не предлагает адекватного решения для возложения ответственности на лидеров организованных преступных группировок за преступления, совершенные их подчиненными. Такое положение дел стало возможным вследствие того, что преступные группировки используют сложные организационные структуры, которые оставляют их руководителей вне досягаемости закона. Для этих структур характерны такие особенности, как недоступность руководства подчиненным, децентрализованное управление и механизмы, поощряющие инициативу снизу [24].

Однако ряд американских правоведов (S.W. Brenner, R.L. Daft, C. Roxin и др.) формулирует эту проблему, проводя аналогию с известным Римским статутом Международного уголовного суда⁷, согласно которому командир любого воинского подразделения несет ответственность за действия своих солдат, даже если сам не принимает в них непосредственного участия. Это сравнение позволяет предположить, что выделение организаторской роли главарей преступных сообществ может аналогично трактоваться в отношении роли, которая отводится командирам законных воинских контингентов.

В УК США отсутствуют прямые статьи, предусматривающие уголовную ответственность за занятие высшего положения в преступном сообществе. Косвенно эта проблема решается путем изоляции главарей преступных организаций, которым вменяется уголовная ответственность за совершение преступлений налогового, финансового характера или за совершение незначительных уголовных преступ-

⁷ Rome Statute of the International Criminal Court (Article 28 “Responsibility of commanders and other superiors”). URL: https://www.public.law/world/rome_statute/article_28_

responsibility_of_commanders_and_other_superiors (дата обращения: 20.03.2025).

лений, так как доказательная база за организацию преступного сообщества в силу строгой иерархии, круговой поруки, закрытости организации практически нереализуема.

Интересной новацией является создание в рамках Министерства юстиции США Отдела по борьбе с организованной преступностью и бандитизмом, который состоит из специализированной группы прокуроров, которым поручено разрабатывать и внедрять стратегии по пресечению деятельности наиболее значимых региональных, национальных и международных организованных преступных группировок и банд, специализирующихся на насильственных преступлениях.

Юрисдикция этих прокуроров в сотрудничестве с Генеральной прокуратурой Соединенных Штатов по делам об организованной преступности распространяется на территорию всей страны. Эти дела включают широкий спектр преступлений: вымогательство, убийства, взяточничество, мошенничество, отмывание денег, торговлю наркотиками и рэкет. Кроме того, Отдел занимается расследованием федеральных преступлений в соответствии с Законом о коррумпированных и находящихся под рэкетирским влиянием организациях (англ. *The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act, RICO*)⁸ и разрабатывает для прокурорского корпуса подробные рекомендации по использованию потенциала этого закона.

4. Заключение

Проанализировав содержание ст. 210¹ УК РФ, мы пришли к выводу, что как в теории, так и на практике имеются объективные проблемы, осложняющие процесс квалификации и расследования ст. 210¹ УК РФ, и при этом требуется незамедлительное усовершенствование законодательства и практики его применения, а именно:

1. Дополнение ст. 210¹ УК РФ примечанием, содержащего регламентацию основных понятий, таких как «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», «преступная иерархия», «высшее положение в преступной иерархии», «положенец», «смотрящий».

2. Разработка методических рекомендаций правоохранительным органам по эффективному расследованию данного преступления, что позволит

исключить неоднородность применения уголовно-правовых норм при производстве по уголовным делам по ст. 210¹ УК РФ. Следует отметить, что данный пробел сейчас постепенно восполняется, в частности, из последних научных работ следует отметить монографию, выполненную коллективом авторов из числа сотрудников Главного управления криминалистики и Московской академии следственного комитета [25].

3. Внесение изменений в ст. 210 УК РФ с целью единообразного ее применения. В частности, Т.В. Стукалова предлагает дополнить анализируемую статью примечанием, где дать определение лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии [26, с. 95].

4. Устранение конкуренции правовых норм, предусмотренных ч. 4 ст. 210 и ст. 210¹ УК РФ, что также улучшит эффективность расследования уголовных дел указанной категории преступлений и снизит количество процессуальных ошибок и неточностей в применении данных уголовно-правовых норм.

5. Принятие Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего постановления, детализирующего отдельные выше обозначенные проблемные вопросы применения ст. 210¹ УК РФ.

Таким образом, законодательное закрепление действий, которые осуществляют лица для приобретения высшего статуса в криминальном мире, положительно скажется на привлечении криминальных лидеров к ответственности и искоренению организованных преступных сообществ. Для решения данной проблемы наиболее правильным будет принятие Пленумом Верховного Суда РФ соответствующего постановления, содержащего разъяснения вышеуказанных спорных моментов, это позволит правоприменителям ссылаться на конкретные нормы. Действенным в данном случае будет и внесение дополнений в действующий УК РФ, в частности примечания к ст. 210¹, раскрывающего понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», «преступная иерархия», «высшее положение в преступной иерархии», «положенец», «смотрящий», в настоящий момент, как мы установили, являющиеся дискуссионными, что существенно осложняет производство по уголовным делам по ст. 210¹ УК РФ.

⁸ Organized Crime Control Act. (Title IX – The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act, codified at 18 U.S.C. §§ 1961–1968 (2012). URL: <https://criminal-justice.>

iresearchnet.com/criminal-psychology/criminal-organizations-and-networks/racketeer-influenced-and-corrupt-organizations-act/ (дата обращения: 29.03.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Куфлева В. Н. Уголовное законодательство о борьбе с преступными сообществами (преступными организациями): необходимость модернизации / В. Н. Куфлева // Российский следователь. – 2012. – № 23. – С. 27–29.
2. Быков В. М. Организация преступного сообщества (преступной организации) / В. М. Быков // Законность. – 2010. – № 2 (904). – С. 18–21.
3. Лихолетов А. А. Новое в уголовном законодательстве в части противодействия организованной преступности: проблемы и пути решения / А. А. Лихолетов, М. У. Михайлов // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2019. – № 2 (49). – С. 32–40.
4. Никитенко И. В. Организация преступного сообщества: проблемы квалификации / И. В. Никитенко, Т. В. Якушева // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 58–62.
5. Годунов И. В. Организованная преступность от расцвета до заката : учеб. пособие для вузов / И. В. Годунов. – М. : Академический проект, 2008. – 611 с.
6. Белоцерковский С. Д. Система правового регулирования борьбы с организованной преступностью и научные основы ее оптимизации / С. Д. Белоцерковский. – М. : Рос. криминол. ассоц., 2011. – 585 с.
7. Бажутов С. А. Особенности уголовной ответственности лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии (ст. 210¹ УК) / С. А. Бажутов, А. А. Кунашев // Законность. – 2022. – № 11 (1057). – С. 25–33.
8. Шеслер А. В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности / А. В. Шеслер // Вестник Кузбасского института. – 2020. – № 1 (42). – С. 110–123. – DOI: 10.53993/2078-3914/2020/1(42)/110-123.
9. Виденькина Ж. В. Уголовная ответственность за организацию преступного сообщества или участие в нем : дис. ... канд. юрид. наук / Ж. В. Виденькина. – М., 2012. – 199 с.
10. Агильдин В. В. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и реализации / В. В. Агильдин, С. Е. Ловцевич, А. А. Лохова // Молодой ученый. – 2019. – № 24 (262). – С. 165–169.
11. Кондратюк С. В. Криминологическая характеристика и предупреждение занятия высшего положения в преступной иерархии : дис. ... канд. юрид. наук / С. В. Кондратюк. – М., 2022. – 255 с.
12. Григорьев Д. А. Как определить лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии? / Д. А. Григорьев, В. И. Морозов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 4 (30). – С. 50–58.
13. Хлебницына Е. А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики / Е. А. Хлебницына, Е. К. Шершакова // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. – № 4. – С. 132–137.
14. Мондохонов А. Н. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) / А. Н. Мондохонов // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 53–57.
15. Мухин А. А. Российская организованная преступность и власть: История взаимоотношений / А. А. Мухин. – М. : Центр полит. информ., 2003. – 384 с.
16. Рагулин А. В. О понятии лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии / А. В. Рагулин, В. В. Фелелов // Уголовное право. – 2010. – № 5. – С. 67–70.
17. Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии / А. Е. Шалагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 4 (26). – С. 36–39.
18. Егорова Н. А. Уголовная ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение дискуссии / Н. А. Егорова, А. Г. Егоров // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 1 (52). – С. 34–44.
19. Морозов А. С. Актуальные проблемы квалификации деяния, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ «занятие высшего положения в преступной иерархии» (статья вторая) / А. С. Морозов, А. Н. Сухаренко // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2023. – № 4 (68). – С. 110–120. – DOI: 10.29039/2312-7937-2023-4-110-120.
20. Кадников Н. Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности / Н. Г. Кадников // Союз криминалистов и криминологов. – 2020. – № 1. – С. 50–55.

21. Гаухман Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л. Д. Гаухман. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2010. – 557 с.
22. Агапов П. В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии / П. В. Агапов, Н. В. Сальников, С. В. Кондратюк // Правопорядок: история, теория, практика. – 2021. – № 3 (30). – С. 49–55.
23. Борков В. Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) / В. Н. Борков // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 2. – С. 3–13. – DOI: 10.24412/2071-6184-2022-2-3-13.
24. Eldar S. Holding Organized Crime Leaders Accountable for the Crimes of their Subordinates / S. Eldar // Criminal Law and Philosophy. – 2012. – Vol. 6, Iss. 2. – P. 207–225. – DOI: 10.1007/s11572-012-9139-z.
25. Багмет А. М. Занятие высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ): квалификация и расследование : моногр. / А. М. Багмет, В. В. Бычков, С. В. Харченко, В. А. Шурухнов. – М. : ИНФРА-М, 2023. – 204 с. – DOI: 10.12737/2032512.
26. Стукалова Т. В. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы квалификации и доказывания / Т. В. Стукалова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 1 (103), ч. 4. – С. 93–97. – DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.1.105.

REFERENCES

1. Kufleva V.N. Criminal legislation on fight against criminal communities (the criminal organizations): need of modernization. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, 2012, no. 23, pp. 27–29. (In Russ.).
2. Bykov V.M. Organization of a criminal association (criminal organization). *Zakonnost'*, 2010, no. 2 (904), pp. 18–21. (In Russ.).
3. Likholetov A.A., Mikhailov M.U. Novelties in the criminal code in part related to counteracting the organized crime: problems and ways of solution. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2019, no. 2 (49), pp. 32–40. (In Russ.).
4. Nikitenko I.V., Yakusheva T.V. The organization of criminal community: problems of a legislative regulation and law-enforcement. *Ugolovnoe pravo*, 2010, no. 5, pp. 58–62. (In Russ.).
5. Godunov I.V. *Organized crime from heyday to sunset*, Teaching aid for universities. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., 2008. 611 p. (In Russ.).
6. Belotserkovsky S.D. *The system of legal regulation of the fight against organized crime and the scientific foundations of its optimization*. Moscow, Russian Criminological Association Publ., 2011. 585 p. (In Russ.).
7. Bazhutov S.A., Kunashev A.A. Specifics of criminal liability of the persons, holding top positions in the criminal hierarchy (Art. 210¹ of the Criminal Code). *Zakonnost'*, 2022, no. 11 (1057), pp. 25–33. (In Russ.).
8. Shesler A.V. “Thief in law”: criminal status or basis of criminal liability. *Vestnik Kuzbasskogo instituta = Bulletin of the Kuzbass institute*, 2020, no. 1 (42), pp. 110–123. DOI: 10.53993/2078-3914/2020/1(42)/110-123. (In Russ.).
9. Viden'kina Zh.V. *Criminal liability for the organization of a criminal community or participation in it*, Cand. Diss. Moscow, 2012. 199 p. (In Russ.).
10. Agil'din V.V., Lovtsevich S.E., Likhova A.A. The highest position in the criminal hierarchy: problems of interpretation and implementation. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*, 2019, no. 24 (262), pp. 165–169. (In Russ.).
11. Kondratyuk S.V. *Criminological characteristics and prevention of taking the highest position in the criminal hierarchy*, Cand. Diss. Moscow, 2022. 255 p. (In Russ.).
12. Grigoryev D.A., Morozov V.I. How to identify the person holding the highest position in the criminal hierarchy?. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal science and law enforcement practice*, 2014, no. 4 (30), pp. 50–58. (In Russ.).
13. Hlebnitsyna E.A., Shershakova E.K. Occupying the highest position in the criminal hierarchy: problems of theory and practice. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 4, pp. 132–137. (In Russ.).
14. Mondokhonov A.N. Special subject for organizing an criminal society (criminal organization) or participation in criminal society (criminal organization). *Ugolovnoe pravo*, 2010, no. 5, pp. 53–57. (In Russ.).

15. Mukhin A.A. *Russian organized crime and power: History of relationships*. Moscow, Center of Political information Publ., 2003. 384 p. (In Russ.).
16. Ragulin A.V., Fefelov V.V. The definition of "person holding the highest position in the criminal hierarchy". *Ugolovnoe pravo*, 2010, no. 5, pp. 67–70. (In Russ.).
17. Shalagin A.E. Criminological characteristics of a person taking the highest the position in the criminal hierarchy. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia*, 2016, no. 4 (26), pp. 36–39. (In Russ.).
18. Egorova N.A., Egorov A.G. Criminal liability for occupying a senior position in the criminal hierarchy: continuation of the discussion. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Journal of the Volgograd academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 2020, no. 1 (52), pp. 34–44. (In Russ.).
19. Morozov A., Sukharenko A. Actual problems of qualification of the act provided for by Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Occupation of the highest position in the criminal hierarchy» (Article two). *Vestnik Vserossiiskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii = Vestnik Advanced Training Institute of the MIA of Russia*, 2023, no. 4 (68), pp. 110–120. DOI: 10.29039/2312-7937-2023-4-110-120. (In Russ.).
20. Kadnikov N.G. Dangerous state of personality as the basis of criminal responsibility. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = The Union of criminalists and criminologists*, 2020, no. 1, pp. 50–55. (In Russ.).
21. Gaukhman L.D. *Qualification of crimes: law, theory, practice*, 4th ed. Moscow, YurInfoR Center Publ., 2010. 557 p. (In Russ.).
22. Agapov P.V., Salnikov N.V., Kondratyuk S.V. Topical issues of the implementation of criminal responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika = Legal order: history, theory, practice*, 2021, no. 3 (30), pp. 49–55. (In Russ.).
23. Borkov V.N. Occupation of the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = News of the Tula state university. Economic and legal sciences*, 2022, no. 2, pp. 3–13. DOI: 10.24412/2071-6184-2022-2-3-13. (In Russ.).
24. Eldar S. Holding Organized Crime Leaders Accountable for the Crimes of their Subordinates. *Criminal Law and Philosophy*, 2012, vol. 6, iss. 2, pp. 207–225. DOI: 10.1007/s11572-012-9139-z. (In Russ.).
25. Bagmet A., Bychkov V., Harchenko S., Shuruhnov V. *Occupation of the highest position in the criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): Qualification and investigation*, Monograph. Moscow, INFRA-M Publ., 2023. 204 p. DOI: 10.12737/2032512. (In Russ.).
26. Stukalova T.V. Occupying the highest position in criminal hierarchy: problems of classification and proof. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*, 2021, no. 1 (103), pt. 4, pp. 93–97. DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.1.105. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дизер Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника по научной работе
*Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина*
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: rio.belui@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3231-4018
SPIN-код РИНЦ: 5636-8259; AuthorID: 312006

Максименко Александр Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-правовых дисциплин
*Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина*

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Oleg A. Dizer – Doctor of Law, Professor; Deputy Head (Science)
Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71, Gor'kogo ul., Belgorod, 308024, Russia
E-mail: rio.belui@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3231-4018
RSCI SPIN-code: 5636-8259; AuthorID: 312006

Alexander V. Maksimenko – PhD in Law, Associate Professor; Head, Department of Criminal Law Disciplines
Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: mav1202@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9200-9138
SPIN-код РИНЦ: 3836-7614; AuthorID: 691305

Архипцев Иван Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин

Белгородский юридический институт

МВД России имени И.Д. Путилина

308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, 71

E-mail: ArhptsevIN@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2307-2712

SPIN-код РИНЦ: 6886-2647; AuthorID: 818209

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дизер О.А. Проблемы квалификации и расследования преступления, предусмотренного ст. 210¹ Уголовного кодекса Российской Федерации / О.А. Дизер, А.В. Максименко, И.Н. Архипцев // Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 124–133. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).124-133.

71, Gor'kogo ul., Belgorod, 308024, Russia
E-mail: mav1202@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9200-9138
RSCI SPIN-code: 3836-7614; AuthorID: 691305

Ivan N. Arkhptsev – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law Disciplines

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

71, Gor'kogo ul., Belgorod, 308024, Russia

E-mail: ArhptsevIN@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2307-2712

RSCI SPIN-code: 6886-2647; AuthorID: 818209

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Dizer O.A., Maksimenko A.V., Arkhptsev I.N. Problems of qualification and investigation of the crime provided for in Article 210¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 124–133. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).124-133. (In Russ.).

ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

THE LAW ENFORCEMENT IN INTERNATIONAL LAW

УДК 341

DOI 10.52468/2542-1514.2026.10(1).134-143

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕР ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РАМКАХ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Р.А. Касьянов, А.Д. Басова

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

30 марта 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Исследуется значение правового регулирования мер поддержки малого и среднего предпринимательства в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) с целью анализа эффективности правовых и организационных механизмов поддержки малых и средних предприятий в контексте международного сотрудничества. Делаются выводы о значимости совместных усилий государств – членов ШОС в сфере развития малого и среднего бизнеса, а также предлагаются рекомендации по улучшению правовых и организационных механизмов поддержки для стимулирования предпринимательской активности в регионе.

Ключевые слова

Малое и среднее

предпринимательство / МСП,

Шанхайская организация

сотрудничества / ШОС,

международное сотрудничество,

Россия, право, международное

предпринимательство, развитие

бизнеса, межгосударственное

взаимодействие

LEGAL REGULATION OF MEASURES TO SUPPORT SMALL AND MEDIUM-SIZED ENTERPRISES WITHIN THE FRAMEWORK OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANIZATION

Rustam A. Kasyanov, Anna D. Basova

MGIMO University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2025 March 30

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

The subject of this study is social relations that develop within the framework of regulating measures to support small and medium-sized enterprises (SMEs) in the Shanghai Cooperation Organization (SCO). The hypothesis of the study is that legal and organizational mechanisms of SME support, implemented at the organizational level, can stimulate entrepreneurial activity, foster economic development among SCO member states, and strengthen international cooperation in this important and topical area.

The study relies on general scientific and specialized research methods. General scientific methods include analysis, synthesis, the inductive-deductive method, the systems thinking method, comparison, among others. Specialized methods comprise the comparative legal method, the historical legal method, analysis of regulatory acts, and analysis of law implementation practice.

The study concludes that joint efforts of SCO member states are crucial for SME development and recommends improving legal and organizational support mechanisms to boost entrepreneurship. Key points include: addressing legal gaps through interstate cooperation, supporting SMEs at both national and international levels, differing national

Keywords

Small and medium-sized

enterprises / SME, Shanghai

Cooperation Organization / SCO,

international cooperation,

Russia, law, international

entrepreneurship, business

development, interstate cooperation

SME regulations, the SCO's role in providing legal and organizational foundations, the need for an international treaty due to stronger organizational mechanisms, and the establishment of a specialized SME body to enhance existing structures' effectiveness.

1. Введение

Малое и среднее предпринимательство (далее – МСП) играет ключевую роль в развитии национальных экономик [1, с. 154]: оно способствует росту производства, увеличению занятости и повышению уровня жизни населения. Мировой рынок предоставляет МСП возможности для роста, диверсификации и повышения устойчивости, так как благодаря международному сотрудничеству [2, с. 33] открывается доступ к прибыльным договорам, новым контрагентам, передовому опыту и технологическим инновациям. В отличие от крупных корпораций, МСП не обладают достаточными ресурсами для полного вовлечения в процесс интернационализации. Ввиду этого особую важность приобретают правовые и организационные инструменты поддержки, направленные на создание благоприятных условий для МСП. В рамках глобальных экономических трансформаций и интеграционных процессов современности особое внимание уделяется вопросам поддержки и стимулирования МСП. Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС) как международная структура, объединяющая влиятельные экономики региона, активно занимается решением этой важной проблемы.

2. ШОС и цели поддержки МСП

Одним из ключевых направлений деятельности ШОС уже продолжительное время является укрепление торгово-экономических отношений между странами [3, с. 133], став значимой платформой для развития инфраструктурных взаимосвязей, упрощения процедур торговли и региональной экономической интеграции [4, с. 160]. В рамках этого направления особое внимание уделяется развитию МСП¹. Экономические отношения между членами ШОС долгое время были только двухсторонними, но в 2019 г. всё изменилось: страны ШОС одобрили новую программу многостороннего торгово-экономи-

ческого сотрудничества, рассчитанную до 2035 г. Эта программа, среди прочего, призвана способствовать международному взаимодействию МСП. Необходимость развития МСП обозначена в Душанбинской декларации 2021 г.² с целью развития ШОС. Характерно, что в Душанбинской декларации вопросы поддержки МСП нашли свое отражение в специальном разделе 4.6 «Малый и средний бизнес», наряду с другими важными областями межгосударственного сотрудничества. Несмотря на то, что данный документ является рекомендательным, в нем заложен важный идеологический аспект – стремление обеспечить условия для прямого взаимодействия между хозяйствующими субъектами и деловыми кругами в рамках ШОС. О тенденции расширения сферы влияния на субъекты МСП свидетельствует Астанинская декларация от 4 июля 2024 г.³, которая признаёт значимость институциональных механизмов для поддержки МСП.

3. Правовое регулирование деятельности МСП на уровне государств – членов ШОС

Подход к определению понятия МСП различается. Однако большинство государств – членов ШОС придерживается сразу двух критериев (количественный и финансовый), в то время как в Индии, Узбекистане и Таджикистане признаётся только критерий финансовых результатов, который не применяется в Иране. При сравнении критериев в Казахстане и России можно увидеть, что в Казахстане количественный критерий в 2 раза ниже, а качественный сформулирован более четко [5, с. 28]. В ряде государств, в частности в Китае, для более адресного распределения мер поддержки осуществляется градация субъектов МСП на отдельные подкатегории: малые малоприбыльные предприятия облагаются пониженной ставкой налога на прибыль [6, с. 87]. В законодательстве Пакистана отсутствует разделение на малый и средний бизнес, МСП выступает единым

¹ Совместное коммюнике по итогам двадцать первого заседания Совета глав правительств (премьер-министров) государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. 2022. 1 нояб. URL: <https://rus.sectsc.org/20221101/-SOVMESTNOE-KOMMYuNIKE-po-itogam-dvadsat-pervogo-zasedaniya-Soveta-glav-pravitelstv-921857.html> (дата обращения: 11.03.2025).

² Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // Президент России: офиц. сайт. 2021. 17 сент. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5699> (дата обращения: 11.03.2025).

³ Астанинская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества // Президент России: офиц. сайт. 2024. 4 июля. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/6163> (дата обращения: 11.03.2025).

субъектом, который должен соответствовать трем основным требованиям: численность работников до 250 чел., годовой объем продаж не более 250 млн рупий и уставной капитал до 25 млн рупий [7, р. 229]. Согласно подходу Государственного банка Пакистана, малым предприятием считается организация, в которой работают не более 50 сотрудников, а средним – до 250 чел. [8, с. 156]. Более подробная информация о критериях отнесения предприятий к числу МСП в странах ШОС представлена в таблице.

Критерии отнесения предприятий к числу МСП в государствах – членах ШОС

Страна	Малые предприятия		Средние предприятия	
	Количественный критерий	Финансовый критерий	Количественный критерий	Финансовый критерий
Россия	100	800	250	2 000
Китай	100	253	999	5
Казахстан	100	115	250	1 000
Киргизия	50	8	250	30
Таджикистан	–	4	–	120
Узбекистан	–	72	–	722
Пакистан	50	83	250	83
Индия	–	548	–	2 700
Иран	50	–	99	–
Беларусь	100	–	250	–

Примечание. Количественный критерий – общее количество сотрудников (единица измерения – человек); финансовый критерий – предельный оборот предприятия (единица измерения – миллион российских рублей по курсу на май 2024 г.).

Несмотря на распространенность малых компаний в различных отраслях экономики [9], в рамках развития МСП на национальном уровне продолжает существовать ряд препятствий институционального, правового и ненормативного характера – неэффективно работающие институты развития, финансовые проблемы, сложности в понимании налогового зако-

нодательства [10, с. 108; 11, с. 283; 12, р. 64], недостаточное развитие логистических служб, консультационных пунктов, бизнес-центров, бизнес-инкубаторов; большое количество контролирующих органов [13, с. 463]. Несмотря на национально-правовой характер барьеров, некоторые из них имеют перспективу развития на международном уровне. Площадка ШОС потенциально может стать инструментом в решении данных проблем.

4. Правовые и организационные меры поддержки МСП в ШОС

4.1. Правовые механизмы ШОС в области поддержки МСП

Несмотря на то, что нормативно-правовая база ШОС в сфере торгово-экономических отношений составляет только 7 % общего объема договорно-юридической базы ШОС [14, р. 116], соответствующие документы играют существенную роль в стимулировании сотрудничества между государствами-членами.

Циндаоская декларация Совета глав государств – членов ШОС⁴ содержит положения, направленные на поддержку предпринимателей. В Программе многостороннего торгово-экономического сотрудничества до 2035 г.⁵ определены основные стратегические направления, включая обмен опытом по созданию благоприятной предпринимательской среды, стимулирующей развитие легального бизнеса и сокращение теневой экономики, а также обмен опытом и информацией о поддержке МСП, обеспечение условий для успешной интеграции МСП.

Заявление Совета глав государств – членов ШОС об обеспечении надежных, устойчивых и диверсифицированных цепочек поставок⁶ выделяет поддержку МСП в контексте развития потенциала электронной коммерции как самостоятельное направление, способствующее росту взаимной торговли. В сфере электронной коммерции сотрудничество осуществляется в двухстороннем формате [15, с. 168]. В мае 2024 г. ОАО «РЖД» и Государственная корпорация «Китайские железные дороги» заключили соглашение о стратегическом сотрудничестве в развитии транс-

⁴ Циндаоская декларация Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества от 10 июня 2018 г. // Президент России: офиц. сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5315> (дата обращения: 11.03.2025).

⁵ Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Министерство экономического развития Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/download/f2034>

a49ba5ab9869d83c5a4a6c5de07/programma_shos.DOCX (дата обращения: 11.03.2025).

⁶ Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества об обеспечении надежных, устойчивых и диверсифицированных цепочек поставок // Шанхайская организация сотрудничества: офиц. сайт. URL: <https://rus.sectso.org/20220916/1601378.html> (дата обращения: 11.03.2025).

портных коридоров, инфраструктуры, науки, техники, инноваций и подготовки кадров⁷. Несмотря на то, что предназначение правовых документов ШОС заключается в укреплении сотрудничества в данной области, сохраняются определенные барьеры. Например, до сих пор отсутствует правовая основа для установления общих правил таможенного контроля. Для дальнейшего совершенствования законодательной базы, обеспечения благоприятных условий для сотрудничества в сфере торговли и инвестиций продолжается работа над соглашением о взаимном поощрении и защите инвестиций [16, с. 481].

В соответствии с Концепцией сотрудничества в области цифровизации и информационно-коммуникационных технологий в 2019 г. и заявлением Совета глав государств – членов ШОС о сотрудничестве в области цифровой экономики в 2020 г. был представлен проект цифровой бизнес-платформы для обеспечения непрерывности экономических операций между государствами – членами ШОС в 2021 г. Развитие юридических услуг для коммерческого [17, с. 57] взаимодействия в формате «единого окна» минимизирует риски нарушения законодательства, а также снижает финансовые и временные затраты.

Соотношение актов ШОС и национального законодательства государств-членов имеет значение для эффективности ШОС. Акты ШОС, относящиеся к категории «мягкого права» [18, с. 27], обладают относительной юридической силой. Такая гибкость, повышая адаптивность мер, одновременно усложняет устранение барьеров и реализацию совместных проектов. Также важно учитывать, закреплен ли примат международного или национального права. Например, в Казахстане, Киргизии и Таджикистане установлен примат международного права, в то время как в Пакистане и Иране установлена главенствующая роль национального законодательства. В Китае действует коллизионная норма, требующая применения норм международного права при противоречии с национальным законодательством [19, с. 175]. Несмотря на то, что в большинстве государств – членов ШОС закреплен примат международного права, внутренние процедуры ратификации и некоторые иные барьеры могут затруднять применение норм международных договоров.

Правовое поле государств-членов и ШОС взаимозависимы, что обусловлено необходимостью учета интересов политических и региональных акто-

ров и имеет как позитивные, так и негативные последствия. Экономическое развитие государств – членов ШОС находится на разных уровнях, что влияет на то, какой политики и стратегии они были бы заинтересованы придерживаться и впоследствии кодифицировать в форме международного права [20, р. 253]. Основой принятия решений является консенсус, что требует значительных усилий для развития правовых механизмов, учитывающих политическую обстановку, где необходимо учитывать интересы конкурирующих стран, в частности Индии и Китая [14, р. 117]. В будущем важным шагом могло бы стать подписание международного договора в области поддержки МСП на уровне ШОС.

4.2. Организационные основы поддержки МСП в ШОС

Двустороннее развитие правового блока находит свое отражение в организационных основах. Как на наднациональном уровне государства формируют институциональные механизмы, так и внутри государств создаются специализированные учреждения. Например, Китай учредил комплексные механизмы сотрудничества с ШОС, такие как Международная база обмена и подготовки кадров для судебного сотрудничества между Китаем и ШОС и Китайский комитет юридических услуг для ШОС [4, с. 160].

На уровне ШОС можно выделить несколько институтов, играющих важную роль в поддержке субъектов МСП: Деловой совет (далее – ДС) ШОС, Межбанковское объединение (далее – МБО) ШОС, Молодежный совет (далее – МС) ШОС.

В 2021 г. был принят Протокол № 22 заседания Правления ДС ШОС, в котором отдельно выделяются направления стимулирования развития двухсторонних инициатив и коммерческих проектов. При участии ДС ШОС был учрежден фонд, который занимается инвестированием в некоммерческие организации, а также запущена электронная биржа ШОС. Представителями бизнеса государств – членов ШОС был сформирован перечень проектов, способствующих многостороннему сотрудничеству.

В рамках МБО ШОС сотрудничество осуществляется по большому сектору направлений, взаимодействие в области банковского и финансового обслуживания МБО ШОС осуществляется через двухсторонние и другие формы сотрудничества. Основные цели кредитования включают также поддержку развития МСП.

⁷ ОАО «РЖД» и ГК «КЖД» договорились о всестороннем стратегическом сотрудничестве // РЖД: офиц. сайт. 2024.

16 мая. URL: <https://company.rzd.ru/ru/9397/page/104069?id=293900> (дата обращения: 11.03.2025).

Одним из ключевых результатов работы МС ШОС стал «Молодежный бизнес-инкубатор на территории государств – членов ШОС», который особенно важен в контексте поддержки МСП, поскольку способствует нахождению партнеров, инвесторов для совместной реализации международных бизнес-проектов, укрепляет взаимодействие между государствами – членами организации и усиливает интеграционные процессы.

Существуют также иные формы взаимодействия, которым в заявлении Совета глав государств 2021 г.⁸ уделено особое внимание. Стоит выделить Конклав молодых ученых, который обсуждает вопросы сельского хозяйства, искусственного интеллекта, устойчивого производства энергии и др., что особенно важно для малых промышленных предприятий стремящихся снизить издержки и увеличить рост экономических показателей.

Форум стартапов направлен на расширение сотрудничества между стартапами государств – членов ШОС, поощрение инноваций, вдохновение молодых талантов на разработку инновационных решений через общие платформы и обмен передовым опытом и идеями. Стоит также отметить, создание Пула технопарков и инновационных кластеров ШОС, направленного, в частности, на реализацию Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств – членов ШОС до 2035 г., что позволит улучшить взаимодействие между ведущим технопарками государств – членов ШОС.

Очевидно, развитие сотрудничества в рамках ШОС происходит с акцентом на институциональные основы межгосударственного политического и экономического сотрудничества. Несмотря на наличие институциональных механизмов в рамках ШОС, специализированный институт, нацеленный на развитие МСП, до сих пор не был создан, что связано с широким мандатом ШОС и разнообразием экономических приоритетов. Его отсутствие создает затруднения в координации функций между существующими учреждениями, так как полномочия некоторых органов пересекаются, что в свою очередь приводит к фрагментации усилий и снижению эффективности их работы в области поддержки и развития МСП. Поэтому создание специализированного органа представляется целесообразным шагом для развития данного направления.

⁸ Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества об укреплении сотрудничества в области науки, технологий и инноваций // Шанхай-

5. Международное взаимодействие ШОС в области поддержки МСП

Акты ШОС подтверждают актуальность взаимодействия организации с другими международными межправительственными организациями с целью обмена опытом и формирования иных форм сотрудничества [21, р. 188]. Среди основных организаций – партнеров ШОС, взаимодействие с которыми стоит рассмотреть более детально, следует назвать ЕАЭС и БРИКС [22, с. 11].

Государства, которые являются членами ШОС и ЕАЭС, объединяют общие цели, направленные на решение международных и региональных проблем [23, с. 64]. В 2021 г. Евразийская экономическая комиссия и Секретариат ШОС подписали Меморандум о взаимопонимании, по своим юридическим свойствам не являющийся международным договором; данный меморандум подчеркивает стремление наладить взаимодействие в целях развития взаимовыгодного экономического сотрудничества. В 2023 г. прошел XV Международный экономический форум «Диалог интеграций: СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС», где было подписано восемь соглашений. Деловой Центр СНГ поддержал проект Декларации делового сотрудничества в Большой Евразии, которая подчеркивает необходимость общего подхода к экономическому развитию, создания общего экономического и цифрового пространства и укрепления связей между бизнесом стран континента. Разработка дорожной карты для выполнения меморандума способствует быстрой реализации общих планов ШОС и ЕАЭС. Участие в диалоге и проектном сотрудничестве между Деловыми советами ЕАЭС и ШОС играет ключевую роль в данном процессе, поскольку многие из их участников обладают обширным опытом взаимодействия на двухсторонней основе. Эффективный механизм координации для содействия деловому сотрудничеству в рамках ШОС и ЕАЭС, который может быть внедрен, будет включать базу данных с текущими проектами и проверку надежности организаций, заинтересованных в партнерстве.

Перспективы экономического сотрудничества ШОС и БРИКС зависят от нескольких факторов, включая экономический рост этих организаций, сотрудничество в различных секторах экономики, фактор перспективности инвестиционного сотрудничества, а также ресурсный и идеологический фактор [24,

ская организация сотрудничества: офиц. сайт. 2021. 17 сент. <https://rus.sectesco.org/20210917/779802.html> (дата обращения: 11.03.2025).

с. 114]. Началом практического взаимодействия ШОС и БРИКС стала встреча лидеров государств – членов данных объединений в 2015 г. [25, с. 179]. Была закреплена практика контактов между ДС БРИКС и ДС ШОС, а также проведения ежегодного Форума малого бизнеса [26, с. 165]. В этом форуме участвуют представители международных организаций, профильных министерств, эксперты и представители различных бизнес-структур. Одним из наиболее перспективных направлений сотрудничества является поддержка бизнеса государств – членов организации на территории партнерского объединения. Кроме того, не стоит преуменьшать потенциала совместного сотрудничества ШОС и БРИКС с другими международными организациями [27, с. 101].

Благодаря гибким многоформатным формам взаимодействия, в которые вовлекаются представители не только государств, но и МСП, возможно развитие именно тех направлений, которые критически важны для бизнеса и государств. Такой многосторонний диалог может стать основой для продвижения интеграционных процессов в сфере экономики как в пределах государств, так и в рамках международных объединений.

6. Выводы

Регулирование поддержки МСП является приоритетной задачей не только на национальном уровне, но и на международном. После проведенного анализа правовой и институциональной основы регулирования МСП на уровне государств – членов ШОС можно выделить несколько важных аспектов:

1. Несмотря на широкую национальную правовую базу государств – членов ШОС в секторе МСП, остаются пробелы в регулировании многих вопросов, часть из которых можно решить через межгосударственное сотрудничество. Объединение ШОС представляется особенно перспективным.

2. Значение поддержки МСП носит двухуровневый характер. Разработка и внедрение мер поддержки МСП имеет значение как на национальном, так и на международном уровне.

3. Национальное регулирование МСП государств – членов ШОС сохраняет различия. Однако в настоящее время эти различия не препятствуют формированию многостороннего сотрудничества в экономической сфере.

4. В рамках ШОС заложены как организационные, так и правовые основы поддержки МСП. Несмотря на то, что нормы, регулирующие данные правоотношения, не являются юридически обязательными, они имеют важное стратегическое значение для развития интеграционных процессов и налаживания международного партнерства.

5. В рамках ШОС организационные механизмы более развиты, чем нормативные. Подписание специального международного соглашения в области поддержки МСП выступает в качестве актуальной задачи, решение которой позволит обеспечить дополнительные стимулы для развития национальных экономик государств – членов ШОС.

6. Целесообразно учреждение специализированного органа по вопросам, связанным с МСП, что значительно повысило бы эффективность работы действующих структур.

7. Взаимодействие ШОС с другими структурами, такими как БРИКС и ЕАЭС, способствует укреплению интеграционных процессов в евразийском регионе, а также развитию открытого диалога не только между представителями государств, но и представителями МСП. Партнерство между ШОС и ЕАЭС особенно значимо для России в контексте диверсификации международных связей с целью укрепления суверенитета и снижения последствий международных ограничительных мер.

Регулирование деятельности МСП на уровне ШОС в настоящий момент находится на начальной стадии, но обладает значительным потенциалом для развития. С момента своего образования ШОС расширила объем задач, привлекла международные организации, бизнес и научные представительства государств к сотрудничеству. Можно сделать общий вывод о том, что отличительной чертой современного развития ШОС является акцент на развитии и поддержке МСП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балуюн Ю. В. Анализ состояния малого предпринимательства на основе метода когнитивного моделирования / Ю. В. Балуюн // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6, № 3, ч. 2. – С. 154–156.
2. Леонг Л. В. Значение корпоративной политики взаимодействия с государством для инвестиционной активности компаний / Л. В. Леонг, К. Л. Е. Мин, П. Ч. Хи, И. Н. Б. Б. Малан, Х. Р. Тянь // Форсайт. – 2024. – Т. 18, № 2. – С. 31–44. – DOI: 10.17323/2500-2597.2024.2.31.44.

3. Еникеев Ш. М. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях / Ш. М. Еникеев, А. В. Лукин, Д. П. Новиков // Вестник международных организаций. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 129–148. – DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-06.
4. Ли С. Итоги 20-летия экономического сотрудничества ШОС и перспективы развития / С. Ли, Ю-С. Ван // Финансы: теория и практика. – 2021. – Т. 25, № 3. – С. 159–174. – DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-3-159-174. – (На англ. яз.).
5. Мороз С. П. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Республике Казахстан / С. П. Мороз // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2013. – № 4 (32). – С. 26–35.
6. Пономарева К. А. Инвестиционные налоговые льготы в Китае: особенности правового регулирования и сравнительный анализ с российскими практиками / К. А. Пономарева // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 80–93. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).80-93.
7. Ishtiaq M. Impact of Strategic Management Practices on the Business Performance of SMEs in Pakistan / M. Ishtiaq, M. S. Tufail, A. Hussain // Global Economics Review – 2021. – Vol. VI, No. I. – P. 227–238. – DOI: 10.31703/ger.2021(VI-I).17.
8. Плетнев Д. А. Критерии малого и среднего бизнеса в разных странах и его масштабы: сравнительное исследование / Д. А. Плетнев, В. И. Бархатов, К. А. Наумова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 6 (452). – С. 147–161. – DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10617.
9. Arif N. A. Problems and Global Challenges of Small and Medium Enterprises (SMEs) in Iran / N. A. Arif, M. A. Abdullah // International Journal of Science and Business. – 2020. – Vol. 4, No. 12. – P. 80–92. – DOI: 10.5281/zenodo.4271136.
10. Ткаченко Е. А. Проблемы совершенствования политики поддержки малых и средних предприятий в целях импортозамещения / Е. А. Ткаченко // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2022. – № 6 (138). – С. 107–113.
11. Омуралиева А. К. Проблемы развития малого и среднего предпринимательства в Кыргызстане / А. К. Омуралиева, У. Р. Мурзаibraim // Евразийское научное объединение. – 2020. – № 11 (69), ч. 4. – С. 282–287.
12. Ponomareva K. Risk-Based Approach as a Basic Element of the Tax Security of the States in the BRICS Countries / K. Ponomareva, K. Maslov, S. Mironova // BRICS Law Journal. – 2024. – Vol. 11, No. 4. – P. 57–80. – DOI: 10.21684/2412-2343-2024-11-4-57-80.
13. Салимов А. А. Проблемы и перспективы развития малого бизнеса и частного предпринимательства в Республике Узбекистан / А. А. Салимов // Бюллетень науки и практики. – 2022. – Т. 8, № 5. – С. 462–466. – DOI: 10.33619/2414-2948/78/54.
14. Alimov R. The Shanghai Cooperation Organisation: Its role and place in the development of Eurasia / R. Alimov // Journal of Eurasian Studies. – 2018. – Vol. 9, Iss. 2. – P. 114–124. – DOI: 10.1016/j.euras.2018.08.001.
15. Жэнь Яньянь. Опыт создания региональной трансграничной платформы электронной коммерции ШОС (на примере Демонстрационной зоны местного торгово-экономического сотрудничества ШОС) / Жэнь Яньянь, Цай Сылю // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 2. – С. 167–188. – DOI: 10.52180/2073-6487_2023_2_167_188.
16. Смоленцева М. С. Инвестиционное взаимодействие стран ШОС / М. С. Смоленцева // Национальные экономические системы в контексте формирования глобального экономического пространства : сб. науч. тр. / под общ. ред. З. О. Адамановой. – Симферополь : Ариал, 2022. – С. 478–481.
17. Цзян Сьюань. Цифровизация платформы по предоставлению трансграничных государственных юридических услуг – на примере реформы по платформизации юридических услуг для Шанхайской организации сотрудничества / Цзян Сьюань, Ло Лань // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – Т. 24, № 4. – С. 52–71. – DOI: 10.24866/1813-3274/2021-4/52-71.
18. Шилина М. Г. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества как акт «мягкого права» в межгосударственном экономическом взаимодействии / М. Г. Шилина // Международное право. – 2016. – № 4. – С. 27–38. – DOI: 10.7256/2306-9899.2016.4.20521.
19. Третьяков К. Н. Соотношение международного и внутригосударственного права в Китайской Народной Республике / К. Н. Третьяков // Московский журнал международного права. – 2009. – № 1. – С. 166–177. – DOI: 10.24833/0869-0049-2009-1-166-177.

20. Tsybulenko E. Legal Instruments of the Shanghai Cooperation Organisation: A Case of Missed Opportunities? / E. Tsybulenko, A. Platonova // *Central Asian Yearbook of International Law and International Relations*. – 2022. – Vol. 1. – P. 244–257. – DOI: 10.5553/CAYILIR/277314562022001001012.

21. Sayapin S. Shanghai Cooperation Organisation (SCO) / S. Sayapin // *Encyclopedia of Public International Law in Asia : in 3 volumes* / ed. Seokwoo Lee. – Brill ; Nijhoff, 2021. – Vol. 3. – P. 188–189.

22. Эскиндаров М. А. Можно ли расти без «новой нормальности»? Стратегические инициативы развивающихся экономик / М. А. Эскиндаров, В. В. Перская // *Вестник Финансового университета*. – 2016. – Т. 20, № 5. – С. 6–13.

23. Петрова Г. В. Стратегическое партнерство Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества 2016–2025 гг. / Г. В. Петрова // *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*. – 2016. – № 4 (9). – С. 61–70.

24. Андреева Е. Л. Потенциал БРИКС и ШОС / Е. Л. Андреева, А. В. Ратнер // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2015. – № 4. – С. 111–116. – DOI: 10.20542/0131-2227-2015-4-111-116.

25. Торопчин Г. В. От Гоа до Сямэня. О некоторых аспектах политического сотрудничества в рамках БРИКС / Г. В. Торопчин // *Вестник международных организаций*. – 2017. – Т. 12, № 1. – С. 174–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-174.

26. Конаровский М. А. ШОС и БРИКС: возможности и перспективы сопряжения / М. А. Конаровский // *Вестник международных организаций*. – 2019. – Т. 14, № 4. – С. 161–171. – DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-08.

27. Толорая Г. Д. БРИКС и ШОС: соотношение и взаимодействие новых механизмов глобального управления / Г. Д. Толорая // *Ежегодник Института международных исследований*. – 2015. – № 2. – С. 98–102. – DOI: 10.46272/2587-8476-2015-0-2-98-102.

REFERENCES

1. Baluyan Yu.V. Analysis of the state of small business based on the method of cognitive modeling. *Ekonomicheskii vestnik Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta = Economic herald of Rostov university*, 2008, vol. 6, no. 3, pt. 2, pp. 154–156. (In Russ.).

2. Leong L.W., Ming K.L.V., Khee P.C., Malan I.N.B.B., Chan H.R. The Relationship between Corporate Political Strategy of Public Partnership and Corporate Investment. *Forsait = Foresight and STI Governance*, 2024, vol. 18, no. 2, pp. 31–44. DOI: 10.17323/2500-2597.2024.2.31.44.

3. Yenikeyeff Sh., Lukin A., Novikov D. The Shanghai Cooperation Organisation in new geopolitical realities. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii = International Organisations Research Journal*, 2024, vol. 19, no. 1, pp. 129–148. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-06. (In Russ.).

4. Li Xin, Wang Y.X. The Results of the 20-Year Economic Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization and its Development Prospects. *Finansy: teoriya i praktika = Finance: Theory and Practice*, 2021, vol. 25, no. 3, pp. 159–174. DOI: 10.26794/2587-5671-2021-25-3-159-174.

5. Moroz S.P. State support for small and medium enterprises in the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Instituta zakonodatel'stva Respubliki Kazakhstan*, 2013, no. 4 (32), pp. 26–35. (In Russ.).

6. Ponomareva K.A. Investment tax benefits in China: special features of legal regulation and comparative analysis with Russian practices. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 3, pp. 80–93. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(3).80-93.

7. Ishtiaq M., Tufail M.S., Hussain A. Impact of Strategic Management Practices on the Business Performance of SMEs in Pakistan. *Global Economics Review*, 2021, vol. VI, no. I, pp. 227–238. DOI: 10.31703/ger.2021(VI-I).17.

8. Pletnev D.A., Barkhatov V.I., Naumova K.A. SME's criteria in national economies and its scale: a comparative study. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk state university*, 2021, no. 6 (452), pp. 147–161. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10617. (In Russ.).

9. Arif N.A., Abdullah M.A. Problems and Global Challenges of Small and Medium Enterprises (SMEs) in Iran. *International Journal of Science and Business*, 2020, vol. 4, no. 12, pp. 80–92. DOI: 10.5281/zenodo.4271136.

10. Tkachenko E.A. Problems of improving the policy of supporting small and medium-sized enterprises for the purpose of import substitution. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 2022, no. 6 (138), pp. 107–113. (In Russ.).

11. Omuralieva A.K., Murzaibraim U.R. Development problems of small and medium enterprises in Kyrgyzstan. *Evrasiiskoe nauchnoe obyedinenie*, 2020, no. 11 (69), pt. 4, pp. 282–287. (In Russ.).
12. Ponomareva K., Maslov K., Mironova S. Risk-Based Approach as a Basic Element of the Tax Security of the States in the BRICS Countries. *BRICS Law Journal*, 2024, vol. 11, no. 4, pp. 57–80. DOI: 10.21684/2412-2343-2024-11-4-57-80.
13. Salimov A.A. Problems and prospects for the development of small business and private entrepreneurship in the Republic of Uzbekistan. *Byulleten' nauki i praktiki = Bulletin of Science and Practice*, 2022, vol. 8, no. 5, pp. 462–466. DOI: 10.33619/2414-2948/78/54. (In Russ.).
14. Alimov R. The Shanghai Cooperation Organisation: Its role and place in the development of Eurasia. *Journal of Eurasian Studies*, 2018, vol. 9, iss. 2, pp. 114–124. DOI: 10.1016/j.euras.2018.08.001.
15. Ren Yanyan, Cai Siliu. Construction of the SCO regional cross-border e-commerce platform: taking the practice of the China-SCO local economic cooperation demonstration zone as an example. *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk = The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, 2023, no. 2, pp. 167–188. DOI: 10.52180/2073-648720232167188. (In Russ.).
16. Smolentseva M.S. Investment Interaction of the SCO Countries, in: Adamanova Z.O. (ed.). *Natsional'nye ekonomicheskie sistemy v kontekste formirovaniya global'nogo ekonomicheskogo prostranstva*, Collection of scientific articles, Simferopol, Ariel Publ., 2022, pp. 478–481. (In Russ.).
17. Jiang Siyuan, Luo Lan. Digitalization of the platform of providing transborder legal services (the case of the reform on platforming legal services for the Shanghai Cooperation Organization). *Aziatsko-Tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo = Pacific Rim: Economics, Politics, Law*, 2021, vol. 24, no. 4, pp. 52–71. DOI: 10.24866/1813-3274/2021-4/52-71. (In Russ.).
18. Shilina M.G. Strategy for the development of the Shanghai Cooperation Organisation as an Act of "Soft Law" in interstate economic cooperation. *Mezhdunarodnoe pravo*, 2016, no. 4, pp. 27–38. DOI: 10.7256/2306-9899.2016.4.20521. (In Russ.).
19. Tretyakov K.N. National and International Law in the People's Republic of China. *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 2009, no. 1, pp. 166–177. DOI: 10.24833/0869-0049-2009-1-166-177. (In Russ.).
20. Tsybulenko E., Platonova A. Legal Instruments of the Shanghai Cooperation Organisation A Case of Missed Opportunities?. *Central Asian Yearbook of International Law and International Relations*, 2022, vol. 1, pp. 244–257. DOI: 10.5553/CAYILIR/277314562022001001012.
21. Sayapin S. Shanghai Cooperation Organisation (SCO), in: Seokwoo Lee (ed.). *Encyclopedia of Public International Law in Asia*, in 3 volumes, Brill Publ., Nijhoff Publ., 2021, vol. 3, pp. 188–189.
22. Eskindarov M.A., Perskaya V.M. Is the growth without the "new normality" possible? Strategic initiatives of emerging economies. *Vestnik Finansovogo universiteta = Bulletin of the Financial University*, 2016, vol. 20, no. 5, pp. 6–13. (In Russ.).
23. Petrova G.V. The strategic partnership of the Eurasian Economic Union and the Shanghai Cooperation Organization 2016–2025. *Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo evraziiskikh gosudarstv: politika, ekonomika, pravo = International cooperation Eurasian states: politics, economics, law*, 2016, no. 4 (9), pp. 61–70. (In Russ.).
24. Andreeva E.L., Ratner A.V. Potential of BRICS and SCO. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2015, no. 4, pp. 111–116. DOI: 10.20542/0131-2227-2015-4-111-116. (In Russ.).
25. Toropchin G. From Goa to Xiamen. On Some Aspects of Political Cooperation Within BRICS. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii = International Organisations Research Journal*, 2017, vol. 12, no. 1, pp. 174–188. DOI: 10.17323/1996-7845-2017-01-174. (In Russ.).
26. Konarovskiy M. SCO and BRICS connectivity: possibilities and prospects. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii = International Organisations Research Journal*, 2019, vol. 14, no. 4, pp. 161–171. DOI: 10.17323/1996-7845-2019-04-08. (In Russ.).
27. Toloraya G. BRICS, SCO and new mechanisms of Global Governance. *Ezhegodnik Instituta mezhdunarodnykh issledovaniy = Institute for International Studies Yearbook*, 2015, no. 2, pp. 98–102. DOI: 10.46272/2587-8476-2015-0-2-98-102. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Касьянов Рустам Альбертович – доктор юридических наук, профессор кафедры интеграционного права и прав человека

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: r.kasyanov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-2946-5744

Басова Анна Дмитриевна – юрист, соискатель ученой степени кандидата юридических наук
Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76
E-mail: anna.basova.1999@mail.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Касьянов Р.А. Правовое регулирование мер поддержки малого и среднего предпринимательства в рамках Шанхайской организации сотрудничества / Р.А. Касьянов, А.Д. Басова // Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 134–143. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).134-143.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Rustam A. Kasyanov – Doctor of Law, Professor, Department of Integration and Human Rights Law
MGIMO University

76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
E-mail: r.kasyanov@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-2946-5744

Anna D. Basova – Lawyer, applicant for a PhD degree
MGIMO University

76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
E-mail: anna.basova.1999@mail.ru

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kasyanov R.A., Basova A.D. Legal regulation of measures to support small and medium-sized enterprises within the framework of the Shanghai Cooperation Organization. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 134–143. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).134-143. (In Russ.).

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕХАНИЗМОВ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ В ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОМ ПАРТНЕРСТВЕ: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ К ЦИФРОВОЙ АДЪЮДИКАЦИИ

Г.А. Пакерман

Московский государственный институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

04 апреля 2025 г.

Дата принятия в печать –

12 января 2026 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Ключевые слова

Государственно-частное партнерство / ГЧП, инфраструктурный проект, адьюдикация, адьюдикатор, арбитраж, механизмы разрешения споров, цифровизация, блокчейн, смарт-контракт

Государственно-частное партнерство (ГЧП) выступает важным инструментом развития инфраструктуры. В настоящее время наблюдается рост числа и сложности проектов, что приводит к увеличению количества споров между партнерами, требующих оперативных и прозрачных механизмов их разрешения. В статье исследуется адьюдикация как инструмент быстрого урегулирования конфликтов в ГЧП, оценивается ее применение в международной и российской практике, а также предлагается инновационная модель цифровой адьюдикации, интегрирующая технологии блокчейна, интернета вещей (IoT) и онлайн-платформ. На основе сравнительного правового анализа и изучения кейсов установлено, что цифровая адьюдикация способна сократить сроки разрешения споров до 28–40 дней, обеспечивая прозрачность и объективность процесса. Разработаны практические рекомендации по внедрению цифровой адьюдикации в российской юрисдикции с учетом правовых и технологических особенностей. Результаты исследования могут быть полезны для совершенствования законодательства и практики реализации проектов ГЧП в России.

TRANSFORMATION OF DISPUTE RESOLUTION MECHANISMS IN PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP: FROM TRADITIONAL TO DIGITAL ADJUDICATION

Galina A. Pakerman

MGIMO University, Moscow, Russia

Article info

Received –

2025 April 04

Accepted –

2026 January 12

Available online –

2026 March 20

Keywords

Public-private partnership / PPP, infrastructure project, adjudication, adjudicator, arbitration, dispute resolution mechanisms, digitalization, blockchain, smart contract

Subject. Public-private partnership (PPP) is an important tool for infrastructure development in the 21st century, providing synergy between public resources and private capital. Currently, there is an increase in the number and complexity of PPP projects, which inevitably leads to an increase in the number of disputes between partners. Traditional dispute resolution methods – litigation and international arbitration – have significant drawbacks: the average litigation period in infrastructure disputes is 12-18 months, and costs can reach 5-10% of the project value. This necessitates the development of prompt and transparent mechanisms for dispute resolution. Adjudication, as a process where an independent expert renders a binding decision within a short timeframe (usually 28-40 days), represents a promising alternative mechanism that has proven its effectiveness in countries with developed PPP systems.

The purpose of the study. This article examines adjudication as a tool for rapid conflict resolution in PPP, evaluates its application in international and Russian practice, and proposes an innovative model of digital adjudication that integrates blockchain technologies, Internet of Things (IoT) and online platforms. The research aims to analyze the potential of digital adjudication as an innovative dispute resolution mechanism in PPP and to develop practical recommendations for its implementation in the Russian jurisdiction. The author seeks to answer the following questions: what is the legal nature and features of adjudication in the PPP context; what advantages and limitations does digital transformation of adjudication have; what are the prospects for implementing digital adjudication in the Russian legal system.

Methodology. The methodological basis of the research consists of comparative legal analysis, case study method, and systematic approach. The research is based on the analysis of legislative acts and practices of applying adjudication in countries with common law systems (Great Britain, Australia, Singapore) and continental law systems, as well as the study of successful cases of digital technologies implementation in dispute resolution. The author examines the doctrinal foundations of adjudication, analyzes the classification of disputes in PPP projects (financial, technical, operational, political, and digital disputes), and evaluates the effectiveness of various dispute resolution mechanisms depending on the type of conflict.

Results. Based on the conducted analysis, it was established that digital adjudication can reduce the dispute resolution period to 28-40 days, ensuring transparency and objectivity of the process through the use of modern technologies. Blockchain technology ensures immutability of data and transparency of procedures, IoT provides objective indicators of project implementation, and online platforms eliminate geographical barriers and reduce costs. The author has developed a comprehensive model of digital adjudication for PPP projects, which includes: an online platform for submitting claims and document management; integration with IoT sensors for objective data collection on project implementation; use of blockchain for storing evidence and decisions; automated preliminary analysis of disputes; digital selection and appointment of adjudicators; secure video conferencing for hearings. The implementation of digital adjudication can lead to a reduction in the time for dispute resolution by 40-50% compared to traditional methods, a decrease in costs by 30-40%, an increase in transparency and objectivity of decisions, and improvement in the overall efficiency of PPP project implementation.

Conclusions. The author has developed practical recommendations for the implementation of digital adjudication in the Russian jurisdiction, taking into account legal and technological features. It is necessary to adopt legislative amendments to the Federal Law "On Public-Private Partnership" and the Law on Concessions, establishing adjudication as a mandatory pre-trial dispute resolution mechanism in PPP projects. The formation of a specialized pool of digital adjudicators with certification requirements and the creation of a unified digital platform based on domestic technologies with integration into existing information systems is required. The implementation requires a phased approach: starting with pilot projects in several regions, gradual expansion of the geography and types of projects, training of specialists and development of methodological materials. The results of the study can be useful for improving the legislation and practice of implementing PPP projects in Russia, where annual losses from delays in PPP projects amount to billions of rubles.

1. Введение

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) в XXI в. стало ключевым механизмом реализации инфраструктурных проектов, обеспечивая синергию публичных ресурсов и частного капитала. В России рынок ГЧП также демонстрирует устойчивый рост: к концу 2024 г. общий объем частных инвестиций в проектах ГЧП достиг 2,3 трлн руб.¹ Однако сложность таких проектов, где публичные интересы государства пересекаются с коммерческими целями частных компаний, неизбежно порождает различные конфликты.

Традиционные методы разрешения споров в ГЧП – судебные процессы и международный арбитраж – имеют существенные недостатки. Средний

срок судебного разбирательства в инфраструктурных спорах составляет 12–18 месяцев, а затраты могут достигать 5–10 % стоимости проекта [1; 2]. Длительность традиционных процедур особенно критична для проектов ГЧП, где задержки в реализации приводят к значительным финансовым потерям и социальным издержкам.

В этом контексте адьюдикация – процесс, при котором независимый эксперт выносит обязательное решение в сжатые сроки (обычно 28–40 дней), – представляется перспективным альтернативным механизмом. Впервые внедренная в Великобритании в строительных контрактах в 1990-е гг., адьюдикация доказала свою эффективность в странах с развитой системой ГЧП. В России ее применение ограничено,

¹ Объем соглашений ГЧП и концессий превысил 2 трлн рублей по итогам 2024 г. // Министерство экономического развития Российской Федерации: офиц. сайт. 2025.

26 февр. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/obem_soglasheniy_gchp_ikoncessiy_prevysil_2trln_rubley_poitogam_2024_goda.html (дата обращения: 31.03.2025).

несмотря на очевидную потребность в быстрых и гибких механизмах разрешения споров.

Цифровизация открывает новые возможности для трансформации традиционной адьюдикации. Технологии блокчейна обеспечивают неизменность данных, интернет вещей (*IoT*) предоставляет объективные показатели проектов, а онлайн-платформы устраняют географические барьеры [3; 4]. В мировой практике уже появляются примеры успешного применения элементов цифровой адьюдикации в инфраструктурных проектах.

Цель настоящего исследования – анализ потенциала цифровой адьюдикации как инновационного механизма разрешения споров в ГЧП и разработка практических рекомендаций по ее внедрению в российской юрисдикции. Автор попыталась ответить на следующие вопросы: какова правовая природа и особенности адьюдикации в контексте ГЧП? какие преимущества и ограничения имеет цифровая трансформация адьюдикации? каковы перспективы внедрения цифровой адьюдикации в российской правовой системе?

Автор предлагает теоретическую основу для цифровой адьюдикации с целью восполнить пробел по применению прогрессивных технологий в разрешении споров ГЧП. Для этого ею разработана модель, которая может быть внедрена в России, где ежегодные потери от задержек в проектах ГЧП составляют миллиарды рублей².

2. Доктринальные основы адьюдикации в ГЧП

Адьюдикация (от лат. *adjudicatio* – «присуждение») – альтернативный механизм разрешения споров, при котором независимый эксперт (адьюдикатор) выносит решение, обязательное для сторон до его возможного пересмотра в суде или арбитраже [5; 6]. В отличие от медиации, которая ориентирована на достижение добровольного согласия, и арбитража, чьи решения имеют окончательную юридическую силу, адьюдикация занимает промежуточное положение, сочетая скорость (28–40 дней) и временную обязательность.

В доктрине выделяют основные характеристики адьюдикации:

– временная обязательность решения (принцип *pay now, argue later* – «плати сейчас, спорь потом»);

– оперативность процедуры (сжатые сроки рассмотрения спора);

– профессиональная экспертиза (адьюдикатор обладает специальными знаниями в соответствующей области);

– процессуальная гибкость (отсутствие жестких процедурных требований);

– возможность последующего пересмотра решения в суде или арбитраже³.

В теоретико-правовом плане адьюдикация – особая процедура разрешения спора, сочетающая элементы юрисдикционных (суд, арбитраж) и неюрисдикционных (медиация, примирение) способов. По своей правовой природе решение адьюдикатора близко к заключению эксперта, наделенному временной обязательной силой на основании соглашения сторон [8].

В контексте ГЧП адьюдикация решает ключевую задачу – оперативное распределение рисков между публичным и частным партнерами. Доктрина рисков ГЧП, разработанная Э.Р. Йескомбом, выделяет три основные категории рисков: финансовые (дефолт по платежам, перерасход бюджета), операционные (задержки в строительстве или эксплуатации) и внешние (экологические или политические факторы) [9]. Адьюдикация позволяет оперативно разрешать споры, связанные с этими рисками, сохраняя проектную динамику и минимизируя убытки.

На основе анализа практики реализации проектов ГЧП можно выделить типы споров:

– финансовые споры (задержки бюджетных платежей публичной стороны; превышение сметы частным партнером; разногласия по тарифной политике; валютные риски в трансграничных проектах);

– технические споры (несоответствие качества установленным стандартам; отклонения от проектной документации; разногласия по интерпретации технических спецификаций; скрытые дефекты объектов инфраструктуры);

– операционные споры (срыв сроков строительства или эксплуатации; недостижение ключевых показателей эффективности (*KPI*); изменение объемов услуг или мощности объектов; проблемы технического обслуживания);

² Исследование «Экономические потери от нарушения сроков реализации проектов ГЧП в России» // Аналитический центр при Правительстве РФ: офиц. сайт. 2023. URL: <https://ac.gov.ru/uploads/reports/public-private-partnerships-2023.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).

³ Доклад Рабочей группы II (Урегулирование споров) о работе ее восьмидесятой сессии (Вена, 30 сентября – 4 октября 2024 г.) // Организация Объединенных Наций: офиц. сайт. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/v24/070/16/pdf/v2407016.pdf> (дата обращения: 28.02.2025). См. также: [7].

– политические споры (изменение законодательства, влияющее на экономику проекта; риски национализации или экспроприации; межгосударственные разногласия в трансграничных проектах; вопросы национальной безопасности и стратегического контроля);

– цифровые споры (новая категория в эпоху цифровизации: разногласия в отношении прав на данные IoT-мониторинга; конфликты, связанные с кибербезопасностью; споры о достоверности цифровых данных; конфликты, возникающие при автоматическом исполнении смарт-контрактов).

Данная классификация позволяет более точно определить применимость и эффективность механизмов адьюдикации.

Адьюдикация наиболее эффективна для разрешения технических и операционных споров, где требуется экспертная оценка и быстрое решение для продолжения проекта. Для финансовых споров ее применимость зависит от сложности вопроса и суммы спора. Политические споры, как правило, требуют более сложных механизмов разрешения, включая международный арбитраж или дипломатические каналы. Цифровые споры представляют новый вызов, и именно здесь цифровая адьюдикация может предложить наиболее эффективные решения [10].

3. Сравнительный анализ правового регулирования адьюдикации

В странах общего права адьюдикация получила законодательное закрепление и широкое распространение. В Великобритании основой служит *Housing Grants, Construction and Regeneration Act 1996 (HGCR)*⁴, в Австралии – *Security of Payment Acts*, принятые в разных штатах⁵. Эти акты делают адьюдикацию обязательной для строительных споров.

В Великобритании *HGCR* устанавливает право любой стороны строительного контракта направить спор на адьюдикацию в любое время, а также опре-

деляет базовые процессуальные требования: назначение адьюдикатора в течение 7 дней, вынесение решения в течение 28 дней с возможностью продления еще на 14 дней с согласия сторон [11, р. 357–358, 451–458]. Решение адьюдикатора имеет временную обязательную силу до разрешения спора в суде или арбитраже.

В Сингапуре *Building and Construction Industry Security of Payment Act 2004*⁶ вводит схожую модель, но с некоторыми отличиями: решение адьюдикатора может быть оспорено только по ограниченным основаниям, а срок рассмотрения составляет 14 дней с возможностью продления до 28 дней [12, р. 1919–1935].

В системе континентального права отношение к адьюдикации более сдержанное. Во Франции и Германии отсутствует специальное законодательство об адьюдикации, хотя принципы временного обязательного разрешения споров могут быть включены в контракты в рамках свободы договора [4].

В России адьюдикация как специальный механизм разрешения споров законодательно не закреплена. Действующие федеральные законы от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ о ГЧП)⁷ и от 21 июля 2005 г. № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» (далее – ФЗ о концессиях)⁸ не содержат положений об адьюдикации или аналогичных механизмах быстрого разрешения споров. При этом возможность включения в договор положений о досудебном разрешении споров с привлечением независимого эксперта не противоречит принципам российского гражданского права, о чем свидетельствует позиция Конституционного Суда РФ о допустимости досудебных процедур при сохранении права на последующее обращение в суд⁹.

⁴ URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/53/contents> (дата обращения: 15.02.2025). См. также: [11, р. 451–458].

⁵ Например, в Новом Южном Уэльсе – *Building and Construction Industry Security of Payment Act 1999 No 46*, см.: URL: <https://legislation.nsw.gov.au/view/html/inforce/current/act-1999-046> (дата обращения: 15.02.2025).

⁶ URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/BCISPA2004> (дата обращения: 16.02.2025).

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4350.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3126.

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 11 Гражданского кодекса Российской Федерации, пункта 2 статьи 1 Федерального закона “О третейских судах в Российской Федерации”, статьи 28 Федерального закона “О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним”, пункта 1 статьи 33 и статьи 51 Федерального закона “Об ипотеке (залоге недвижимости)” в связи с запросом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2011. № 4.

В Китае преобладает традиция медиации, основанная на конфуцианских принципах гармонии и компромисса. Адьюдикация воспринимается как западный инструмент, чуждый местной правовой культуре¹⁰. В трансграничных контрактах, где участвуют страны с разными традициями, возникает потребность в нейтральных механизмах. Доктрина «гармонизации правовых систем» предлагает использовать адьюдикацию как универсальный инструмент, способный сбалансировать интересы сторон [13; 14].

4. Цифровая трансформация адьюдикации: технологические и правовые аспекты

Цифровая адьюдикация – эволюция традиционной модели под влиянием современных информационных технологий. В качестве ключевых технологических компонентов цифровой адьюдикации можно выделить:

1) блокчейн-технологии, обеспечивающие неизменность и прозрачность данных (распределенный реестр фиксирует все этапы процесса адьюдикации, документы, доказательства и решения, делая невозможным их последующее изменение [15]; это повышает доверие к процедуре и сокращает риски манипуляций с информацией);

2) интернет вещей (*IoT*), предоставляющий объективные данные о ходе реализации проекта через систему датчиков и устройств, контролирующих различные параметры: от качества материалов до сроков выполнения работ [16], – что служит объективной основой принятия адьюдикатором решений;

3) смарт-контракты – самоисполняющиеся программы на базе блокчейна, автоматически реализующие условия контракта при наступлении заданных событий [14]; в контексте адьюдикации смарт-контракты могут автоматизировать исполнение решений, например блокируя / разблокируя финансирование;

4) онлайн-платформы разрешения споров обеспечивают виртуальную среду для проведения процедуры, включая видеоконференции, электронный документооборот, автоматический перевод и другие функции [17]; это позволяет участвовать в процессе из любой точки мира, сокращая временные и финансовые затраты;

5) искусственный интеллект может анализировать большие массивы данных, выявлять закономер-

ности и помогать адьюдикатору в оценке доказательств [18]; в перспективе искусственный интеллект способен выполнять функции предиктивной адьюдикации, прогнозируя возможные споры до их формального возникновения.

Представляется, что перечисленные технологии формируют единую экосистему цифровой адьюдикации, где объективные данные *IoT* фиксируются в неизменяемом блокчейн-реестре, решения принимаются с использованием онлайн-платформ, а их исполнение обеспечивается смарт-контрактами, что радикально повышает эффективность процесса.

Внедрение цифровых технологий в процедуру адьюдикации порождает ряд правовых вопросов, требующих анализа и решения.

Какова юридическая сила электронных доказательств? В российском процессуальном праве электронные доказательства признаются допустимыми (ст. 71 Гражданского процессуального кодекса РФ¹¹, ст. 75 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹²), однако на практике суды часто требуют дополнительного подтверждения их достоверности. Данные, зафиксированные с использованием блокчейна и *IoT*, должны получить однозначное признание как надежные доказательства.

Каков правовой статус смарт-контрактов? Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹³ вводит понятие смарт-контракта, но ограничивает сферу его применения цифровыми финансовыми активами. Поэтому представляется, что необходимо расширение правового регулирования на смарт-контракты в сфере ГЧП, включая те, что обеспечивают исполнение решений адьюдикатора.

Использование онлайн-платформ для адьюдикации должно соответствовать требованиям Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹⁴. Особую важность приобретает вопрос трансграничной передачи персональных данных и конфиденциальность в международных проектах ГЧП.

Отсутствие специального регулирования решения, принятые в рамках цифровой адьюдикации,

¹⁰ Kynge J. Chinese contractors grab lion's share of Silk Road projects // Financial Times. 24 January 2018. URL: <https://www.ft.com/content/76b1be0c-0113-11e8-9650-9c0ad2d7c5b5>.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

¹² Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

¹³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

¹⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3451.

могут рассматриваться судами как экспертные заключения или результаты договорной процедуры [19; 20]. Для повышения их юридической силы требуется либо законодательное закрепление, либо интеграция с признанными механизмами (например, третейским разбирательством).

Онлайн-характер цифровой адьюдикации размывает территориальные границы, что порождает вопросы о применимом праве и компетентном суде [21]. Эти вопросы, на наш взгляд, должны четко регулироваться соглашением сторон.

Решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего как изменения в законодательстве, так и развитие судебной и арбитражной практики. В переходный период важно максимально детализировать процедурные аспекты цифровой адьюдикации в соглашениях о ГЧП, чтобы минимизировать правовую неопределенность.

5. Анализ международной практики применения адьюдикации в проектах ГЧП

Международная практика показывает растущее применение адьюдикации в крупных инфраструктурных проектах. Рассмотрим наиболее показательные примеры.

Проект расширения автомагистрали M25 в Великобритании (2009–2012 гг., стоимость порядка 6,2 млрд фунтов) столкнулся со спором из-за изменений в проектной документации. Адьюдикатор обязал стороны пересмотреть график работ и распределить дополнительные затраты. Решение позволило избежать судебного процесса, который мог занять более года¹⁵.

Sydney Metro Northwest в Австралии (2014–2019 гг., стоимость порядка 8,3 млрд австралийских долларов) имел конфликт по качеству материалов для строительства тоннелей. Согласно *Security of Payment Act* штата Новый Южный Уэльс адьюдикация заняла 6 недель, что позволило продолжить проект без срыва сроков¹⁶.

В последние годы появляются примеры цифровой адьюдикации. Порт Пирей в Греции (2016–

2021 гг., стоимость порядка 500 млн евро) применил систему фиксации данных экологического мониторинга с использованием *IoT*-датчиков. Адьюдикатор вынес решение за 45 дней, предложив компромисс по модернизации порта с дополнительными экологическими мерами¹⁷.

Нефтехимический комплекс в Джизаке (Узбекистан, 2020–2022 гг., стоимость 1,2 млрд долларов США) создал специальный комитет по разрешению споров, использующий цифровую платформу. Когда возник спор о срыве поставок оборудования, комитет вынес решение за 37 дней, предотвратив приостановку строительства¹⁸.

Эти примеры демонстрируют, что цифровая адьюдикация сокращает время разрешения споров в среднем на 30–40 % по сравнению с традиционной, а затраты – на 20–25 %.

6. Российская практика разрешения споров в ГЧП

В России практика применения адьюдикации в проектах ГЧП только начинает формироваться, преимущественно в виде неформальных механизмов.

В некоторых крупных инфраструктурных проектах (автомагистраль Москва–Казань¹⁹, проект Западного скоростного диаметра в Санкт-Петербурге²⁰) были предприняты попытки применения механизмов оперативного разрешения споров с привлечением независимых экспертов, решения которых добровольно принимались сторонами и позволяли продолжить реализацию проектов с минимальными задержками.

Анализ российской практики показывает, что даже неформальное применение элементов адьюдикации позволяет значительно сократить сроки разрешения споров по сравнению с арбитражным производством. Однако отсутствие нормативного закрепления и стандартизированных процедур снижает эффективность и предсказуемость такого механизма. Кроме того, в российских проектах практически отсутствуют элементы цифровизации в процессах разрешения споров, что является существенным упущением в эпоху цифровой трансформации экономики [22].

¹⁵ Детали проекта конфиденциальны, см.: URL: <https://www.connectplusm25.co.uk/> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁶ Детали проекта конфиденциальны, см.: URL: <https://www.sydneymetro.info/> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁷ См.: URL: <https://www.naftemporiki.gr/english/1405244/belt-and-road-initiative-in-greece-and-the-success-case-of-piraeus-port/> (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁸ См.: URL: [https://nangs.org/news/midstream/pipelines/uzbekistan-postroit-nefteprovod-do-granitsy-s-](https://nangs.org/news/midstream/pipelines/uzbekistan-postroit-nefteprovod-do-granitsy-s-kazakhstanom-chtoby-obespechit-novyy-neftepererabatyvayushchij-kompleks)

[kazakhstanom-chtoby-obespechit-novyy-neftepererabatyvayushchij-kompleks](https://nangs.org/news/midstream/pipelines/uzbekistan-postroit-nefteprovod-do-granitsy-s-kazakhstanom-chtoby-obespechit-novyy-neftepererabatyvayushchij-kompleks) (дата обращения: 31.03.2025).

¹⁹ См.: URL: <https://avtodor-tr.ru/road/m-12/> (дата обращения: 31.03.2025).

²⁰ См.: URL: <https://nch-spb.com/about/> (дата обращения: 31.03.2025).

7. Модель цифровой адьюдикации для российской практики ГЧП

На основе анализа международного опыта и российских правовых реалий предлагается создать модель цифровой адьюдикации – цифровую платформу (*Digital Adjudication Platform, DAP*) для проектов ГЧП в России – облачную систему с функциями видеоконференций, электронной подписи и защищенного документооборота. Платформа должна поддерживать интеграцию с государственными информационными системами (например, ГИС «Капиталовложения», ГИС ЖКХ) и обеспечивать шифрование данных согласно существующим требованиям.

Следует ввести реестр сертифицированных экспертов – пул независимых адьюдикаторов (инженеры, юристы, экономисты) с подтвержденной квалификацией в соответствующих отраслях. Такие реестры могут вести постоянно действующие арбитражные учреждения. Например, работу в этом направлении ведет Российский арбитражный центр при Российском институте современного арбитража.

Следует использовать технологии интернета вещей (датчики температуры, давления, *GPS* на строительных площадках) и *ERP*-систем – система мониторинга проектов (*PMS*) – для предоставления данных о сроках, затратах и возможных нарушениях в реальном времени. Такие системы уже применяются в некоторых российских инфраструктурных проектах (например, автоматические системы управления дорожным движением на платных автомагистралях).

Следует использовать российские блокчейн-решения (блокчейн-реестры, например «Мастерчейн») для фиксации всех данных процесса: документов, доказательств, заявлений сторон и решений. Применение блокчейна обеспечивает неизменность и прозрачность информации, а также соответствие требованиям законодательства о локализации данных [23].

Предлагается применить «модуль правовой адаптации» – программный инструмент, обеспечивающий соответствие решений национальному законодательству и возможность их последующего признания в суде. Модуль должен включать актуальную базу правовых норм и судебной практики по вопросам ГЧП.

Процесс работы предложенной модели предполагает следующие этапы:

- день 1–3: стороны подают заявку в *DAP*, загружая документы и данные из *PMS*;

- день 4: система назначает адьюдикатора из пула, учитывая его специализацию и отсутствие конфликта интересов;

- дни 5–25: проводятся онлайн-слушания с использованием видеосвязи и анализа данных *PMS*;

- дни 26–28: решение публикуется в *DAP*, подписывается электронной подписью и фиксируется в блокчейн-реестре;

- исполнение: при добровольном исполнении решение реализуется сторонами, при неисполнении – возможна эскалация в суд или арбитраж с использованием материалов адьюдикации как доказательственной базы.

Для внедрения цифровой адьюдикации в российскую практику ГЧП необходимо создать соответствующую правовую базу. Предлагается несколько подходов:

- краткосрочная перспектива (без изменения законодательства), когда в соглашение о ГЧП включаются положения о цифровой адьюдикации как обязательной стадии разрешения споров (в соответствии со ст. 421 Гражданского кодекса РФ о свободе договора), и/или разрабатываются типовые регламенты процедуры цифровой адьюдикации на уровне методических рекомендаций уполномоченных органов, и/или создаются пилотные проекты на базе крупных инфраструктурных объектов с участием государственных компаний (например, ГК «Автодор», ОАО «РЖД»);

- среднесрочная перспектива (изменение подзаконных актов), когда положения о цифровой адьюдикации включаются в типовые соглашения, утверждаемые Правительством РФ; требования к электронным платформам разрешения споров в ГЧП утверждаются постановлением Правительства РФ; вводятся стандарты сертификации адьюдикаторов и требования к их квалификации;

- долгосрочная перспектива (изменение федерального законодательства) – предлагается дополнить ФЗ о ГЧП и ФЗ о концессиях положениями о цифровой адьюдикации как специальном механизме разрешения споров в ГЧП; внести изменения в процессуальное законодательство, определяющее статус решений адьюдикатора.

Такой поэтапный подход позволит сформировать правовую основу для внедрения цифровой адьюдикации без радикальных изменений действующего законодательства и накопить практический опыт, необходимый для дальнейшего развития.

Рассмотрим потенциальную эффективность внедрения цифровой адьюдикации на примере –

проект строительства участка ЦКАД-3 (Центральная кольцевая автомобильная дорога) в Московской области (концессионное соглашение). В ходе реализации возникли споры о качестве выполненных работ и соответствии материалов проектной документации, что привело к задержке ввода участка в эксплуатацию на несколько месяцев и дополнительным затратам²¹. Если бы в данном проекте применялась цифровая адьюдикация с интегрированной системой мониторинга качества, спор мог быть разрешен в максимально короткие сроки, что сократило бы задержку ввода объекта в эксплуатацию и снизило дополнительные финансовые затраты.

Этот пример демонстрирует, что внедрение цифровой адьюдикации особенно эффективно для технически сложных проектов с высокой социально-экономической значимостью, где временной фактор играет критическую роль.

8. Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что адьюдикация – эффективный механизм оперативного разрешения споров в проектах

ГЧП, обеспечивающий значительное сокращение сроков урегулирования конфликтов и снижение связанных с ними финансовых потерь. Цифровая трансформация адьюдикации позволяет преодолеть ключевые ограничения традиционного подхода: обеспечивает объективность данных, прозрачность процесса, сокращает временные и финансовые затраты, устраняет географические барьеры.

В российской практике ГЧП наблюдаются первые шаги по применению элементов адьюдикации (преимущественно в неформализованном виде), которые уже демонстрируют положительные результаты, однако отсутствуют системные решения по цифровизации этих процессов.

В перспективе цифровая адьюдикация может стать основой для более комплексной системы управления проектными рисками в ГЧП, интегрирующей предиктивную аналитику, цифровые двойники и автоматизированное исполнение решений. Это создаст качественно новый уровень управления инфраструктурными проектами и повысит инвестиционную привлекательность российского рынка ГЧП.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Allen M. Global construction disputes / M. Allen // *International In-House Counsel Journal*. – 2016. – Vol. 9, No. 36. – P. 1–13.
2. Jones D. Resolving Infrastructure Disputes: The Interplay between International Commercial Courts and International Arbitration / D. Jones, J. Walker. – URL: <https://dougjones.info/content/uploads/2023/04/SCL-International-Paper.pdf>.
3. Кемалов О. А. Блокчейн и Интернет вещей (IoT): Взаимодействие и перспективы интеграции / О. А. Кемалов // *Инновации и инвестиции*. – 2024. – № 8. – С. 393–397.
4. El Issa Y. Les contrats internationaux de construction. Responsabilités et droit applicable : Thèse de doctorat de l'université Paris-Saclay / Y. El Issa. – Paris, 2022. – 512 p.
5. Бутенко Р. Н. Адьюдикация как альтернативный способ разрешения международных коммерческих споров : дис. ... канд. юрид. наук / Р. Н. Бутенко. – М., 2018. – 224 с.
6. Lessambo F. I. Alternative Dispute Resolution / F. I. Lessambo // *Lessambo F. I. International Project Finance: The Public-Private Partnership* / F. I. Lessambo. – Cham : Palgrave Macmillan, 2022. – P. 99–125. – DOI: 10.1007/978-3-030-96390-3_9.
7. Stewart J. Adjudicator jurisdiction across jurisdictions / J. Stewart, R. Cook, I. Kim // *Construction Law International*. – 2021. – Vol. 16, Iss. 3. – P. 17–23.
8. Weinstock N. N. Expert opinion and reform in Anglo-American, Continental, and Israeli adjudication / N. N. Weinstock // *Hastings International and Comparative Law Review*. – 1986. – Vol. 10, No. 1. – P. 9–55.
9. Yescombe E. R. Risk Analysis – Theory and Methodologies / E. R. Yescombe, E. Farquharson // *Yescombe E. R. Public-Private Partnerships for Infrastructure: Principles of Policy and Finance* / E. R. Yescombe, E. Farquharson. – 2nd ed. – Oxford : Butterworth-Heinemann., 2018. – P. 139–149. – DOI: 10.1016/B978-0-08-100766-2.00011-5.
10. Lekkas Z. Disputes in the Digital era: The evolution of dispute resolution and the model ODR system : Thèse en vue de l'obtention du Doctorat de L'université de Toulouse / Z. Lekkas. – Toulouse, 2015. – 455 p.

²¹ См.: Из-за срыва сроков ЦКАД придется дофинансировать на 20 млрд руб. // РБК. 2019. 19 апр. URL: [https://](https://www.rbc.ru/business/29/04/2019/5cc32a6f9a7947ef869f8ef8)

www.rbc.ru/business/29/04/2019/5cc32a6f9a7947ef869f8ef8 (дата обращения: 31.03.2025).

11. Chern C. The law of construction disputes / C. Chern. – 3rd ed. – London : Informa Law from Routledge, 2020. – 710 p. – DOI: 10.4324/9780429027246.
12. Bailey J. Construction law / J. Bailey. – 2nd ed. – London : Informa Law from Routledge, 2016. – 3670 p. – DOI: 10.4324/9781315755465.
13. Hwang M. Commercial Courts and International Arbitration – Competitors or Partners? / M. Hwang // *Arbitration International*. – 2015. – Vol. 31, Iss. 2. – P. 193–212. – DOI: 10.1093/arbint/aiv038.
14. Shang G. Adoption of smart contracts in the construction industry: an institutional analysis of drivers and barriers / G. Shang, L. S. Pheng, R. L. Zhong Xia // *Construction Innovation: Information Process Management*. – 2024. – Vol. 24, No. 5. – P. 1401–1421. – DOI: 10.1108/CI-03-2022-0066.
15. Ast F. When Online Dispute Resolution Meets Cryptoeconomics: The Birth of Decentralized Justice / F. Ast, B. Deffains // *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy*. – June 30, 2021. – URL: <https://stanford-jblp.pubpub.org/pub/birth-of-decentralized-justice/release/1>.
16. Ghosh A. Patterns and trends in Internet of Things (IoT) research: future applications in the construction industry / A. Ghosh, D. J. Edwards, M. R. Hosseini // *Engineering, Construction and Architectural Management*. – 2021. – Vol. 28, No. 2. – P. 457–481. – DOI: 10.1108/ecam-04-2020-0271.
17. Helberger N. The rise of technology courts, or: How technology companies reinvent adjudication for a digital world / N. Helberger // *Computer Law & Security Review*. – 2025. – Vol. 56. – Art. 106118. – DOI: 10.1016/j.clsr.2025.106118.
18. Rajendra J. B. The deployment of artificial intelligence in alternative dispute resolution: the AI augmented arbitrator / J. B. Rajendra, A. S. Thuraingam // *Information & Communications Technology Law*. – 2022. – Vol. 31, Iss. 2. – P. 176–193. – DOI: 10.1080/13600834.2021.1998955.
19. Castro-Jiménez V. Generalidades de los mecanismos alternativos de solución de controversias / V. Castro-Jiménez // *Revista de Investigaciones Universidad del Quindío*. – 2021. – Vol. 33, No. S2. – P. 213–218. – DOI: 10.33975/riuv.vol33nS2.453.
20. Moreno J. P. G. Dispute boards en América Latina: resolución de controversias de infraestructura / J. P. G. Moreno // *USFQ Law Review*. – 2023. – Vol. 10, No. 2. – P. 102–128. – DOI: 10.18272/ulr.v10i2.3023.
21. Taran K. K. Approaches Determining the Applicable Law Using Internet Technologies in the Digital Economy / K. K. Taran // *Digital Age: Chances, Challenges and Future (ISCDTE 2019) : Conference proceedings* / eds. S. Ashmarina, M. Vochozka, V. Mantulenko. – Cham : Springer, 2020. – P. 622–629. – (Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 84). – DOI: 10.1007/978-3-030-27015-5_74.
22. Брановицкий К. Л. Цифровые технологии в цивилистическом процессе: некоторые проблемы и перспективы / К. Л. Брановицкий, И. Г. Ренц, Ал. В. Незнамов, Ан. В. Незнамов, В. В. Ярков // *Вестник гражданского процесса*. – 2019. – Т. 9, № 4. – С. 52–95. – DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-4-52-95.
23. Савельев А. И. Некоторые правовые аспекты использования смарт-контрактов и блокчейн-технологий по российскому праву / А. И. Савельев // *Закон*. – 2017. – № 5. – С. 94–117.

REFERENCES

1. Allen M. Global construction disputes. *International In-House Counsel Journal*, 2016, vol. 9, no. 36, pp. 1–13.
2. Jones D., Walker J. *Resolving Infrastructure Disputes: The Interplay between International Commercial Courts and International Arbitration*. Available at: <https://dougjones.info/content/uploads/2023/04/SCL-International-Paper.pdf>.
3. Kemalov O.A. Blockchain and the Internet of Things (IoT): Interaction and integration prospects. *Innovatsii i investitsii = Innovations & Investment*, 2024, no. 8, pp. 393–397. (In Russ.).
4. El Issa Y. *International construction contracts. Liabilities and applicable law*, Doct. Diss. Paris, 2022. 512 p. (In French).
5. Butenko R.N. *Adjudication as an alternative method of resolving international commercial disputes*, Cand. Diss. Moscow, 2018. 224 p. (In Russ.).
6. Lessambo F.I. Alternative Dispute Resolution, in: Lessambo F.I. *International Project Finance: The Public-Private Partnership*, Cham, Palgrave Macmillan Publ., 2022, pp. 99–125. DOI: 10.1007/978-3-030-96390-3_9.

7. Stewart J., Cook R., Kim I. Adjudicator jurisdiction across jurisdictions. *Construction Law International*, 2021, vol. 16, iss. 3, pp. 17–23.
8. Weinstock N.N. Expert opinion and reform in Anglo-American, Continental, and Israeli adjudication. *Hastings International and Comparative Law Review*, 1986, vol. 10, no. 1, pp. 9–55.
9. Yescombe E.R., Farquharson E. Risk Analysis – Theory and Methodologies, in: Yescombe E.R., Farquharson E. *Public-Private Partnerships for Infrastructure: Principles of Policy and Finance*, 2nd ed., Oxford, Butterworth-Heinemann Publ., 2018, pp. 139–149. DOI: 10.1016/B978-0-08-100766-2.00011-5.
10. Lekkas Z. *Disputes in the Digital era: The evolution of dispute resolution and the model ODR system*, Doct. Diss. Toulouse, 2015. 455 p.
11. Chern C. *The law of construction disputes*, 3rd ed. London, Informa Law from Routledge Publ., 2020. 710 p. DOI: 10.4324/9780429027246.
12. Bailey J. *Construction law*, 2nd ed. London, Informa Law from Routledge Publ., 2016. 3670 p. DOI: 10.4324/9781315755465.
13. Hwang M. Commercial Courts and International Arbitration – Competitors or Partners?. *Arbitration International*, 2015, vol. 31, iss. 2, pp. 193–212. DOI: 10.1093/arbint/aiv038.
14. Shang G., Pheng L.S., Zhong Xia R.L. Adoption of smart contracts in the construction industry: an institutional analysis of drivers and barriers. *Construction Innovation: Information Process Management*, 2024, vol. 24, no. 5, pp. 1401–1421. DOI: 10.1108/CI-03-2022-0066.
15. Ast F., Deffains B. When Online Dispute Resolution Meets Cryptoeconomics: The Birth of Decentralized Justice. *Stanford Journal of Blockchain Law & Policy*, June 30, 2021, available at: <https://stanford-jblp.pub-pub.org/pub/birth-of-decentralized-justice/release/1>.
16. Ghosh A., Edwards D.J., Hosseini M.R. Patterns and trends in Internet of Things (IoT) research: future applications in the construction industry. *Engineering, Construction and Architectural Management*, 2021, vol. 28, no. 2, pp. 457–481. DOI: 10.1108/ecam-04-2020-0271.
17. Helberger N. The rise of technology courts, or: How technology companies reinvent adjudication for a digital world. *Computer Law & Security Review*, 2025, vol. 56, art. 106118. DOI: 10.1016/j.clsr.2025.106118.
18. Rajendra J.B., Thuraisingam A.S. The deployment of artificial intelligence in alternative dispute resolution: the AI augmented arbitrator. *Information & Communications Technology Law*, 2022, vol. 31, iss. 2, pp. 176–193. DOI: 10.1080/13600834.2021.1998955.
19. Castro-Jiménez V. Overview of alternative dispute resolution mechanisms. *Revista de Investigaciones Universidad del Quindío*, 2021, vol. 33, no. S2, pp. 213–218. DOI: 10.33975/riuq.vol33nS2.453. (In Spanish).
20. Moreno J.P.G. Dispute Boards in Latin America: Resolution of Infrastructure Disputes. *USFQ Law Review*, 2023, vol. 10, no. 2, pp. 102–128. DOI: 10.18272/ulr.v10i2.3023. (In Spanish).
21. Taran K.K. Approaches Determining the Applicable Law Using Internet Technologies in the Digital Economy, in: Ashmarina S., Vochozka M., Mantulenko V. (eds.). *Digital Age: Chances, Challenges and Future (ISCDTE 2019)*, Conference proceedings, Lecture Notes in Networks and Systems; vol. 84, Cham, Springer Publ., 2020, pp. 622–629. DOI: 10.1007/978-3-030-27015-5_74.
22. Branovitsky K.L., Rents I.G., Neznamov A.I., Neznamov A.V., Yarkov V.V. Digital Technology and Civil Procedure: Some Problems and Prospects. *Vestnik grazhdanskogo protsessa = Herald of Civil Procedure*, 2019, vol. 9, no. 4, pp. 52–95. DOI: 10.24031/2226-0781-2019-9-4-52-95. (In Russ.).
23. Savelyev A.I. Some legal aspects of implementation of smart contracts and blockchain technologies under Russian law. *Zakon*, 2017, no. 5, pp. 94–117. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пакерман Галина Александровна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и гражданского права им. С.Н. Лебедева
Московский государственный институт международных отношений (университет)

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Galina A. Pakerman – PhD in law, Associate Professor; Associate Professor, S.N. Lebedev Department of Private International and Civil Law *MGIMO University*
76, Vernadskogo pr., Moscow, 119454, Russia
E-mail: galina.pakerman@gmail.com

Министерства иностранных дел Российской Федерации

119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 76

E-mail: galina.pakerman@gmail.com

ORCID: 0000-0003-3957-213X

ORCID: 0000-0003-3957-213X

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пакерман Г.А. Трансформация механизмов разрешения споров в государственно-частном партнерстве: от традиционной к цифровой адьюдикации / Г.А. Пакерман // Правоприменение. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 144–154. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).144-154.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pakerman G.A. Transformation of dispute resolution mechanisms in public-private partnership: from traditional to digital adjudication. *Pravoprименение = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 144–154. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).144-154. (In Russ.).

УДК 342.5

DOI 10.52468/2542-1514.2026.10(1).155-164

**РОССИЙСКАЯ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВАЯ МОДЕЛЬ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ:
ТЕОРИЯ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАКТИКА
(обзор докладов экспертной площадки в рамках XI Уральского форума
конституционалистов, 2 октября 2025 г., Екатеринбург)**

О.А. Кожевников^{1,2}, А.Н. Костюков³

¹ *Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева, г. Екатеринбург, Россия*

² *Уральский государственный экономический университет, г. Екатеринбург, Россия*

³ *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия*

Информация о статье

Дата поступления –

10 октября 2025 г.

Дата принятия в печать –

20 декабря 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 марта 2026 г.

Представлен обзор докладов, которые прозвучали на экспертной площадке «Российская конституционно-правовая модель местного самоуправления: законодательство, практика», состоявшейся в рамках XI Уральского форума конституционалистов в г. Екатеринбурге, Российская Федерация.

Ключевые слова

Местное самоуправление,

муниципальное право,

Федеральный закон от 20 марта

2025 г. № 33-ФЗ, модель

местного самоуправления,

органы местного

самоуправления, гарантии,

муниципально-территориальное

устройство

**THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL MODEL OF LOCAL SELF-GOVERNMENT:
THEORY, LEGISLATION, PRACTICE
(review of reports of the expert platform within the framework
of the XI Ural Forum of Constitutionalists, October 2, 2025, Yekaterinburg)**

Oleg A. Kozhevnikov^{1,2}, Alexander N. Kostyukov³

¹ *Ural State Law University named after V.P. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia*

² *Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia*

³ *Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia*

Article info

Received –

2025 October 10

Accepted –

2025 December 20

Available online –

2026 March 20

An overview of the reports presented at the expert platform "The Russian constitutional model of local Self-government: legislation, practice", held within the framework of the XI Ural Forum of Constitutionalists in Yekaterinburg, Russian Federation, is presented.

Keywords

Local self-government, municipal law, Federal Law dated 20 March 2025 No. 33-FZ, model of local self-government, local self-government bodies, guarantees, municipal-territorial structure

Уже 11 лет традиционно в октябре в Уральском государственном юридическом университете им. В.Ф. Яковлева (далее – УрГЮУ) проходят мероприятия Уральского форума конституционалистов. В 2025 г. все научные мероприятия названного форума были приурочены к 85-летию со дня основания одной из старейших кафедр упомянутого университета – кафедры конституционного права. Одной из самых значимых и массовых по количеству участников XI Уральского форума конституционалистов была экспертная площадка «Российская конституционно-правовая модель местного самоуправления: законодательство, практика». В обсуждении различных аспектов развития местного самоуправления в России приняли участие более 70 экспертов – представителей образовательных и научных организаций, органов власти и общественных институтов со всей России, в том числе из Москвы, Санкт-Петербурга, Красноярска, Новосибирска, Омска, Тюмени, Уфы, Курска, Екатеринбурга, Саратова и других регионов.

Доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ А.Н. Кокотов в своем кратком выступлении на тему «Особенности отечественной модели местного самоуправления» подчеркнул, что постсоветский поиск модели местного самоуправления в России характеризуется постоянными и решительными изменениями законодательства, что уже само по себе заслуживает внимания и всесторонней оценки. Александр Николаевич полагает, что Федеральный закон от 28 августа 1995 г. № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» мог стать основой стабильного развития системы местного самоуправления в России, если бы в нем большее внимание было уделено аккуратным доработкам в части совершенствования компетенций местной власти и способов взаимодействия государственных и муниципальных органов. Однако до настоящего времени разграничению и согласованию государственных и муниципальных полномочий, а также выстраиванию «тонких компетенционных схем» между уровнями власти мешает частое зако-

нодательное изменение территориальной основы самоуправления. Не видится пока «идеальным» и окончательным вариантом предложенная в Федеральном законе от 20 марта 2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Закон № 33-ФЗ) модель определения трех групп полномочий органов местного самоуправления в силу возможных противоречий между пока еще действующими положениями Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Закон № 131-ФЗ) и вышеназванного федерального закона, особенно в контексте возможности сохранения в субъектах Российской Федерации двухуровневой модели территориальной организации местного самоуправления или вообще применение смешанной модели территориальной организации. В ходе своего выступления профессор А.Н. Кокотов обратил внимание участников экспертной площадки на позицию Конституционного Суда РФ, изложенную в Постановлении от 17 июля 2025 г. № 29-П, в самом общем виде она сводится к тому, что нормы ч. 5 ст. 24.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях, защищая муниципалов, с одной стороны, с другой стороны, могут нарушать права граждан при предоставлении жилья сироте – администрацией г. Костромы. Таким образом, передаваемое на места государственное полномочие – это не то, что просто перебрасывается с одного уровня власти на другой – это общее дело органов государства и муниципалитетов, это их совместные проекты. Отсюда следует принцип солидарной ответственности. Отвечать перед гражданами за исполнение названных полномочий органы государства и органы местного самоуправления должны совместно, солидарно. Особое внимание в выступлении профессора А.Н. Кокотова было уделено также тому обстоятельству, что Закон № 33-ФЗ существенно урезал возможности граждан по непосредственному принятию властных решений, например в части определения структуры органов местного самоуправления. И

раньше это пространство урезалось, но сделан очередной шаг. Эта тенденция неизбежна и тревожна, требует общественной дискуссии.

Доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ С.Д. Князев в своем выступлении на тему «Еще раз о конституционной природе российского самоуправления в контексте решений Конституционного Суда Российской Федерации» отметил, что в науке и практике о природе местного самоуправления существуют две основные точки зрения. Одна из них, представленная, в частности, такими авторитетными учеными, как Н.С. Бондарь и А.Н. Кокотов, определяет особую природу муниципальной власти, обусловленную ее непосредственной связью с населением и ориентацией на решение вопросов местного значения. Вместе с тем ему в ряде случаев приходилось отстаивать иную позицию, заключающуюся в том, что в условиях российской модели публичной власти местное самоуправление выступает как децентрализованная форма государственной власти. Для граждан, сталкивающихся с повседневными проблемами, зачастую не столь важно, к какой ветви власти – государственной или муниципальной – относится чиновник, с которым они взаимодействуют. Более того, именно органы местного самоуправления воспринимаются населением как наиболее близкие и доступные институты публичной власти, что делает их фактически «лицом» государства на местах.

Этот тезис подтверждается и практикой. Например, по инициативе Центральной избирательной комиссии РФ были упразднены муниципальные избирательные комиссии. Это решение было продиктовано необходимостью обеспечить единообразие и законность избирательного процесса, а также предотвратить нарушения прав избирателей, которые ранее допускались на муниципальном уровне. Такой шаг свидетельствует о том, что функциональная интеграция муниципальных и государственных структур не только возможна, но и необходима для защиты конституционных прав граждан. Особое значение в данном контексте имеет Заключение Конституционного Суда РФ от 16 марта 2020 г. № 1-3. В разделе 7 этого заключения Суд признал конституционность включения положений о «единой системе публичной власти» в гл. 4 (о Президенте РФ) и в гл. 8 (о местном самоуправлении) Конституции РФ. Однако Суд подчеркнул, что такое включение не должно вести к стиранию конституционных границ между государственной властью и местным самоуправлением. Профессор С.Д. Князев обратил вни-

мание участников экспертной площадки на то обстоятельство, что в Законе № 33-ФЗ прослеживается тенденция к усилению организационного единства между уровнями власти. Например, предусматривается возможность участия органов субъектов федерации в назначении или избрании глав муниципальных образований, а также временное возложение функций местного самоуправления на региональные органы власти. Еще более показательно положение о том, что глава муниципального образования может одновременно замещать и государственную, и муниципальную должность. Это ставит под сомнение традиционное понимание местного самоуправления как самостоятельной формы народовластия. Следует также учитывать, что в соответствии с ч. 2 ст. 15 Конституции РФ органы местного самоуправления обязаны соблюдать Конституцию и федеральные законы, как и все иные органы публичной власти. Это означает, что их «самостоятельность» ограничена рамками федерального законодательства, которое, в свою очередь, может быть проверено на соответствие Конституции, но не всегда отражает сущность местного самоуправления как института непосредственной демократии.

Представитель кафедры конституционного права Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент О.И. Баженова в своем докладе на тему «Конституционализация местного самоуправления в России: от ожиданий к реальности; от реальности к новым ожиданиям» подчеркнула, что принятию Закона № 33-ФЗ во многом способствовало малоудовлетворительное состояние конституционно-правовой и муниципально-правовой доктрины, не сумевшей дать ответы на многие, в том числе ключевые сущностные вопросы о природе местного самоуправления, его значении в современном государстве и т. д. Не в меньшей мере принятие и вступление в силу вышеупомянутого федерального закона стало возможным и в связи с тем, что Конституционный Суд РФ не только не сумел – несмотря на ожидания – обеспечить полноценную конституционно-правовую защиту местного самоуправления, но и своими правовыми позициями заложил основу многих положений весьма спорного с точки зрения многих представителей муниципально-правовой науки Закона № 33-ФЗ.

В подтверждение своего тезиса О.И. Баженова обратила внимание на три правовые позиции Конституционного Суда РФ. Первая из них – признание муниципальной власти особой, обособленной от

государственной, формой власти (Постановление от 15 января 1998 г. № 3-П). Такое признание не обеспечило необходимых – и ожидавшихся в том числе Конституционным Судом РФ – гарантий самостоятельности местного самоуправления, но одновременно создало непреодолимое расстояние между муниципальной и государственной властью. Нежизнеспособность обозначенной позиции в конечном счете привела к провозглашению (с последующим закреплением в ч. 3 ст. 132 Конституции РФ) принципа единства системы публичной власти, используемого сегодня для подавления остатков муниципальной самостоятельности.

Вторая – поддерживающая узкое понимание поселенческой гарантии территориальной организации местной власти (постановления от 24 января 1997 г. № 1-П, от 1 декабря 2015 г. № 30-П), т. е. не распространяющая ее на крупные города, Конституционный Суд РФ одновременно отказался встать и на защиту сельских и городских поселений (сел, небольших (средних, малых) городов) (определения от 18 июля 2019 г. № 2176-О, от 24 октября 2019 г. № 2955-О, от 19 декабря 2019 г. № 3578-О и др.). Ставший возможным в этой связи отказ от конституционного поселенческо-территориального принципа организации муниципальной власти (ч. 1 ст. 131 Конституции РФ) создал предпосылки для законодательного перехода к преимущественно одноуровневому окружному муниципально-территориальному устройству.

Третья – ограничение организационной самостоятельности местного самоуправления путем оправдания права регионального административного вмешательства в вопросы назначения / прекращения полномочий должностных лиц местного самоуправления, а также права конкретизирующего правового регулирования организационного устройства, вплоть до закрепления в безальтернативном порядке отдельных вопросов структуры органов местного самоуправления (порядка формирования представительных органов, главы муниципалитета, его места в системе органов местного самоуправления) (Постановление от 1 декабря 2015 г. № 30-П). Указанные возможности получили непосредственное выражение в Законе № 33-ФЗ.

В заключение О.И. Баженова подчеркнула, что сколь бы неоднозначной ни была роль Конституционного Суда РФ на предыдущем этапе, сегодня на него вновь – но теперь уже без излишней романтизации – возлагаются особые надежды на конституционно-правовую защиту местного самоуправления. Реализация Закона № 33-ФЗ, а с нею и состояние

местного самоуправления во многом зависит от того, окажется ли Конституционный Суд РФ готовым отстаивать прежние правовые позиции, не только расширявшие возможности государственной власти, но и выставлявшие ей соответствующие границы в вопросах территориальной организации, компетенции, организационного устройства и пр., а также окажется ли он готовым выступить в защиту местного самоуправления при оценке конституционности новых институтов организации муниципальной власти (например, института перераспределения полномочий как инструмента разграничения компетенции между государственной и муниципальной властью).

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права Санкт-Петербургского университета МВД России П.А. Астафичев в своем докладе на тему «Проблемы совершенствования законодательства о местном самоуправлении» обратил внимание на ряд проблем, связанных с содержанием и реализацией Закона № 33-ФЗ. В частности, названный закон недостаточно последовательно разграничивает категории вопросов «местного значения» и «непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения»; предполагает, с одной стороны, значительное сужение применения избирательной системы (на поселенческом уровне), с другой – дополнительные гарантии всеобщего и равного народного представительства в муниципальных и городских округах. Имеющаяся модернизация процедуры установления и изменения границ муниципальных образований, а также их преобразования (объединение, разделение, изменение вида), с одной стороны – фактор укрепления позиций представительной демократии, с другой – ущерб непосредственному волеизъявлению граждан. Критически следует оценивать и расширение невыборных способов замещения должности главы муниципального образования (избрание представительным органом на основе номинации высшего должностного лица субъекта Российской Федерации), двойственный статус данного субъекта публичных правоотношений (как замещающего одновременно государственную и муниципальную должности). Вместе с тем Закон № 33-ФЗ выгодно отличается от предшественников более удачными юридико-техническими приемами в формулировках правовых норм, особенно в вопросах разграничения предметов ведения и полномочий.

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и муниципального права Омского государственного университета

им. Ф.М. Достоевского А.Н. Костюков в своем докладе на тему «Муниципально-правовые конструкции и их преемственность» обратил внимание на сохранение в практике правового регулирования ранее действовавших муниципально-правовых конструкций и признание их роли в новой изменившейся общественно-политической ситуации. Поиск меры старого и нового в муниципальном праве остается актуальной задачей.

В частности, конструкция муниципального образования традиционно понималась как публично-правовое образование с постоянно проживающим населением, в границах которого осуществляется местное самоуправление, имеется муниципальная собственность и местный бюджет. В Законе № 33-ФЗ из конструкции муниципального образования исключены муниципальная собственность и местный бюджет. Фактически оно приравнено к обычной территориальной единице. Преемственности в понимании конструкции муниципального образования нет.

Конструкция вопросов местного значения в Законе 33-ФЗ аналогична вопросам непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения. Между тем смысловое содержание у этих конструкций разное. Вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения конструкция более лаконичная, чем вопросы местного значения. Например, утверждение схемы размещения рекламных конструкций, выдача разрешений на их установку и эксплуатацию как вопрос местного значения никакого отношения не имеет к непосредственному обеспечению жизнедеятельности населения, которое спокойно проживет и без рекламных конструкций.

Конструкция поселения из Закона № 33-ФЗ исключена.

Муниципальный район превратился в муниципальный округ. Зачем? Ответа на этот вопрос нет.

Административно-территориальное устройство России было создано Екатериной Великой по немецкому образцу и включало городские и сельские населенные пункты, поселения, сельские районы, городские округа, муниципально-территориальное устройство, как правило, совпадало с административно-территориальным. Это было удобно. В Законе 33-ФЗ выдумали двухуровневое и одноуровневое местное самоуправление. Во втором случае в территориальном устройстве отсутствуют поселения. Сельские населенные пункты повисли в воздухе, брошенные без органов местного самоуправления поселений. Сельские населенные пункты в силу урбанизации и так умирали естественным

путем. Сегодня этот процесс искусственно простимулировали, прервали преемственность в муниципально-территориальном устройстве.

Дальнейшее юридическое оформление местного самоуправления как элемента единой системы публичной власти потребует внесения изменений в федеральное законодательство. Можно прогнозировать, что вряд ли следует ожидать его существенной переработки. Изменения, скорее всего, будут носить точечный характер.

Один из старейших и постоянных участников Уральского форума конституционалистов, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Института государства и права Тюменского государственного университета Г.Н. Чеботарев свой доклад посвятил теме «Общественные палаты (советы) муниципальных образований в системе общественной власти». Ученый отметил, что наряду с государственной властью, муниципальной властью в публичном пространстве России функционирует и общественная власть, являющаяся разновидностью публичной власти, сформированной на основе волеизъявления объединений граждан в целях реализации общественных групповых интересов для достижения публично значимых результатов общественной деятельности, влияющих на социально-экономическое духовно-нравственное развитие общества и государства. Общественные палаты разного уровня играют заметную роль в системе общественной власти. Являясь институтом гражданского общества, они осуществляют и посреднические функции по налаживанию взаимодействия гражданского общества и государства. При этом сами выступают признанными в обществе центрами, консолидирующими деятельность общественных формирований гражданского общества.

Доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного, административного и таможенного права Тверского государственного университета Н.А. Антонова в своем выступлении на тему «Интересы местного сообщества как конституционно-правовая ценность» подчеркнула, что Конституция РФ признаёт и гарантирует в Российской Федерации местное самоуправление, в основе которого лежит интерес местного сообщества. И если Закон № 131-ФЗ обозначал местное самоуправление как форму осуществления власти, *исходящей* из интересов населения, то в Законе № 33-ФЗ законодатель ограничивается лишь указанием на то, что местное самоуправление *призвано* обеспечивать решение задач *в интересах населения*. Однако в силу своей

специфики такая категория, как «интересы местного сообщества», может быть определена как конституционная ценность, лежащая в основе организации и функционирования местного самоуправления. Поскольку интерес местного сообщества первичен по отношению к местному самоуправлению как конституционной ценности, нельзя местное самоуправление рассматривать вне такого интереса. В результате фактической интеграции местного самоуправления в государственное управление органы местного самоуправления фактически утратили роль выразителей воли местных сообществ. Отсутствие механизма реализации и обеспечения такой конституционной ценности, как интересы местного сообщества, ведут к выхолащиванию ценности самого института местного самоуправления.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) М.Ю. Дитятковский в докладе «О компенсации дополнительных расходов органам местного самоуправления при выполнении публичных функций» напомнил, что в 2020 г. при принятии поправок к Конституции РФ положения о компенсации дополнительных расходов органам местного самоуправления в ст. 133 Конституции РФ были обновлены. Было исключено упоминание о решениях, принимаемых органами государственной власти, как основании для компенсации органам местного самоуправления дополнительных расходов. Вместо этого была предусмотрена сложная формулировка о том, что компенсации подлежат дополнительные расходы, возникшие в результате выполнения органами местного самоуправления во взаимодействии с органами государственной власти публичных функций. При этом до настоящего времени о компенсации дополнительных расходов органам местного самоуправления при выполнении публичных функций нет упоминания ни в Федеральном законе от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации», ни в Законе № 33-ФЗ. В качестве одной из причин профессор М.Ю. Дитятковский выделяет объективные сложности в разграничении института компенсации дополнительных расходов органам местного самоуправления при выполнении публичных функций с институтом наделяния органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Так, в законодательстве нет определения понятия «публичные функции». В связи с чем абсолютно непонятна природа «ино-

порядка» участия органов местного самоуправления в осуществлении публичных функций на соответствующей территории, помимо уже имеющегося эффективного института наделяния органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями. Кроме того, в настоящее время действуют различные механизмы предоставления финансовых средств, необходимых для осуществления переданных отдельных государственных полномочий, и компенсации дополнительных расходов органам местного самоуправления при выполнении публичных функций. Так, в первом случае закрепляется принцип предварительной передачи финансовых средств, необходимых для осуществления отдельных государственных полномочий, в классической литературе обозначенный как «утром деньги – вечером стулья». При компенсации расходов органам местного самоуправления закрепляется противоположный принцип последующей передачи финансовых средств, в том же произведении обозначенный как «утром стулья – вечером деньги».

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Юго-Западного государственного университета А.Н. Гуторова, рассматривая тему «Должность главы муниципального образования: новации и перспективы» отметила, что Закон № 33-ФЗ ввел новый способ избрания главы муниципального образования – путем избрания представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. При этом для административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации исключили возможность выбора способа избрания, глава муниципального образования избирается исключительно представительным органом муниципального образования из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. В Курской области региональный законодатель уже воспользовался новеллами и 31 июля 2025 г. принял закон «О внесении изменений в Закон Курской области “О порядке избрания, месте в системе органов местного самоуправления и сроках полномочий глав муниципальных образований”», определяющий круг субъектов для выдвижения кандидатур и возможность повторного внесения ранее выдвинутой, но не набравшей достаточное количество голосов кандидатуры. Постановлением Губернатора Курской области от 20 августа 2025 г. № 209-пг «О комиссии по отбору кандидатов на должность Главы муниципального образования “Городской

округ город Курск» утверждены состав комиссии и порядок работы комиссии (в том числе круг вопросов, которые могут быть адресованы кандидату).

Оживленную дискуссию вызвал доклад кандидата юридических наук, доцента, доцента кафедры публично-правовых наук Волго-Вятского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) И.А. Пибяева «“Вместе весело шагать?”: статус глав муниципальных образований в новом законе о местном самоуправлении». В частности, выступающим было акцентировано внимание на практике применения механизма вынесения предупреждения и объявления выговора в отношении глав муниципальных образований за ненадлежащее исполнение или неисполнение обязанностей по обеспечению осуществления органами местного самоуправления отдельных государственных полномочий, переданных органам местного самоуправления федеральными законами и (или) законами субъекта Российской Федерации. Ученым в практике правоприменения с 2022 г. по настоящее время было обнаружено шесть случаев объявления выговоров и один случай – предупреждения. Все эти примеры позволили обозначить несколько проблем. Во-первых, проблему соблюдения требований Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и Закона № 33-ФЗ в части: а) порядка вынесения взысканий, б) учета сроков, в) соблюдения процедуры отрешения от должности. Во-вторых, в подавляющем большинстве случаев реальные претензии к главам со стороны высших должностных лиц (например, по реализации национальных проектов, внесению данных в информационные системы, авариям на тепловых сетях) юридически заменялись на ненадлежащее исполнение осуществление переданных государственных полномочий (опека и попечительство, административные комиссии и др.). В-третьих, отсутствие прозрачности применяемого механизма. В открытом доступе указы (распоряжения) высшего должностного лица субъекта о вынесении предупреждения или объявления выговора главам не размещаются.

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева М.А. Липчанская в выступлении «Территориальные и организационные трансформации местного самоуправления: вызовы и новые смыслы конституционных принципов» критически высказалась относительно

правовой сущности местного самоуправления, легализованной в Законе № 33-ФЗ, согласно которому местное самоуправление – признаваемая и гарантируемая Конституцией РФ форма самоорганизации граждан. В правовом регулировании местного самоуправления можно выявить определенную правовую дихотомию: местное самоуправление является формой и обладает признаками самоорганизации граждан, при которой население создает органы, имеющие публичные функции и наделенные публично-властными полномочиями.

Опыт Свердловской области в реализации норм Закона № 33-ФЗ в своем выступлении привел кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права УрГЮУ А.В. Блещик. В частности им отмечено, что по результатам мониторинга, проведенного Аппаратом Законодательного Собрания Свердловской области, в целях приведения законодательства Свердловской области в соответствие вышеназванному закону потребуются внести изменения в 21 закон Свердловской области. Реализация Закона № 33-ФЗ в Свердловской области ведется в трех магистральных направлениях:

1. *Реорганизация муниципально-территориального устройства.* На территории Свердловской области расположены 94 муниципальных образования, среди которых имеются городские и муниципальные округа, а также 5 муниципальных районов, 5 городских поселений, 16 сельских поселений. Сохранение существующей в регионе модели муниципально-территориального устройства представляется наиболее разумным вариантом развития муниципальных образований в регионе.

2. *Формирование органов местного самоуправления (избрание глав муниципальных образований).* Среди нерешенных проблем А.В. Блещик выделил отсутствие изменений в Закон РФ от 14 июля 1992 г. № 3297-1 «О закрытом административно-территориальном образовании», согласно которому сохраняется избрание главы муниципального образования представительным органом из числа кандидатов, представленных конкурсной комиссией. Причина этого не ясна: или недосмотр законодателя, или особенность статуса ЗАТО, которая исключает применение других способов избрания. Действует ли правовая позиция Конституционного Суда РФ (Постановление от 1 декабря 2015 г. № 30-П по «Иркутскому делу») в части обязательного установления региональным законодателем критериев, в соответствии с которыми определяются муниципальные образования, для которых может быть предусмотрен

единственный способ избрания глав? Как определить пределы компетенции органов власти субъектов Российской Федерации при установлении порядка рассмотрения высшим должностным лицом кандидатур, предложенных субъектами выдвижения, и представления кандидатов представительному органу?

А.В. Блещик отметил, что обилие вопросов, возникающих в связи с реализацией норм Закона № 33-ФЗ в региональном законодательстве, закономерно, однако получить ответы на них пока возможны либо путем учета правотворческого и правоприменительного опыта других субъектов Российской Федерации, либо путем активных действий самого федерального законодателя, который по результатам обобщения региональной практики и мнений представителей академической науки придет к выводу о необходимости совершенствования Закона № 33-ФЗ и подготовит изменения, направленные на устранение его очевидных дефектов.

Кандидат юридических наук, преподаватель Нижневартского профориентационного учебного центра, преподаватель учебного центра Ассоциации сибирских и дальневосточных городов Н.П. Алешкова акцентировала внимание на отдельных проблемных аспектах правоприменительной практики в области противодействия коррупции на муниципальном уровне. В частности, было отмечено резкое увеличение количества норм, регулирующих вопросы противодействия коррупции, не в профильном Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», а в Законе № 33-ФЗ, при этом в последнем применен целый ряд терминов и категорий, которые не предусмотрены законодательством о противодействии коррупции. Несмотря на то, что Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ предусматривает основания для прекращения полномочия лиц, замещающих муниципальные должности (ст. 13.1) или должности муниципальной службы (ст. 8, 8.1, 11) в связи с утратой доверия, ни в законодательстве, ни на практике это решение не подкрепляется реальными санкциями. В чем тогда вообще заключается смысл института «утраты доверия»? И об утрате чьего, собственно, доверия идет речь? Представительного органа муниципального образования? Представительного органа конкретного созыва, проголосовавшего за прекращение полномочий? Населения данного муниципального образования? Ученым предложен целый ряд возможных изменений в нормативные акты, позволяющие уточнить и усилить

положения антикоррупционного законодательства для его более корректного применения на муниципальном уровне.

Особый интерес вызвало выступление доктора социологических наук, ведущего научного сотрудника Института философии и права Уральского отделения РАН О.М. Роя как одного из немногих участников экспертной площадки, не имеющих профильного юридического образования, на тему «Укрупнение муниципалитетов в контексте развития муниципальной идентичности». Было отмечено, что масштабное сокращение сельских муниципальных поселений и последующее объединение их в муниципальные округа, трансформация сложившихся границ административно-территориального деления на локальном уровне способствует разрушению основ муниципальной идентичности, выражающей совокупность социальных и психологических установок граждан, проживающих в локальных поселениях, в сопричастности к происходящим на их территории событиям и активно участвующих в делах местных сообществ. Муниципальная реформа 2025 г. ведет к созданию административно-территориальных единиц, в границах которых муниципальная идентичность зачастую не сформирована. Формат муниципального округа связан с тем, что в его состав входят поселения с совершенно разным уровнем социально-экономического развития, национально-этническим составом и географическим расположением.

Последствия укрупнения формата муниципальных образований могут вызвать разрушение привычной системы коммуникаций между территориальными уровнями, снижение доступности граждан к получению государственных и муниципальных услуг, обособление сети территориальных образований локального уровня, повышенные коррупционные риски, рост недоверия к органам муниципальной власти и утрата стимулов к самоорганизации.

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Сибирского юридического института МВД России А.В. Безруков в докладе на тему «Судьба и перспективы местного самоуправления в России» обозначил основные направления конституционной и муниципальных реформ в современной России, обратив внимание на их взаимосвязь, а также необходимость аккуратного, преемственного и последовательного их проведения в соответствии с положениями ст. 3, 12, 132, 133 Конституции

РФ. В рамках развития и усиления роли муниципального контроля докладчик показал его особую значимость и предложил ввести в правовую доктрину категории «публично-властный контроль». Такой контроль призван соединить и интегрировать государственный, муниципальный и общественный контроль в единую систему публично-властного контроля. В завершение выступая доказана потребность дальнейшего укрепления и развития общетеоретических, отраслевых и межотраслевых связей в конструировании различных публично-правовых механизмов, в том числе механизмов публично-властного контроля в целом и муниципального контроля в частности.

Доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета А.А. Кондрашев в докладе «О соотношении государственной и муниципальной власти: иерархия или кооперация?», проанализировав конституционные поправки 2020 г. и положения Закона № 33-ФЗ, обратил внимание на то, что законодатель «реанимировал» «советский» принцип единства власти на всех уровнях (ст. 89 Конституции СССР 1977 г.) в нарушение ст. 3 и 12 Конституции РФ. Новый Закон № 33-ФЗ в русле поправок к Конституции РФ ставит новую целевую установку – отменить самостоятельность муниципальной власти и полностью встроить ее в состав государственной власти как организационной и функциональной части государственного аппарата по образцу советской жестко иерархической управленческой модели. Как показывает зарубежный опыт организации местного самоуправления, именно в тех странах, где взаимодействие местного самоуправления и органов государственной власти строится на кооперативных началах, достижимо устойчивое развитие местного самоуправления как важнейшего публично-правового института и повышение эффективности управления соответствующими территориями.

Завершая экспертную площадку, доктор юридических наук, профессор кафедры конституционного права УрГЮУ О.А. Кожевников и кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права УрГЮУ А.В. Крысанов поделились своими иде-

ями относительно участия органов местного самоуправления в обеспечении безопасности территорий и граждан в контексте новелл законодательства о местном самоуправлении. В частности, было отмечено, что системный анализ российского законодательства и документов стратегического планирования в области безопасности указывает на доминирующий государственный подход, в рамках которого безопасность воспринимается не только как защита от опасностей, вызовов и угроз, но и как важнейший элемент устойчивого развития территорий (муниципальных образований). Законодательством определена система стратегического планирования на всех уровнях публичной власти: федеральном, региональном, муниципальном, – а также закреплены механизмы реализации государственной политики в сфере стратегического планирования. Органы местного самоуправления включены в процесс стратегирования не как исполнители, а как полноправные участники – разрабатывающие собственные стратегии и программы. Анализ практики правоприменения документов стратегического планирования показал отсутствие единого подхода к разработке муниципальных стратегий в сфере безопасности, неурегулированность методических вопросов, порядок взаимодействия разных уровней власти и др. Активное участие органов местного самоуправления в стратегическом планировании позволяет учитывать реальные потребности населения, повышать устойчивость территорий и уровень защищенности граждан.

Всего на экспертной площадке «Российская конституционно-правовая модель местного самоуправления: теория, законодательство, практика», проходившей в зале заседаний Екатеринбургской городской Думы, выступил 21 представитель самых разных городов России и научных школ. При этом все участники не скрывали проблемных вопросов реформы местного самоуправления, ее целевую направленность на отрыв населения от фактического местного самоуправления, превращение муниципальной власти в часть государственной власти, что ослабляет «базисные» конституционно-правовые основы местного самоуправления как одной из форм народовластия, закрепленной в ст. 3 Конституции РФ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кожевников Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, ¹профессор кафедры конституционного права, ²профессор кафедры конституционного и международного права

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Oleg A. Kozhevnikov – Doctor of Law, Professor; ¹Professor, Department of Constitutional Law; ²Professor, Department of Constitutional and International Law

¹ *Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева*

² *Уральский государственный экономический университет*

¹ 620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21

² 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

E-mail: jktu1976@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1371-7249

SPIN-код РИНЦ: 1494-4895; AuthorID: 346061

Костюков Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой государственного и муниципального права *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского*

644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: omsk.post@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1811-997X

SPIN-код РИНЦ: 1428-1209; AuthorID: 353695

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кожевников О.А. Российская конституционно-правовая модель местного самоуправления: теория, законодательство, практика (обзор докладов экспертной площадки в рамках XI Уральского форума конституционалистов, 2 октября 2025 г., Екатеринбург) / О.А. Кожевников, А.Н. Костюков // *Правоприменение*. – 2026. – Т. 10, № 1. – С. 155–164. – DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).155-164.

¹ *Ural State Law University named after V.P. Yakovlev*

² *Ural State University of Economics*

¹ 21, Komsomol'skaya ul., Yekaterinburg, 620137, Russia

² 62/45, 8 Marta / Narodnoi Voli ul., Yekaterinburg, 620144, Russia

E-mail: jktu1976@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1371-7249

RSCI SPIN-code: 1494-4895; AuthorID: 346061

Alexander N. Kostyukov – Doctor of Law, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation; Head, Department of State and Municipal Law *Dostoevsky Omsk State University*

55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: omsk.post@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1811-997X

RSCI SPIN-code: 1428-1209; AuthorID: 353695

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Kozhevnikov O.A., Kostyukov A.N. The Russian constitutional model of local self-government: theory, legislation, practice (review of reports of the expert platform within the framework of the XI Ural Forum of Constitutionalists, October 2, 2025, Yekaterinburg). *Pravoprimenie = Law Enforcement Review*, 2026, vol. 10, no. 1, pp. 155–164. DOI: 10.52468/2542-1514.2026.10(1).155-164. (In Russ.).

Индексирование и присутствие журнала в базах данных

– Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утв. Минобрнауки России (категория К1)
«Белый список» – Единый государственный перечень научных изданий (категория К1)

– Web of Science™ Core Collection: Emerging Sources Citation Index™ (квартиль Q3) – международная база данных научных журналов (<https://mjl.clarivate.com/>)

– Международная база научных статей и их метаданных (<https://www.crossref.org/>)

– Российский индекс научного цитирования (РИНЦ):
Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU (<http://elibrary.ru/>)

– AcademicKeys.com – межуниверситетская база поиска научных журналов в соответствии с профессиональной деятельностью (<http://www.academickeys.com/>)

– Open Archives – международная база данных (<http://www.openarchives.org/>)

– ResearchBib – международная мультидисциплинарная база данных научных журналов (<https://www.researchbib.com/>)

– Ulrich's Periodicals Directory – международная база данных периодических изданий (<http://ulrichsweb.serialssolutions.com/>)

– КиберЛенинка – научная электронная библиотека (<https://cyberleninka.ru/>)

– Google Scholar (Академия Google) – международная система поиска научных публикаций (<https://scholar.google.com/>)

– Bielefeld Academic Search Engine международная система поиска научной информации (<http://www.base-search.net>)

Полная информация об индексации журнала представлена на его сайте (<https://enforcement.omsu.ru/jour/>)